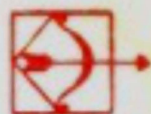
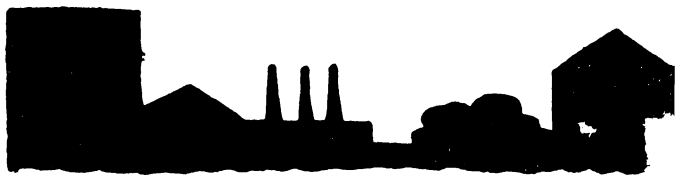

Л. СЛОВИН

ЗАДЕРЖАТЬ НА РАССВЕТЕ

ЛЕОНИД СЛОВИН

„ЗАДЕРЖАТЬ
НА РАССВЕТЕ“

•
повести

**На конкурсе,
проведенном Министерством охраны
общественного порядка РСФСР
и Союзом писателей РСФСР
на лучшее произведение
о советской милиции,
повесть «Такая работа»
была удостоена второй премии.**

ТАКАЯ РАБОТА

повесть

ДЕЖУРСТВО В ПЯТНИЦУ глава I

1

Приняв дежурство, он удобно расположился за столом, убрал лишние бумаги и выключил репродуктор.

...Тот, кто заступает дежурить по городу в пятницу, — в субботу и воскресенье отдыхает. Если ничего не случится. Все остальные работники розыска отдыхают после дежурства всего один день.

И уже не раз старший лейтенант милиции Андрей Мартынов проводит субботы и воскресенья дома. По субботам он ходит с Ольгой в кино или на концерты, а по воскресеньям учит своего Игорешку играть в футбол.

Они берут мяч, флягу со сладкой водой, «Огонек», бутерброды и с самого утра отправляются в Заречный парк, на дальнюю боковую аллею. Если Игорешке удастся не упасть при разбеге, мяч от его удара летит довольно далеко.

Поупражнявшись в футболе, они подкрепляются бутербродами. Игорешка начинает листать «Огонек», а Андрей дремлет на скамейке, пока не придет Ольга.

— Папа! — обычно не выдерживает Игорешка. — Ну, расскажи мне историю! Лучше расскажи сказку! Расскажи мне «Аленький цветочек»!

— Я забыл «Аленький цветочек». Почитай журнал...

— Хорошо, — сразу соглашается Игорешка, — я буду читать журнал, а ты рассказывай мне, как мы поедем в отпуск.

— Рано утром, — не открывая глаз, нудно начинает Андрей, — мы выйдем из поезда на маленьком полустанке. Поезд сразу уйдет, а мы останемся одни у подножья гор. Седые вершины, изрытые ущельями, будут висеть над нашими головами. — Постепенно Андрей сам увлекается своим повествованием, и голос его приобретает обычную силу. — В ущельях еще будет туман, а верхушки гор будут чуть подрумянены восходящим солнцем. Рядом с нами будут стоять стройные кипарисы, а у наших ног будет море. Утром оно тихое, голубое и прозрачное, прибоя совсем нет, только брызги, как маленькие хрусталики или ледышки...

— Да?! — веря и сомневаясь, кричит Игорешка. — И дядя Игорь Ратанов с нами поедет?

— И дядя Игорь.

— И дядя Алик Тамулис?

— И Тамулис. Весь уголовный розыск. Все закроем и поедем.

— Правда?! — кричит Игорешка, и в голосе его звучит радостное удивление.

Андрей открывает глаза и смотрит на худенького восторженного человечка, присевшего на корточки у его ног.

Июнь стоит сухой и жаркий, но зной не пробивается на скамью сквозь успевшие уже отрасти ветви деревьев. Плотной стеной высится кустарник. Близко и горячо пахнет полевыми цветами.

— Еще пара воскресных тренировок, — серьезно обещает Андрей, — и буду рекомендовать тебя в областную команду «Динамо».

...Да, тот, кто дежурит в пятницу, гуляет два дня. И это, черт возьми, в июне совсем не плохо!

Высокий, плечистый человек подымается над столом, приглаживает руками длинные русые волосы, улыбается своим мыслям.

Стоило ему подняться, как сразу же, словно разбуженные, начинают звонить телефоны, пищит рация. Мартынов садится на место, отвечает, спрашивает, записывает, распоряжается дежурным нарядом. Спокойно, весело, быстро.

С тех пор как пять лет назад выпускники юридического факультета МГУ Мартынов и Ратанов переступили порог горотдела милиции, никто не видел, чтобы Мартынов нервничал, терял хладнокровие, злился.

— Товарищ дежурный! Не зарегистрировано сегодня по городу несчастных случаев? Отец ушел в магазин и пропал... Пожилой он, сердце большое... Ничего нет?

— Товарищ дежурный! Примите телефонограмму. Прошу принять срочные меры розыска преступника, совершившего ограбление в ночь на двадцать шестое июня сего года в районе лесного массива станции. Приметы преступника: на вид тридцати пяти — тридцати шести лет... роста ниже среднего...

— Ушел из дому мальчик. К кому здесь обратиться? Хотел с другом поступать в мореходное... Вот его фото.

— Розыск преступников по сводке-ориентировке 172/12 прекратить в связи с задержанием разыскиваемых. Повторяю: розыск...

Улучив свободную минуту, Мартынов звонит по телефону в соседний кабинет.

— Товарищ Тамулис, зайдите к дежурному!

Молодой выпускник Каунасской школы милиции Альгис Тамулис за весь год дежурил по пятницам не более двух-трех раз — «еще не заслужил». Кроме того, его жена была в отъезде, а таких мужей в гор-отделе «прижимали».

Положив трубку, Тамулис вздохнул: если бы он срочно понадобился дежурному, тот просто стукнул бы ладонью в стену или крикнул в коридор: «Алик, зайди!»

И все же не идти на вызов дежурного нельзя.

— Товарищ лейтенант, получите почту.

Перед Мартыновым лежала справка из гороно, надобность в которой отпала еще в прошлом месяце.

— Отрываешь от дела, Андрей! Секретарю не мог отдать...

— Пререкания, товарищ лейтенант, — сказал Мартынов, — не знаете правил прохождения службы!

Он с секунду выжидательно-укоризненно смотрел на Тамулиса, затем преувеличенно устало и безнадежно махнул рукой:

— Позор, товарищ Тамулис. Скажите вашему начальнику — капитану Ратанову, чтобы он послал вас мыть полы в ОБХСС. Я позвоню туда. Идите.

Тамулис хотел сказать что-нибудь ехидное, но, встретившись глазами с Мартыновым и поняв, что тот будет играть роль ревностного служаки до конца, без всякой угрозы пробормотал:

— Ничего, старик, в понедельник ты у меня тоже побегаешь!

Когда дверь за Тамулисом захлопнулась, Мартынов с минуту раздумывал, потом снял трубку и вызвал буфетчицу:

— Говорит дежурный по отделу. Прошу оста-

вить что-нибудь от обеда нашему комиссару милиции Тамулису, если они опять запоздают к обеду...

— Так ведь ваш комиссар каждый день опаздывает.

Тамулис действительно приходит в буфет последним, когда там ничего уже нет, кроме конфитюра и дорогих шоколадных конфет, садится у окна и ест всегда медленно, без аппетита — его мысли вечно витают где-то далеко. И, глядя на его безучастные близорукие глаза, голубеющие под белесыми бровями, буфетчица всегда недовольно морщится и стучит пустыми кастрюлями.

— Пойми, Тонечка, — сказал Мартынов, — я не могу допустить, чтобы в мое дежурство оперативники ходили голодными.

— Ладно. Я оставляю ему шницель.

— Хорошо. А мне, как всегда, спаржу и филе из мяса молодого бизона...

Но уже через час Мартынову опять стало не до шуток: дважды пришлось самому выезжать с опергруппой на вызовы; отделения просили машины, и Андрей разыскивал их по рации на всех дорогах. Из служебного собаководства сообщили, что заболел Карат, и его проводник слезно молил привезти к Карату кого-нибудь из специалистов ветеринарного института, «желательно с ученым званием».

Андрей уже трижды вызывал к себе Тамулиса и другого оперативника, Германа Баркова, — не по телефону, а просто стуком кулака в стену, — и посылал их то на пристань, то к фабрике «X Октябрь», то в Центральный универмаг.

Все чаще и настойчивее звонили телефоны:

— Третий пост просил машинну...

— Вышлите наряд по адресу...

— Дружинниками задержаны...

— Докладывает сержант Кириллов...

— Примите меры... рост... телосложение... Ответ телеграфируйте. Кто принял?

Уже стемнело, когда Тамулис устало и тяжело, с папкой в руках вышел на крыльцо. Мартынов соби-

рался куда-то ехать и стоял во дворе у дежурной машины. Настроение у него, как всегда, было приподнятое: бо́льшая половина дежурства была уже позади.

— Славно поработали — хорошо отдохнем! — крикнул он Альгису. — А вам не кажется, товарищ Тамулис, что некоторые выпускники каунасской школы йогов имеют к концу работы несколько измученный вид?

— Остричь изволите-с? — полюбопытствовал Тамулис.

Дежурное помещение — сердце милиции.

Это сердце стучит быстро и медленно, ритмично или неритмично, тоны его то чисты, то пугают шумом, иногда кажется, что оно не выдержит нагрузки и вот-вот выскочит из груди, — но оно никогда не останавливается, это сердце, и бьется в любое время дня и ночи.

Телефоны в дежурной комнате милиции, как чувствительные сейсмические приборы, регистрируют малейшие, не ощущаемые непосвященными «подземные толчки» городской жизни. Они почти непрерывно звонят примерно до часа ночи, потом умолкают и пробуждаются лишь для того, чтобы сообщить о неожиданном и важном.

Дежурный всю ночь что-то пишет, его помощник сидит у коммутатора оперативной связи и пьет чай на постеленной у аппарата газете. В машинах дремлют шоферы. Из питомника служебного собаководства иногда раздаются звонкий лай и металлический лязг.

В дежурке открывают окна, и в комнату врывается свежий ночной ветер.

Шумят во дворе освещенные прожекторами тополя.

Дежурный на миг перестает писать и поднимает голову.

Тревожный ночной ветер. Он чем-то близок дежурным. Он тоже не спит по ночам. Он тоже хозяин уснувшего города.

Мартынов умер перед рассветом, не приходя в сознание. Ни операция, ни переливание крови результатов не дали. Права оказалась высокая пожилая санитарка «Скорой помощи», которая еще ночью, взглянув на заострившееся, пожелтевшее лицо Андрея, когда его вносили в машину, сказала громко и безапелляционно: «Этот до утра не дотянет».

И Андрей не дотянул. Но еще пока он тянул, пока его большие, сильные руки судорожно мяти серое шершавое одеяло, пока вокруг него суетились врачи, и еще до того, как его койку выкатили в коридор, у белого приземистого здания приемного покоя собрались оперативники.

Ночь была темная, и каждый, кто подходил к больнице, как будто выныривал из плотного, густого мрака, в котором тонули больничные корпуса и высокие, потрескивающие в темноте деревья старого парка.

В низкой, ярко освещенной комнате на белой больничной скамье бледная, с остановившимися, побелевшими от ужаса глазами сидела Ольга Мартынова. Она не плакала. Она смотрела не отрываясь в одну точку, как будто на расстоянии, через стену внушала что-то тем, кто был в это время в операционной. Вокруг нес появлялись знакомые и незнакомые ей люди и неловко склоняли головы перед ее горем. Побыв несколько минут в приемном покое, они выходили на улицу, садились в машину.

В коробе «газика» было темно, время от времени то в одном, то в другом углу вспыхивали светлячки папирос. Только Тамулис стоял снаружи, тихо постукивая рукояткой фонаря по железной стенке кузова. Стук гулко отдавался в темном коробе, и оттуда негромко, но зло крикнули: «Прекрати же стучать!»

Внезапно в темной аллее вспыхнули неяркие огоньки подфарников — приехал начальник областного управления. Коренастый, седой, держа генеральскую фуражку в руке, Дед быстро прошел по тропинке вместе с главным хирургом области. Навстречу

ему из больницы вышел начальник уголовного розыска Ратанов, козырнул, отошел в сторону. Увидев его, шофер «газика» включил зажигание.

Машина шла быстро, и людей в кузове потряхивало и бросало друг к другу.

— Внимание! — с усилием сказал Ратанов, когда они выехали на проспект. — Пока известно следующее: в 0.30 — 0.40 сторож промтоварной палатки, что на углу Смежного, видел двух людей, показавшихся ему подозрительными. Об этом он позвонил в гор-отдел. Мартынов с милиционером выехали к палатке. Ничего подозрительного они не заметили. В 0.50 — 0.55 Андрей позвонил помощнику. Тот просил подобрать пьяного у сквера на Даличской. Андрей отправил милиционера с машиной за пьяным, а сам остался ждать у палатки. В это время сторож — его сейчас допрашивают — пошел на другой объект...

Машину резко тряхнуло, шофер виновато чертыхнулся.

— Милиционер подобрал пьяного — оказалось, что он живет недалеко, — и завез его домой. Когда машина вернулась на Смежный, Андрея у палатки не было. Решили, что он уехал на попутной машине, и вернулись в отдел. Это было в 1.40. А в 1.50 из «Скорой помощи» сообщили о вызове на Смежный переулок к дому одиннадцать. От промтоварной палатки это метрах в двухстах... Район недавно застроенный, необжитый.

Ровесник Мартынова Ратанов казался старше своих лет благодаря умению во всех непредвиденных, даже трагических обстоятельствах выглядеть спокойнее и суше, чем был на самом деле. И сейчас, сидя рядом с шофером, узколицый, подтянутый, с незажженной сигаретой в руке, он всем своим видом показывал, что ничто не мешает ему вести розыск преступников объективно и беспристрастно, как велит закон. В другой руке Ратанов бесцельно сжимал пустой спичечный коробок.

— Какие раны? — спросил кто-то.

— Одна ножевая, слева по горлу. И еще ссадины. Возможно, получены при падении.

— А кто его обнаружил?

— Муж и жена возвращались домой... Они нас ждут на углу Кировской...

Шофер притормозил на углу, принимая в машину свидетелей. Женщина сразу закашлялась, и Ратанов попросил не курить. Еще несколько минут они ехали быстро, потом машина свернула в Смежный и пошла медленно. Оперативники, согнувшись, припали к окнам.

Промтоварная палатка на углу. Неширокая асфальтированная улица. Застывшие в сонном оцепении маленькие домики. Еще несколько десятков метров — и корпуса новой застройки. Пятиэтажный корпус, молчаливый, словно пустой, с темными витринами нового, еще не открытого универсама. За корпусом виднелся пустырь, груды строительного мусора.

Пока они ехали, небо начало светлеть.

— Здесь,— сказала женщина. Ее муж тихо кашлянул.

«Газик» остановился.

У стены дома сидели на корточках несколько человек — эксперты, следователи... Поодаль, не приближаясь к машинам, стояла большая группа жителей дома. Ратанов успел заметить бурые, еще свежие пятна на влажном асфальте у самого угла дома, обернулся к свидетелям.

Подошедшая к машине полная молодая женщина, кутаясь в пуховый платок и часто передергивая плечами, как от озноба, торопливо заговорила:

— Вон там он лежал. И стонал. А у нас видите как: на этой стороне дома ни подъездов, ни окон. Мы и не знали. Никто. Я услышала только, как мужчина с женщиной закричали. И мой муж тогда побежал звонить. Это ведь уже второй случай — с девушки здесь хотели часы снять...

Мужчина, приехавший вместе с женой на машине, тронул Ратанова за рукав:

— Мы с женой вот здесь шли. От ее брата, к не-

му дочь приехала из Москвы. Она в медицинском учится. Ну, посидели мы у него. Идем мы, а жена еще мне и говорит: «Ух, темень какая!»

Жена перебила его:

— Я оступилась как раз...

— Да, оступилась она. Ну вот...

Ратанов молчал — таких вот свидетелей перебивать бесполезно.

— Слышу, стонет кто-то. Так: «О-о-о-о! О-о-о-о!»

Жена моя как закричит: «Вань, здесь человека убили! Поддай,— говорит,— голос!» Я и начал народ подзывать, а жена к нему нагнулась...

— Ничего он вам не сказал?

— Ничего такого не сказал. Нет. Один раз вроде как, извините, выругался... Вроде бы «черт» сказал... Я так понял.

— А я слышала, как «чернь»... И еще говорит: «сыночек», «сыночек»... У меня так сердце и...

Ратанов хотел прикурить, но вдруг замер на секунду, впился глазами в этикетку на спичечном коробке, в странную, далекую от него надпись: «Не применяйте паяльных ламп при отогревании замерзших труб».

Женщина вынула платок, поднесла к глазам. Капитан отвернулся, отошел за угол дома, к своим. Следователь прокуратуры составлял схему места происшествия. Это был Карамышев, молодой, рано полысевший брюнет с черными цыганскими глазами. Он молча мигнул Ратанову и снова нагнулся к планшету. Из-за его плеча Ратанов увидел на бумаге большой прямоугольник — дом одиннадцать — и маленький неумелый рисунок, изображавший распластанного на земле человечка. Стрелки указывали направления, вход в корпус, в магазин, на кусты около дома и на бетонированный колодец подвального помещения, закрытый сверху решеткой.

Ратанов отошел от Карамышева к колодцу, взялся за решетку. Она подалась, ржаво и громко за скрипев. Неглубокая прямоугольная яма была пуста. Увидев, что начальник держит решетку, подошедший старший оперуполномоченный Гуреев, не-

большого роста, медлительный, но цепкий, опытный, обычно предпочитающий давать советы, нежели делать самому, с красным от полнокровия лицом и короткими черными усиками — он их то отпускал, то снова сбрасывал, — тяжело спрыгнув вниз, пододвинулся к заколоченному окну подвала, подергал доски.

— Порядок. Ничего не тронута. Заколочено на совесть. — Голос Гуреева неожиданно изменился. — Дед приехал.

От машин по направлению к корпусу шли начальник управления и областной прокурор. Прокурор что-то быстро на ходу говорил генералу. Ратанов направился к ним.

В машине затрещала рация.

— «Енисей-2», «Енисей-2», я «Ангара», как меня слышите? Прием, — монотонно заговорила трубка.

— «Ангара», я «Енисей-2», я «Енисей-2», слышу вас хорошо. Прием, — ответил Ратанов.

— «Третий»... 15... 32...

«Третьим» в эти сутки после генерала и дежурного по управлению был Мартынов, дежурный по горотделу.

— 32, — повторил Ратанов, — вас понял.

И все поняли и молча сняли фуражки. Потому что дежурный по управлению сообщил о смерти Андрея.

В половине седьмого у генерала началось оперативное совещание. За столом сидели несколько работников прокуратуры и уголовного розыска. Из горотдела были только начальник милиции полковник Альгин и Ратанов.

Генерал по привычке сидел за столом чуть боком, хмурый, расстроенный, и, не меняя позы, поворачивал седую голову к каждому, кто решался высказаться. Мало знавшие генерала могли быть легко введены в заблуждение относительно его характера, глядя на маленькие острые зрачки под большими, набухшими веками, на то, как он, слушая,

нетерпеливо постукивает карандашом по столу и, не заботясь о производимом им впечатлении, внезапно смотрит на кого-нибудь долго и бесцеремонно, как будто видит впервые.

Он слушал молча и никого не перебивал: докладывались только факты — то, что стало известно из первых допросов, из осмотра места происшествия. Перед обсуждением возможных версий генерал негромко постукивал карандашом по столу.

— Первый вопрос: кто непосредственно поведет розыскное дело? Возьмет всю ответственность за раскрытие преступления на себя и будет вести дело до конца, не отвлекаясь другими делами?

— Альгин?.. — полувопросительно сказал его заместитель.

Все замолчали. .

В каждом коллективе обязательно есть один или несколько человек, на плечи которых ложатся самые трудные и ответственные поручения. Добросовестное отношение к делу, серьезность и опыт этих людей служат гарантией успеха, а в случае неудачи с них всегда можно спросить в полном объеме, без скидок на трудность задания, на «объективные условия». Им легко поручать, потому что они не пытаются увильнуть от заданий, не жалуются и не сетуют.

Таким работником в управлении был начальник горотдела милиции полковник Альгин.

Альгин не удивился, услышав свою фамилию. Еще ночью, узнав о преступлении, он понял, что так будет, и теперь заранее задумывался над тем, как подготовить жену и начальника медсанчасти к тому, что их планам отправки его на лечение не суждено будет сбыться.

— У Альгина и так весь горотдел на руках, — сказал генерал, — депутатские обязанности... Ему и без того тяжело, тем более сейчас, когда его заместитель Шальнов в отпуске.

Шальнов готовился к экзаменам в Высшую школу милиции.

— Можно было бы отозвать...

Генерал не ответил.

— Какие еще есть предложения?

В комнате снова стало тихо.

Ратанов почувствовал на себе взгляд Альгина и, словно только и ждал этого сигнала, встал.

— Если мне доверят...

Все молча посмотрели на Ратанова.

— У меня сейчас ничего такого серьезного нет, — с расстановкой сказал майор Веретенников, старший оперативный уполномоченный управления, закрепленный за городским отделом милиции, невысокий, в закрытом наглухо синем кителе.

— Итак, — сказал через минуту своим ровным, спокойным голосом генерал, — дело поведет товарищ Ратанов. В помощь ему от управления выделяется товарищ Веретенников. Если Шальнов может без ущерба оторвать несколько дней от подготовки к экзаменам, пусть он на первых порах поможет Ратанову и Веретенникову... Переходим ко второму вопросу — о версиях. Слово старшему следователю прокуратуры области товарищу Карамышеву.

— Первая версия, — поблескивая своими черными глазами, сидя, начал Карамышев, — должна быть связана с сообщением сторожа. Не исключено, что после ухода сторожа Мартынов решил сам осмотреть переулок и обнаружил тех двоих, что подходили к палатке. При преследовании Мартынов, возможно, упустил одного из преступников, позволил ему уйти с тыла. Затем последовало внезапное нападение...

— Могли ли неизвестные, убежав от палатки в другую сторону, попасть к одиннадцатому дому на Смежный? — спросил кто-то.

— Могли. — Карамышев обернулся, отыскивая глазами того, кто подал реплику. — Дом номер одиннадцать — крайний в застройке, к нему ведут подходы со всех сторон. Представьте себе: убежав от сторожа, преступники вышли дворами на Смежный и снова подошли к палатке, но уже с другой стороны. Навстречу им от палатки мог идти Мартынов. Неизвестные повернули назад, Мартынов — за ними...

— Мартынов вытащил бы пистолет, — сказал Ве-

ретенников. Это он подал первую реплику Карамышеву.

— Мартынов мог и не браться за оружие, — сказал Альгин. — Это исключительно смелый человек, спортсмен, физически хорошо подготовленный. Он не раз задерживал в одиночку очень сильных преступников.

— Вот и дозадерживался, — тихо, чтобы не слышал генерал, буркнул Веретенников, — сына сиротой оставил и всем задал дел.

Генерал услышал его.

— Ваше мнение, товарищ Веретенников?

— Стало известно, что этот случай не первый у дома номер одиннадцать. Несколько дней тому назад, товарищ генерал, на этом же месте пытались ограбить девушку. Кто у нас еще может заниматься ограблениями? Маменькины сынки, начитавшиеся разных книг и посмотревшиеся всяких заграничных фильмов...

— Я дал команду срочно проверить, не завозились ли ночью товары в универмаг, который там открывается на первом этаже, — сказал Альгин, — в одиннадцать часов нам дадут официальную справку.

— Ничего упускать нельзя, — сказал заместитель начальника управления. Его большая львиная голова возвышалась над всеми. — Распыляться не надо, но все это учесть... Может, нам все-таки Веретенникова сделать ответственным, товарищ генерал?

Генерал несколько секунд молчал.

— Не одному Гомеру есть место среди поэтов. — Он повернулся к Альгину всем туловищем. — Распорядитесь, чтобы Ратанову придали людей и машины, чтобы он ни в чем не испытывал недостатка.

3

Тамулис работал в уголовном розыске недавно. Его первое дело было совсем заурядным: кража бензопилы с молокозавода. К тому же оно было и бесперспективным. Единственный подозреваемый в пре-

ступлении — некто Зарцев — хорошо знал, что, кроме предположений, улики у Тамулиса нет, и поэтому нагнул с каждым допросом. Он просто издевался над Тамулисом.

— Как вам хорошо известно, Зарцев, — каждый раз бесстрастно начинал Тамулис, — преступник, похитивший бензопилу, перерезал дужку замка на двери склада при помощи сварочного аппарата. Вы работали на строительстве молокозавода, имели доступ к сварочному аппарату, и у вас на следующий день после кражи были сильно воспалены глаза. Чем вы можете это объяснить?

— Соринка в глаз попала...

К этому времени Тамулис проработал в отделении около двух недель, худой, нескладный, в больших очках, оставивших красный непроходящий шрам на его переносице.

— Но у вас, Зарцев, были воспалены оба глаза...

— Правильно. Мне в оба глаза попали соринки — ветер был сильный. По-вашему, такого не бывает, товарищ начальник?

И Зарцев смотрел на него с любопытством, наслаждаясь своей неуязвимостью.

Тамулис не сдавался:

— Но у вас глаза болели продолжительное время. Так от соринки не бывает. И почему вы не обратились к врачу?

— Знаешь, начальник... — Зарцев закидывал ногу на ногу, закуривал без разрешения и бросал мятую пачку «Памира» на стол к Тамулису. — Чего не бывает... Если по каждому пустяку начнем мы с тобой к врачу бегать...

Они встречались почти ежедневно. И эти встречи вскоре стали дежурной темой острот всего отделения уголовного розыска.

— Брось ты пока этого Зарцева, — посоветовал Тамулису майор Гуреев, — мы его на другом деле возьмем. Весь народ смеется...

Но, как выяснилось, Тамулис не умел бросать начатое. На его столе появились брошюры по электро-

сварке и учебник офтальмологии, а Зарцева он направил для осмотра к лучшему окулисту города.

Специалист ничем не мог помочь Тамулису — слишком много дней прошло со дня травмы. Зато Зарцеву он выписал очки. Когда Зарцев появился в горотделе милиции в массивных дымчатых очках, обычная невозмутимость Тамулиса его оставила. Он молча отметил Зарцеву повестку, не спеша засунул бумаги в сейф и, покусывая ногти, направился к начальнику горотдела милиции. Гуреев, с которым Тамулис работал тогда в одном кабинете, поднял голову и проводил его долгим сочувственным взглядом.

Он, Гуреев, считал, что уголовный розыск не для Тамулиса, и при случае не раз высказывал свою точку зрения заместителю Альгина майору Шальнову. Сегодня, видать, понял это и сам Тамулис.

«Похитрее надо, потоньше, в обход, а если взялся за допрос, так чтобы чувствовалось, что мужчина допрашивает, а не сосунок!» Гуреев отложил авторучку и с удовольствием напряг мышцы локтевого сустава: он увлекался туризмом, отпуск обычно брал зимой, чтобы играть в хоккей, и на людей неразвитых физически, независимо от их должности и звания, смотрел свысока.

В этот час Альгин был занят. Тамулис присел в приемной. Здесь среди обычных посетителей его увидел Андрей Мартынов. Он бесцеремонно потащил его к себе и заставил рассказать всю историю с Зарцевым, с окулистом, со злосчастными очками.

В тот же день Ратанов приказал Тамулису временно оставить свои дела и вместе с Мартыновым заняться раскрытием дерзких ночных краж, совершаемых через открытые окна. Тамулис дежурил с Мартыновым ночью на улицах, сидел в засадах, ездил на задержания.

Поиски ночных воришек продолжались около месяца. За это время Тамулис успел не раз побывать у Мартынова дома, а потом и вовсе зачастил к старшему оперу: его Ирина жила в это время в Каунасе, у мамы, ожидая появления на свет маленького продолжателя рода Тамулисов.

Ночные воришки были пойманы. Появились похитители велосипедов. И все-таки Тамулис не забывал свое первое дело. Месяца через два, узнав, что Зарцев брал краткосрочный отпуск и ездил в деревню, Тамулис тоже отпросился у Ратанова на два дня, провел их где-то между Лукоянихой и Барбешками и на третий день, смущенный, измученный и с ног до головы перепачканный глиной, притащил в кабинет Альгина похищенную на молокозаводе пилу. Зарцев был арестован.

Оперативники признали Тамулиса.

Тамулис попал в группу Гуреева, занимавшуюся поиском свидетелей в районе убийства. Кроме него и Гуреева, в эту группу входило несколько участковых уполномоченных.

Свидетели, которых они должны были найти, по мысли Ратанова, могли помочь если не в прямом розыске преступников, то хотя бы в выработке правильной версии.

— Человек, — пояснял свою мысль Ратанов, — проходивший по Смежному около часа ночи и не видевший на улице никого, свидетельствует уже о времени появления преступников. Значит, они не находились там заранее, пришли позже. Это тоже важно. Ну, я не говорю, как нам важно найти человека, который сам, своими глазами видел преступников... Им, например, может оказаться какой-нибудь юноша, стоявший этой ночью на крыльце с девушкой...

Тамулису достались первый квартал Кировской и четная сторона Смежного переуллка.

Он подошел к угловому дому и остановился. Каждый, кому приходилось в жизни искать, всегда хоть чуточку надеялся на случайную, сумасшедшую удачу. А если твоя профессия в том и состоит, чтобы искать, то вера в счастливый случай становится твоим спутником и твоим врагом.

Тамулису открыла дверь женщина в пенсне. Они с мужем только сегодня утром приехали московским из Коктебеля.

Тамулис пошел в угловой дом.

В доме было много квартир. В них жили и добрые, словоохотливые мамы, и люди, торопившиеся поскорее закрыть двери, и мальчишки, у которых от вопросов Тамулиса загорались глаза. Но никто из них ничего не мог сказать о случае на Смежном.

У парикмахерской Тамулис встретил Гуреева.

— Как? — с надеждой спросил Тамулис.

Гуреев только махнул рукой. Он успел побриться и выглядел, как всегда, чуть тяжеловатым, опытным, солидным.

«Почему я не люблю Гуреева?» — подумал Тамулис.

4

Уже с первых часов после убийства Мартынова в городской отдел милиции стали звонить люди, желавшие помочь в розыске преступников. Проверкой этих сигналов занималась вторая оперативная группа. Эта группа должна была опросить всех ночных сторожей, проверить сообщения, поступающие от работников ОРУД — ГАИ и других служб.

Руководил ею молодой ленинградец Герман Барков, другой опекун и товарищ Тамулиса, высокий, черноволосый, с неожиданными на мягком смуглом лице насмешливыми голубыми глазами, славившийся необыкновенной преданностью работе. Один из тех, кого в шутку, но с оттенком уважения называют обычно фанатиками.

Со времени совершения преступления самого Баркова никто в отделе, кроме Ратанова, не видал и не знал, где он находится, от него время от времени только доходили телефонные звонки, то обнадеживающие, то полные разочарования.

— Я не верю в счастливую случайность, — внушал ему по телефону Ратанов, — и ты тоже не верь. Нас выручит только кропотливый, методичный труд...

Но примерно в одиннадцать дня Барков снова позвонил и предупредил, что сейчас придет с очень важным для дела свидетелем.

Вскоре он действительно появился в отделе с высоким молодым человеком в гражданском костюме и пыльных, давно не видевших щетки сапогах. Обычно насмешливый и бесцеремонный, Барков на этот раз шел позади своего молодого спутника, заботливо, хотя и несколько угрюмо, открывая перед ним двери и пропуская впереди себя.

После того как они прошли в кабинет Ратанова, никто из оставшихся в здании работников розыска не мог спокойно заниматься своими делами. То один, то другой из них, прислушиваясь, выходил в коридор, а проходя в дежурную часть, замедлял шаги перед кабинетом Ратанова. Каждую минуту можно было ждать начала активных наступательных действий.

Прибывший с Барковым оказался конюхом ипподрома. Ночью, возвращаясь на работу «с обеда», он видел двоих ребят, направлявшихся, как и он, в конец проспекта. Сначала он не обратил на них внимания и даже хотел обогнать, но потом очень заинтересовался, услышав, что они говорят о каких-то весьма непрочных замках, снять которые не представляет никакой трудности. Не зная, имеет ли отношение их разговор к замкам на ипподроме, он прислушался, однако речь шла о какой-то палатке. Вскоре ребята зашли в средний подъезд дома № 126 по проспекту, а он пошел дальше: их, конюхов, тоже, бывает, проверяет в ночное время начальство...

— Два высоких парня, — присовокупил он напоследок, — верзилы, повыше меня...

— В какое время это было? — спросил Ратанов.

— Думаю, что было половина второго.

— Никого другого вы в это время не видели?

Работник ипподрома взял из массивного металлического портсигара папиросу и несколько секунд неторопливо ее приминал.

— По-моему, еще шли люди... Да, еще женщина встретила. Вернее, она стояла у другого подъезда этого же дома. Молодая, в длинном темном халате...

Через несколько минут Барков выехал в ЖЭК, а

оперуполномоченная Нина Рогова, неразговорчивая, замкнутая, совсем не похожая на ту смешливую круглолицую девушку, которую называли в отделении Луной, — к дому на проспекте.

— Есть там двое таких, — сказала Баркову энергичная полная женщина с несколько обрюзгшим мясистым лицом, техник-смотритель, — работают они оба на фабрике. Чем еще занимаются, не знаю, но по ночам шляются. Это точно. Гавриков из триста девяносто шестой квартиры и Сергунов. Высокие оба, выше вас на голову. Оба неженатые. Готовятся осенью идти в армию.

Барков позвонил из ЖЭКа Ратанову, потом вместе с техником-смотрителем прошел в квартиры, интересуясь результатами прошедшего осенью ремонта дома, и получил вскоре самую точную информацию о недостатках в работе ремонтно-строительного треста и образе жизни Гаврикова и Сергунова.

Сергунов был на несколько месяцев старше Гаврикова, убежал в шестом классе из дому; родителей его часто вызывали в школу. Гавриков дружил с девушкой из шестого подъезда. Увлекался радиоприемниками. В этом году оба закончили девятый класс в школе рабочей молодежи, каждый день ходили на танцы в парк. Возвращались поздно.

— Чушь какая-то, — сказал Барков на улице, ни к кому не обращаясь.

Гаврикова допрашивал Карамышев, а Сергунова взял к себе в кабинет Ратанов. И сразу же каждый из них сказал, что накануне не видел другого.

Ратанов знал эту мальчишескую манеру — не впутывать во всякого рода неприятности своих лучших друзей, чего бы это ни стоило.

Сергунов оказался парнем с фантазией — он поведал Ратанову длинную, довольно правдоподобную историю о том, как накануне вечером в парке познакомился с девушкой, которую звали Стелла. Они как-то быстро нашли общий язык, и Стелла рассказала ему, что была замужем и у нее есть маленькая

дочка. Муж Стеллы бросил ее с ребенком в этом городе, где у нее нет ни родных, ни знакомых. Он, Сергунов, долго гулял со Стеллой по набережной и говорил о том, что не надо отчаиваться, что вокруг много хороших людей и они ей помогут. Потом он проводил ее до Дачного поселка, но она не показала ему свой дом, а только сказала, что в следующую субботу они снова встретятся на набережной. Ратанов может увидеть ее, если она придет. Приметы такие: блондинка с голубыми глазами, на левой щеке родинка, губы накрашены...

— Вот и все, — сказал Сергунов удовлетворенно, как человек, выполнивший свой гражданский долг перед органами по охране общественного порядка.

Ратанов продолжал молча о чем-то думать, казалось, он уже не слышал окончания этой трогательной истории со Стеллой,

— Ты объясни мне вот что. — Глаза его стали строгими. — Зачем вы подходили к промтоварной палатке в Смежном переулке?

Сергунов покраснел, помялся, попросил закурить.

Как ни устал Ратанов, как ни тяжело было у него на сердце, он не мог не улыбнуться, видя, что Сергунов курить не умеет, а просто читал или слышал, что на допросах перед откровенным рассказом принято курить.

— Рассказывать, собственно, нечего, — сказал Сергунов, глотнув дыма и закашлявшись. Слезы выступили у него на глазах. — Я сказал Гаврикову, — он положил папиросу в пепельницу: ритуал был соблюден в точности, — что такую палатку очень легко поставить на колеса и на ночь увозить на склад. Мы остановились у палатки, смотрим, как установлена... А тут сторож...

На столе зазвонил один из телефонов.

— Докладывает Рогова. Женщина в халате, стоявшая на крыльце, установлена — Московцева Екатерина Михайловна. Она ждала «Скорую помощь» к своему ребенку. Московцева видела возвращавшихся Сергунова и Гаврикова, когда шла звонить по телефону. В «Скорой помощи» сообщили: вызов от Мос-

ковцевой поступил в 0.55. Мартынов в это время был еще жив и говорил по телефону с помощником. Номер вызова «Скорой помощи» — сорок седьмой.

Когда Тамулис, усталый, с мокрыми ногами, входил в отдел, он чувствовал себя совершенно опустошенным. Даже есть не хотелось. Он пришел последним. Остальные ждали его у Ратанова. Тамулиса молча пропустили на диван. Он тяжело сел и с радостью вытянул ноги.

Отчитывался Гуреев:

— Руководство нового универмага еще не утверждено. Завозить товары начнут в ближайшие дни — я разговаривал в горторготделе...

— Тамулис, — спросил Ратанов, — у тебя что-нибудь есть?

Тамулис отрицательно качнул головой.

Подведение итогов дня много времени не заняло.

— Прошло девятнадцать часов с момента убийства, — сказал Ратанов. — Пока мы ничем особенным не располагаем. Нужно полностью закончить «подчистку» участка, чтобы потом не думать, что мы упустили время, когда могли установить свидетелей.

Все промолчали.

— Мы не можем воскресить Мартынова, но найти его убийцу мы можем и должны. Как можно скорее... Через три дня похороны. Хотелось бы — думаю, не я один хочу этого — найти убийцу до того, как Андрея... похоронят. — В наступившей тишине было слышно, как он тихо постукивает карандашом по столу. — А сейчас все свободны, кроме тех, кому я давал днем трехчасовой перерыв. Сбор завтра в семь.

В эту ночь сам Ратанов ушел поздно. Он шел по тихим, безлюдным улицам. Ночное небо, не обожженное по краям огнями окон, казалось от этого ниже и спокойнее. Оно вставало из дремучих лесов и болот, окружавших город, и таило в себе ароматы лесных просек и прелых листьев.

Начальником отделения уголовного розыска Ратанов стал рано, на третий год работы в милиции. Моложе его в отделении были только Барков и Тамулис. Остальные были старше по возрасту, а некоторые старшие уполномоченные — и по званию.

Был еще в отделении и ровесник и друг — Андрей. Андрей Мартынов, без которого Ратанов, возможно, остался бы навсегда анемичным юношей из большого шестиэтажного московского дома в Гранатном переулке.

Мальчики из этого дома испокон веков ходили в беретах, а девочки — в капорах, как на иллюстрациях к книгам Диккенса. Они всегда спешили: в музыкальные школы, на уроки английского языка, рисования, художественной гимнастики.

Игорь Ратанов тоже отходил свое с нотной папкой и взялся за этюдник, когда в их класс перевели и посадили с ним за одну парту вихрастого сероглазого крепыша, первого силача и футболиста Андрюшу Мартынова.

Этюдник был заброшен вместе с нотной папкой. Друзья увлекались футболом и боксом. Родители Ратанова ходили в школу, звонили директору — ничего не помогло. Игорь Ратанов являлся домой в синяках и ссадинах. Однажды отец Мартынова, работавший тогда в Прокуратуре Союза, провел их в Музей криминалистики, на Петровку. Судьба Ратанова решилась. После девятого класса он стал командиром оперативного комсомольского отряда, а через год оба сдали экзамены на юрфак.

Так в семье профессора-терапевта Владимира Иннокентьевича Ратанова появился оперуполномоченный уголовного розыска, а позднее начальник отделения розыска Игорь Владимирович Ратанов.

Он никогда не думал, что так сложно быть руководителем коллектива: люди приносили с собой на работу свои волнения и заботы — о больном сыне, о жилплощади, о дровах. Некоторым женам не нравился суровый режим работы их мужей. Кто-то кого-то недолюбливал. Кто-то радовался его промахам, как будто у Ратанова было свое, отдельное от общего

дело. Нужно было помнить, что при всем хорошем, что есть у каждого, кто-то не в меру вспыльчив, а кто-то обидчив. И нужно было, считаясь и не считаясь со всем этим, быть готовым в любую минуту повести все отделение на дела не только трудные, но и опасные.

И Ратанов думал, что он не умеет этого, и потому старался быть таким, каким ему представлялся идеальный начальник уголовного розыска: бесстрастным, сдержанным, немногословным. Это вредило ему, и Мартынов много раз, оставшись с другом наедине, высмеивал его за это.

В отделе кадров долго спорили: удобно ли оставлять Мартынова в подчинении Ратанова? И Андрей первый доказал: удобно. Самого его на повышение не выдвигали; его веселый, неунывающий характер, увлечение футболом, по мнению некоторых, отдавали мальчишеством и легкомыслием.

Говорили в управлении, что, как все большие друзья, они любили одну девушку, которая предпочла Мартынова. Было это верно или нет, никто не знал, но Ратанов не был женат, и никто не помнил, чтобы он кем-нибудь увлекся. А такое в небольших городах, как известно, не остается незамеченным.

...Кроме Ратанова, к Ольге в этот день никто из товарищей Андрея не приходил. Тамулис с Барковым после совещания подошли к дому, постояли у подъезда и не зашли. Они знали, что Ольга не спит. Они знали, что она ни в чем их не упрекнет, а самим им нечего пока ей сказать. И еще. От шума мог проснуться маленький Игорешка и со сна крикнуть: «Папа!»

5

В дежурке Ратанову сказали, что его давно уже ждет Шальнов.

Заместитель Альгина майор Шальнов до отпуска приходил на работу раньше всех: он рано ложился

спать и часто уже часов с пяти утра ворочался, пил воду и больше не мог заснуть. Тогда он не спеша одевался и пешком шел в отдел. Он здоровался с дежурным и поднимался к себе в кабинет. Там Шальнов перекладывал из сейфа на стол кипы бумаг, папок, каких-то тетрадей с цифрами, садился на стул и сидел. Беспокоили его мало: от рядовых сотрудников он был прочно отгорожен начальниками отделений, а от областного управления, находившегося в двух кварталах, — начальником горотдела. Когда Альгин уезжал на сессии исполкома, в горком, на различные совещания и комиссии, Шальнов тоже исчезал из отдела. Говорили, что во время этих кратковременных отлучек он пропускает по маленькой в буфете гарнизонного Дома офицеров.

За все это Шальнову объявляли замечания и выговоры в приказах и делали последние предупреждения. И тогда он брал у Ратанова розыскные дела, долго держал их у себя в сейфе и возвращал обратно с краткими резолюциями: «Пр. ускорить. В. Шальнов» и «Пр. переговорить. В. Шальнов». Однако докладывать ему никто не спешил, потому что Шальнов давно уже занимался исключительно подведением итогов, составлением всякого рода справок, и докладывать дела по нераскрытым преступлениям человеку, оторвавшемуся от повседневной работы оперативников, было неразумной потерей времени: посоветовать что-нибудь дельное он, как правило, не мог.

За последние годы оперативная работа сильно изменилась — навсегда пропали всякие медвежатники, клюквенники, голубятники, городушники. Исчезли многочисленные известные ему как свои пять пальцев грабительские группы. Преступлений стало совсем мало, а раскрывать их стало труднее.

И такая новая работа уже не нравилась Шальнову, и ему хотелось со временем перейти на какое-нибудь спокойное место в аппарате управления. Для этого нужно было лишь продержаться еще несколько лет на должности зама, четыре года проучиться в Высшей школе милиции, не лезть на рожон, не

выскакивать с инициативой, беречь себя и не делать никаких глупостей.

Об этом он не раз думал, приходя на работу в семь часов утра и сидя за столом, заваленным бумагами.

Решившись, наконец, поступить на заочное отделение Высшей школы и взяв отпуск на подготовку, Шальнов в первый же день почувствовал себя так, как будто под его ногами вместо привычного твердого основания оказался бегущий по волнам шаткий, непрочный плот.

Весь первый день, перелистывая учебники, которые принесла ему из школы жена, Шальнов еще надеялся, что неожиданно зазвонит телефон и он снова вернется к своим привычным, не очень сложным, но необходимым обязанностям.

Дни шли, а телефон ни разу не звонил. К этому времени Шальнов понял, что может сдать приемные экзамены только случайно, потому что давно уже отвык заставлять себя с трудом познавать новое, потому что многое он успел забыть или не знал раньше.

Так, всей душой жалея Мартынова, которому он всегда симпатизировал, Шальнов с радостью прервал подготовку к экзаменам и приехал в горотдел.

— Нужен развернутый план мероприятий, здравствуй, — сказал Шальнов, едва Ратанов появился в дверях его кабинета. — Понимаешь? Нужно все силы положить, чтобы раскрыть! А вдруг не раскроем? Нас с тобой за это преступление сто лет трясти будут! Самый подробный план! Все версии!

...Можно было на нескольких чистых листах бумаги написать возможные версии. Все теоретически возможные. Первую... Вторую... Шестую... Десятую... Убийство с целью ограбления... Месть... Ревность... Версия о нападении шизофреника, бежавшего из психиатрической больницы. Чтобы все было полно, грамотно, солидно. Застраховано на случай неудачи.

Ратанов по одному только плану мероприятий мог уже распознать такие дела. Подавленный тревожной мыслью об ответственности и втайне не веря в свои силы, иной следователь или работник уголовного ро-

зыска спешит выдвинуть и проверить как можно больше версий. Он постоянно видит перед собой того, кто будет потом, когда преступление останется нераскрытым, придирчиво листать страницы и судить его мастерство и способности; и даже на ту версию или версии, которые ему самому кажутся главными, такой работник боится бросить все свои силы, чтобы не оставить непроверенной ни одну из остальных.

«Не даст до конца обойти весь район, — сразу же с тревогой подумал Ратанов, — отберет людей... Заставит застраховаться! Не бывать этому!»

На счастье Ратанова, в кабинет неожиданно вошел майор Веретенников. Как всегда, неторопливый, с непроницаемым одутловатым лицом и чуть заметным вторым подбородком, ниспадающим на воротник традиционного глухого кителя, Веретенников еще в дверях услышал предложение Шальнова, и оно ему не понравилось: для составления солидного документа Ратанов был еще молод и неопытен.

— Начальник отделения пусть работает. План, Василий Васильевич, мы с тобой сами составим.

У Ратанова мгновенно отлегло от сердца.

...В воскресенье город начинает жить позже обычного. Непривычно пусты ранние автобусы, на улицах — редкие прохожие, у кино выстраиваются звонкоголосые ребячьи очереди. Но уже к полудню узкие рукава боковых улиц выносят к центру шумный людской поток. Он течет по тротуарам, дробясь о двери магазинов, парикмахерских, фотографий, втягиваясь в подъезды домов. И кажется, что в этом людском водовороте нет ни системы, ни логики.

В этом потоке шли по городу оперативники. Если бы на карту города нанесли пунктиром их путь, то прерывистые линии вырезали бы из лабиринта улиц правильный квадрат с центром в Смежном переулке, внутри которого не было бы ни дома, ни магазина, ни палатки чистильщика обуви, ни газетного киоска, не пересеченных этим пунктиром.

Андрей Петрович Сабо жил один. Нина Рогова как будто уже встречала где-то этого человека — так знакомы показались ей его худые плечи, ссутуленная спина, тонкая проволочная оправа круглых, вышедших из моды очков. Он пригласил Нину в комнату, где под окном на коврик лежала большая породистая овчарка со щенками, извинился и вышел в переднюю. Овчарка настороженно покосилась в сторону Нины, а потом сразу забыла о ее существовании.

Через несколько минут хозяин вернулся — на нем уже была аккуратная, несколько вылинявшая куртка из вельвета, галстук. И тогда Нина вспомнила — такого же вот пожилого человека в стареньком, но чистом и аккуратно выглаженном костюме она встретила недавно в троллейбусе: он уступал место молоденькой застенчивой девушке.

— Вы любите собак? — спросил Сабо, извиняясь за присутствие в комнате овчарки.

— У нас дома тоже живет овчарка...

Разговор начался. Сабо слушал ее внимательно.

— Кажется, я могу вам чем-то помочь, — дослушав ее до конца и улыбнувшись своей тихой ровной улыбкой, сказал Сабо. — Я гуляю с Альмой ночами. Мы уже привыкли. Чудесный воздух, тишина, отсутствие маленьких сорванцов, что кидают палками в собак. В пятницу мы с ней тоже гуляли. Я решил пройти к судоверфи. Людей на улицах было мало. Альма без поводка бежала впереди. У старой мечети — знаете? — мы повернули назад. Навстречу нам из города шли двое. Под самым фонарем мы встретились. Один, высокий ростом, шел справа, ближе к домам, — его я не рассмотрел. А второй был без рубашки и майки. Рубашку он нес в руке. Мускулистый, не очень молодой, лет, может, тридцати, черноволосый. Я его хорошо рассмотрел, еще отметил даже, что молодежь, как и мы когда-то, предпочитает часто сапоги — он был в сапогах.

Нина слушала внимательно, а глаза ее скользили по стенам комнаты: диван-кровать, тумбочка, книжные полки, занявшие всю стену, — Диккенс, «Степан Разин» Злобина, Луначарский, Толстой, «Ленинский

сборник»... Над столом большая незнакомая фотография — мужское волевое лицо, крутой лоб... «Почему он один? — мелькнуло у Нины в голове. — Запоздалый разрыв с семьей? Смерть жены?»

— ...Альма как раз зарычала на них. Тот, что в сапогах, отпрянул. Спрашивает: «Сколько времени, отец?» Я ответил: «Без трех минут два ночи». Он на ходу выругался, говорит: «Опять жена ворчать будет...» И все.

— А почему вы думаете, что это относится к моему делу? — осторожно спросила Нина.

— Да потому, что, когда он время спрашивал, он ко мне лицом повернулся — и я у него кровь на лице увидел, просто размазана по щеке. И не домой он шел. По той дороге домой никто не ходит.

— Вы сможете сейчас проехать со мной ненадолго?

Когда они уже выходили из комнаты, Нина не удержалась, показала на фотографию.

— Сын?

Сабо улыбнулся.

— Это командарм Якир. Знаете?

Рогова покраснела.

Беседуя с людьми, которые в ночь на субботу проходили по улицам, работники милиции узнавали о приметах прохожих, замеченных ими. Эти приметы Ратанов выписывал на длинную бумажную «простыню». Иногда все приметы умещались в одной строчке:

«Женщина в светлом платье» (проспект у` дома 45).

«Парень в шляпе» (у здания управления культуры).

«Две девушки маленького роста» (пруд на Кировской).

Были в этом списке и такие:

«Мужчина без рубашки» (ул. Торфяная).

«Высокий мужчина в белой рубашке» (ул. Торфяная).

«Высокий мужчина в сером» (ул. Торфяная).

Об этих троих рассказал один из дворников. Он

видел их в половине второго ночи в районе улицы Торфяной, в десяти-пятнадцати минутах ходьбы от Смежного. Они шли в сторону судоверфи, но не вместе. Мужчина без рубашки и мужчина в сером шли по разным сторонам улицы, а мужчина в белой рубашке шел позади одного из них.

Ратанов и Нина подошли к висевшему на стене плану города; люди, о которых рассказали Сабо и дворник с Торфяной, шли по направлению к судоверфи не кратчайшим путем, через центр, а окольным. Об этом можно было судить по времени, затраченному ими.

— Они?! — обрадованно и как-то растерянно спросила Нина.

Через час большая группа сотрудников розыска переключилась на район судоверфи. Тамулиса Ратанов послал в ЖЭКи, к председателям товарищеских судов.

— Об убийстве больше ни слова. Посмотри по-своему на все жалобы и заявления, которые не дошли до наших работников. Квартирные ссоры, скандалы, пьянки... Понимаешь, когда меня спрашивают об убийствах, я стараюсь вспомнить только что-то зловещее... Тебя должны интересовать пустяки: кто-то гуляет по ночам, нарушает тишину, пугает людей... Ты меня понял?

В дверях Тамулис столкнулся с начальником управления.

— Сидите, сидите, — генерал махнул рукой в сторону поднявшегося Ратанова. На Тамулиса он не смотрел, и тот, не решаясь выйти без разрешения, застыл у дверной притолки.

Ратанов все-таки встал и начал докладывать стоя. Генерал присел, смотрел в сторону, мимо Ратанова, провел зачем-то один раз ладонью по спинке старого дивана, ни разу не кивнул ободряюще головой, но Ратанов сразу почувствовал, что Дед слушает его очень внимательно и во всем с ним согласен.

— Покажите мне по карте, где вы сейчас ищите.

— Вот.

— Не забудьте включить меня в число выступающих на предприятиях. Весь город сейчас говорит о Мартынове. И о нас.

— Будет сделано.

Ратанов вновь ощутил прилив уверенности в своих силах. В эти дни ему словно все время не хватало чьего-то скупого, немногословного одобрения.

— Я еду в обком партии, — сказал генерал, — думаю, вы на пороге интересных зацепок. Я доволен. — В дверях он обернулся. — Но скажите уборщице, чтобы пыль все-таки в вашем кабинете убирали, а ваши молодые люди не должны ходить небритыми.

— Силен! — сказал Тамулис, когда дверь за генералом захлопнулась. Он украдкой потрогал рукой подбородок. — Все заметил. Где он раньше работал, Игорь Владимирович?

— Он несколько лет был секретарем областного комитета партии. Закончил философский факультет, потом нашу Высшую школу...

— Как назло, — пожаловался на вечерней оперативке Шальнов, — Альгин заболел. Жена звонила: температура тридцать семь и семь. Веретенников куда-то запропастился.

Тут только Ратанов вспомнил, что с самого утра не видел Альгина.

Барков попросил слова:

— Ничего у нас не выйдет, если кое-кто продолжает искать только «золотого свидетеля», который сразу назовет нам убийц и даст в руки доказательства. Я с одним пареньком сегодня разговаривал. Он мне сказал, что у них был в квартире наш сотрудник — не хочу называть его фамилию, — спрашивал, не слышал ли кто про убийство в Смежном, и ушел. Мало, поймите, задать только этот вопрос. Нам нужны все люди, проходившие в ту ночь. И девушка, с которой у этого дома хотели когда-то снять часы... Может, товарищи, получится так, что по вине одного человека

работа всех пойдет насмарку! Весь труд всего горотдела!

— Ты без намеков, — желчно кинул ему Гуреев, — про кого?

— Про гебя, например.

— Меньше дураков слушайте.

— Этот парень не глупее нас с тобой.

Барков в поисках поддержки обвел глазами коллег, но спорить с грубоватым и невыдержанным Гуреевым сегодня никому не хотелось. Кроме того, все заметно устали.

— Жаль, что Егорова нет, — уже отходя, проворчал недовольно Барков, — он бы тебе все объяснил...

Находившийся в отпуске пожилой, рассудительный Егоров был для всех высшим авторитетом, наравне с Ратановым, а может, и выше, потому что за плечами старшего оперуполномоченного Егорова был еще и житейский опыт, которого не доставало начальнику отделения.

— Сабо говорит о здоровом высоком мужчине... Уж не Волчара ли? — спросил Тамулис.

Гуреев махнул рукой.

— Он с весны в колхоз уехал, плотничает. Был у его матери.

— Ты учти, Тамулис, — улыбнувшись, сказал Шальнов, — Волчара — вор. Он только ворует, не хулиганит, не грабит. Такие, как он, считают убийство позором для себя. Это тебе любой старый оперативник скажет. Пора знать.

— Все-таки я записываю в план, — сказал Ратанов, — «Гуреев доводит до конца проверку Волчары». Ну, на сегодня, пожалуй, все?

— Может, есть такая кличка Чернь или Черень? — опять спросил Тамулис. — Может, Андрей назвал кличку?

Похожей клички никто не знал.

Уходя, большой группой ввалились в дежурку.

— Барков! — позвал дежурный. — Герка! Тебе днем несколько раз девушка звонила... Галя. Потом просила часов в девять позвонить ей в общежитие.

Часы в дежурке показывали начало одиннадцатого.

— Ты бы еще завтра мне сказал. Когда сменялся. Отчитался бы сразу за все сутки...

Раздался телефонный звонок.

— Одну минуточку. — Дежурный прикрыл ладонью трубку. — Здесь про убийство Мартынова... Хотят помочь...

Шальнов перегнулся через стол, взял у дежурного трубку.

— Так... так... — Показал дежурному на карандаш, чтобы записывал.

В дежурке воцарилась тишина.

«Неужели сейчас все станет ясно?»

Барков сзади навалился на Тамулиса, крепко обнимая его за плечи. Гуреев подмигнул дежурному, изо всех сил сжал ему локоть.

— Так... Так... — говорил Шальнов. — Джалилов Арслан... Даличский тупик, восемнадцать... Человек, которого мы ищем... А кто это говорит?

Тамулис быстро снял трубку со второго телефона, набрал номер.

— Человек, которого мы ищем, Джалилов, — растерянно сказал Шальнов, все еще держа трубку около уха.

— Звонили из телефона-автомата, что рядом с вокзалом, — сказал Тамулис.

Шальнов пришел в себя.

— Никому никуда не отлучаться. Машину не отпускать. Ратанов и Гуреев, прошу зайти ко мне. Будем брать Джалилова.

— Чушь, — сказал Барков, — Джалилова я знаю.

6

Их знакомство состоялось в начале года, примерно через месяц после освобождения Джалилова из заключения, когда Арслан уже подумал, что начать новую жизнь ему и на этот раз, пожалуй, не удастся. Правда, теперь он работал на механическом заводе. Но на него там смотрели косо, а заработок

в сборочном цехе был слишком мал для электросварщика его квалификации.

Когда Арслан уходил работать во вторую смену, у сестры опять собиралась та же компания, которую он выставил из дому сразу же после приезда. Возвращаясь, Арслан находил в углу комнаты смятые жестянки пробок. Стаканы, даже кружка на ведре пахли водкой, сестра спала на диване, не сняв цветастого платья, соседи в кухне шептались...

А его охватывало чувство одиночества и отчаяния. Жизнь снова начинала двигаться по кругу, из которого он, Арслан, не раз уже безуспешно пытался выбраться.

За последние годы он научился терпению. Он привык терпеливо ждать. Ждать допроса, конвоя, этапа. Он ждал, пока следователь наговорится по телефону, пока секретарь поставит на пакете сургучные печати, пока кончится тюремный карантин, пока войдет в законную силу приговор, пока ему разрешат переписку... Был ли смысл беспокоиться из-за нескольких часов ожидания, из-за нескольких дней, недель, когда впереди долгие годы заключения! Ведь стоило только на минутку бешено захотеть, чтобы время двигалось быстрее, сбиться на секунду с выбранного темпа размеренного ожидания, как чувство безысходности сжимало сердце.

Он научился этому не сразу. Сначала в колонии он срывался, и ему меняли режим, лишали зачетов, сажали в карцер, набавляли срок. Потом он приучил себя жить медленно, не торопясь, и ему стало легче.

На свободе это не получалось.

Взрыв произошел в один из воскресных вечеров: когда соседка в кухне при всех назвала сестру шлюхой и замахнулась на нее, Арслан не выдержал, вскочил со стула и ударил соседку по лицу. А ведь перед этим он не раз ссорился с Майей из-за ее друзей и говорил ей то же самое и в таких выражениях, на которые способен человек, проведенный в местах заключения в общей сложности тринадцать лет. Но одно дело — соседка, другое дело — он, старший брат, Арслан, который в сорок втором, после смерти

матери, приносил Майе кусочки хлеба, мыл ей сам голову и стирал в тазу выцветшие короткие платица.

После войны они потеряли друг друга: она попала в детский дом, а он скитался по детприемникам, бегал из детских воспитательных колоний, ходил на кражи со взрослыми ворами. Вскоре он получил свой первый срок — два года в исправительно-трудовой колонии.

Это было уже страшно. Но «добрые люди», с которыми он воровал и которые поили его водкой, заранее научили, чтобы, когда войдет он в камеру и увидит у порога подстеленный чистый платок, не переступал бы его, а вытер ноги и шел к в о р а м. «В о р а м и не рождаются, — утешили его «добрые люди», — в о р а м и делаются».

И он пошел к ворами.

Он не видел Майю пятнадцать лет и встретил ее здесь, в этом городе, в этом новом доме, стоявшем недалеко от реки, в заботливо сохраненной строителями березовой роще. Комнату дали Майе, как матери-одиночке, и Арслан раньше никогда здесь не был. Но там, в тюрьме, когда Майя нашла его и написала, что получила комнату, ему начали сниться сны, и во сне он не раз видел и этот дом и шелестящую молодую рощу.

Слово «дом», как в детстве, снова вошло в его жизнь: «дом», «из дому», «домой»...

А вот теперь Арслан каждый день приходил на работу угрюмый и неразговорчивый и сразу после смены спешил домой. С сестрой он тоже почти не разговаривал, большей частью, закрыв глаза, лежал на диване, не снимая сапог, или ходил с трехлетним племянником к реке. Он часто думал о Кораблике. Может, все так плохо из-за него, из-за Кораблика?

Когда участковому уполномоченному стало известно, что ранее судимый Джалилов избил в кухне соседку, он в тот же день, не ожидая ее официального заявления, привез Арслана на машине в горотдел.

«Чего ожидать от рецидивиста? — рассудил участковый. — Пока он убьет ее?»

Он разговаривал с Джалиловым в присутствии

Баркова. Герман сначала писал, прислушиваясь к их разговору, а потом и вовсе отложил авто-ручку.

— Я не защищаю сестру, — объяснял Джалилов, — я ей столько раз сам говорил: прекрати, ведь у тебя же ребенок — его воспитать надо! Из тюрьмы писал: ребенок должен расти другим, чем я и ты... Перед соседкой я извинился, просил ее, ну, ударь меня! Чем хочешь ударь! Она ведь меня потом простила...

Ему вдруг показалось, что он снова должен будет вернуться туда же, в угловую камеру борской тюрьмы, и всем его планам, о другой жизни опять не суждено будет сбыться. Но его судьба — черт с ней! Что будет с племянником?

— Мне та, прошлая жизнь — вот так! — Он провел дрожащей ладонью по горлу и знакомым каждому оперативнику лагерным жестом вытер уголком платка губы.

На лбу у него выступил пот, но не холодный жалкий пот трусости — он давно уже не знал страха, — его нервы, его мозг расходовали в эти минуты всю энергию, чтобы передать участковому уполномоченному и Баркову, от которых зависела его судьба, то, что жило в нем последние годы, мучило, изнуряло, искало выхода.

— С ворами я покончил еще пять лет назад. В тюрьме. Сделал заявление: так, мол, и так, хочу отойти. Это вам могут из оперчасти подтвердить. Они знают. Не мог я больше. Не хотел.

Барков понял сразу, что Джалилов принадлежал к доживавшей свои последние дни группировке преступников, объединенных «воровским законом» — правилами, подробно регламентировавшими жизнь вора-рецидивиста.

— А дальше что было? — спросил он неожиданно.

— Дальше читать стал книги. Учиться стал. Закончил девять классов. Получил специальность электросварщика. Благодарности имел в личном деле... Со старым я покончил. Слово.

Баркову уже приходилось слышать подобные речи,

и он относился к ним с осторожностью. Интуиция подводила его уже не раз. Однажды он устроил на работу такого вот отошедшего, и тот, не приступая к работе, через два дня скрылся, обворовав товарищей по общежитию и оставив на столе записку, которую Барков не любил цитировать. И это случилось в тот момент, когда создались трудности с общежитием, когда десятки хороших ребят-комсомольцев ждали своей очереди. Альгин и Шальнов метали в Баркова громы и молнии... После этого Герман некоторое время избегал откровенных и чересчур чувствительных разговоров по душам с отошедшими ворами...

С Джалиловым было по-другому: он был беспощаден к себе и не искал виноватых.

— Может, ничего я бы не понял в жизни, если бы не было этого с Корабликом... Хороший был парень, как и я, остался в войну сиротой. Ели мы вместе, спали рядом, а когда получился у него конфликт, поставили на сходке — зарезать. — Джалилов поднял на Баркова черные тревожно округлившиеся глаза, рот мгновенно переместился куда-то к щеке, и все лицо сразу мучительно перекосилось. — Дали мне в оры нож...

— И ты — друга?! — вскочил Барков. Его непослушная боксерская челка косо упала на лоб. — Ты — его?

Джалилов опустил голову, руки с синими жилами татуировки нервно сжались,

— Восемь лет казню я себя... Нет мне прощения... Каждый день его вижу во сне... Я... — его... Вечером, за бараками...

Участковый уполномоченный ушел, так и не дождавшись конца разговора, поняв только, что поселился на его участке опасный субъект, с которым он еще хлебнет лиха вдоволь.

А Барков сидел и слушал и, хотя он знал или представлял себе много из того, что рассказывал сейчас Джалилов, все же не мог не волноваться. Джалилова как будто прорвало. Барков чувствовал, что человек широко и искренне распахивает душу навстречу про-

стому человеческому участию, и, как бы ни сложилась потом его судьба, сейчас, в эти минуты, он до боли искренен.

И вновь перед Барковым вставали ненавистные жестокие фигуры лагерных заправил. Это они много лет назад, когда разруха, голод, эпидемия обездолили тысячи подростков, выбрасывая их на равнодушные пустынные улицы, возрождали и навязывали старый закон разбойничьего быта. Он нужен был им, чтобы заставить лишенных крова, заботы, человеческого тепла мальчишек работать на себя на воле и в заключении. Взамен этот их закон обещал заботу и защиту, призрачные права и преимущества.

Закон запрещал трудиться где бы то ни было — на свободе, в тюрьме, в колониях: ведь труд неминуемо должен был привести к отходу от преступников. Закон запрещал отказываться от игры в карты: пьяный картежный угар — лучшее средство против мыслей, против раздумий о проходящей мимо Большой жизни. А против нарушителей закона — нож и сказка о «нерушимом братстве благородных воров», придуманная для таких вот четырнадцати-пятнадцатилетних арсланов, лишившихся опоры, отцов, семьи. Не было еще случая, чтобы ворами становились в зрелом возрасте, вся ставка делалась на молодежь, на мальчишескую тягу к романтике, которую с хладнокровным цинизмом вору обращали себе на пользу...

Теперь всему этому приходил конец. Рецидивистов содержали в особых колониях, им не на кого было влиять, не с кого собирать дань, и приходилось трудиться самим. Отменена была старая система зачетов, введен особый, жесткий режим для тех, кто не желал трудом искупать свою вину.

Но иллюзии в отношении преступников кое у кого из молодежи исчезли еще не совсем. И это значило, что всем им: Баркову, Тамулису, Ратанову, уголовному розыску, комсомольским и общественным организациям — предстояло еще немало работы. И в этой работе мог помочь человек с такой судьбой, как Джалилов.

— Иногда я думаю, — тяжело сказал Арслан, — что за эти годы Кораблик тоже во всем бы разобрался...

— А может, он уже тогда многое понял, поэтому тебя и послали...

Домой они шли вместе.

Грязный, подтаявший днем снег лежал на тротуарах хрустящей рассыпчатой коркой по краям выстывшего кое-где асфальта. Морозило. Вдоль улиц торчали сиротливые, уродливые палки осенних саженцев.

Они шли молча. На Театральной Барков остановился.

— Я здесь живу. Зайдешь?

Джалилов все еще был во власти мыслей о прошлом. Зайти? Продолжить этот рвущий душу разговор? Он представил себе, как сейчас на его кровати сидят очередные Майины знакомые, разливают по стаканам водку, а сама Майя и ее подруга орут во весь голос: «Все девчата парами, только я одна...»

— У вас нет книги «Честь» Медынского? — внезапно спросил Арслан.

— «Дело «пестрых» читал? Аркадия Адамова? А «Жестокость»?

Дома Герман показал Джалилову книги, аквариум с гуппи. Потом пили чай с засохшим конфитюром, и Арслан снова говорил о своей несуразно сложившейся жизни.

7

— Никому никуда не отлучаться, — сказал Шальнов, — будем брать Джалилова. Ты, Барков, один раз уже поверил бандюге. — Он беззвучно засмеялся. — В общежитии ребята до сих пор тебя «благодарят»... Какого он роста?

За Джалиловым уехали четверо, остальные разошлись по кабинетам. Тамулис и Барков пошли к себе.

Без Мартынова в кабинете было пусто и тихо. И все-таки казалось, что Мартынов еще жив и прожи-

вет еще сутки до своих похорон. Сутки, за которые можно было найти убийц и Мартынов как-то мог узнать об этом. И пока он еще жил эти последние дни, никто не занимал его рабочий стол, не сдвигал его письменный прибор, не вынимал подложенные под настольное стекло фотографии.

Барков думал об этом, изредка поглядывая на часы. Время двигалось медленно. Оно точно делало вид, что шло, а на самом деле застыло. Вяло топталось на месте.

Тамулис откинулся на спинку стула и закрыл глаза...

Он хорошо запомнил тот день, сухой и знойный. Они долго ехали вдоль реки, но за косогором ее не было видно. И только когда их машина выскочила на вершину холма, справа, почти рядом, сверкнула Ролдуга. Шел молевой сплав, и до самого поворота Ролдуга была забита бревнами, не двигавшимися у берегов и плавно скользившими на середине. Над берегом, открытая майскому ветру, шелестела молодая березовая роща. Машины свернули с дороги и, пробравшись между деревьями, ткнулись в прибрежный кустарник.

Дальше все было неожиданно, непривычно, совсем не так, как должно быть на серьезных, больших операциях.

Из окна второй машины выбросили на поляну волейбольный мяч. Потом захлопали дверцы.

Мартынов, выскочивший первым, подхватил мяч и с силой бросил в замешкавшегося Тамулиса.

— Слушай, — остановил его Тамулис, — дай хоть пиджак снять.

Подошел Герман Барков, засмеялся:

— Но только пиджак, Алик! Нам известно, что бывают люди худые, очень худые, худые до измождения...

— Зря иронизируешь, Барков, — вмешался Мартынов, — где, скажи, можно еще увидеть живого йога! Мне так даже интересно. Юный выпускник каунаской средней школы йогов...

— Дураки! — вынужден был ответить им Тамулис. — Может, я купаться буду...

— Здесь не купаются, — сказал Мартынов.

Они стали в круг и взяли мяч. Гуреев «гасил», а Мартынов и Барков несколько раз мастерски падали, пока это им не надоело. Играли они молча и безжалостно, как давние соперники. А в Тамулисе все дрожало от непривычного нервного ожидания, и мяч не хотел его слушаться.

В это время в первой машине продолжалось совещание: Ратанов и майор Егоров инструктировали Нину Рогову. Луна, как всегда, чуточку улыбалась, разглядывая фотокарточку Вихарева, которую дал ей Ратанов. Другая девушка — ее звали Галей — заметно волновалась и комкала в руках зеленую шелковую косынку. Тамулис прислушивался к их разговору, но так ничего и не мог понять.

— Ты будешь играть или нет? — сердито спросил Тамулиса Гуреев.

— Грибов тут, наверное, пропасть, — раздался в это время добродушный голос седого, одинаково ласкового со всеми майора Егорова. — Вот мы в августе нагреем сюда под выходной... Как, Галя?

Что ответила Егорову Галя, Тамулис не расслышал, зато услышал, как Ратанов сказал негромко: «А теперь — пора!»

Девушки вышли из машины, и Нина помахала всем рукой.

Остальные тоже помахали вслед.

— Ни пуха! — крикнул Андрей Мартынов.

Когда девушки скрылись за холмом, Ратанов и Егоров, цепляясь за кустарник, поднялись вверх, туда, где кончался лес. Отсюда видны были деревня и дом, стоявший у самой дороги, дорога, петлявшая между холмами, на которой время от времени мелькали цветастые платья девушек.

— Плохо, что подходы просматриваются из дома, — сказал Егоров, — хоть на брюхе ползи...

Он стоял перед Ратановым коренастый, спокойный, с серебристыми прожилками на висках. Тесноватый поношенный пиджак обрисовывал его сильные, хоро-

шо развитые плечи и мускулы на руках, которым мог позавидовать даже Гуреев. Егоров с ободряющей улыбкой смотрел на Ратанова. Ратанов заметно нервничал.

— Может, ждать, когда стемнеет?

— Посмотрим, что девчата скажут...

Девчата должны были сказать, там ли Вихарев.

Вихарева искала вся область. Если бы он появился в Даличе или у себя дома, на Пинже, его бы немедленно арестовали. Но он там не появлялся. Не мог он проскочить ни вокзал, ни аэропорт, ни пристань. Потом был получен приказ — перекрыть выход на шоссе со стороны Афанасьевского лесоучастка, и оперативная группа управления безуспешно кружила там по лесу уже четвертые сутки. И вдруг поступили точные данные, что он здесь, в Матвеевском починке, маленькой деревушке в сорока километрах от Западного шоссе, в том маленьком доме у самой дороги. Тогда за несколько часов Ратанов и Егоров через горком комсомола разыскали эту девушку — Галю, студентку педучилища, выросшую в Матвеевском починке, знавшую здесь всех и каждого. Галя должна была им помочь.

Этой весной все они первый раз были за городом. И от воздуха, пахнувшего рекой и хвоей, охватывало желание раскинуться на траве, следить за лениво тянущимися вдоль берегов бревнами и, надкусив тоненький стебелек лесного цветка, смотреть в небо. И тогда можно было ни о чем не думать. Или думать о чем-то простом и спокойном: о муравье, ползущем у твоего лица, о белых островках и бездонной синеве, но только не о «вальтере», из которого Вихарев убил инкассатора.

Барков и Мартынов тем временем разыгрывали Гуреева.

— Оказывается, в Англии — я прочел об этом в нашей многотиражке, — Барков строго смотрел в лицо Гуреева, — одна женщина тайно вступила в армию и дослужилась до генеральского чина. Причем никто не подозревал, что brave генерал — женщина. Даже денщик. Обнаружилось это только после

ее смерти. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Лучше бы в многотиражке продернули бюрократов из регистрационного отдела, — отозвался Гуреев.

— Темный человек, — сокрушенно вздохнул Мартынов, — зря вы, Барков, тратите на него время. — И бодрым голосом энергично продолжил: — Такие заметки, товарищ Гуреев, должны настораживать нас, работников милиции. В особенности кадровиков и хозяйственный отдел: в наших рядах тоже могут оказаться люди, получающие не положенное им по табелю теплое нижнее белье.

Тамулису показалось, что прошло не менее часа, пока на дороге снова мелькнули платья девушек. На голове у Гали была зеленая косынка.

— Он здесь, — сказал Ратанов, подходя к машинам.

Все замолчали.

— Значит, все-таки нам брать...

Гуреев сильным щелчком отбросил папиросу.

Изредка по берегу проходили люди, и надо было по-прежнему выглядеть беспечной и веселой компанией, проводящей день на речке. Надо было играть в волейбол и думать, как брать Вихарева. Поэтому мяч от сильного удара Андрея Мартынова снова взлетел над поляной.

Тамулис играл вместе со всеми, и эта игра была уже совсем не похожа на все другие игры в волейбол, которые он раньше видел. Мяч летал с пугающей быстротой, грозный, вышедший из повиновения, словно почувствовав свою силу над игроками.

— Алик, — сказал Мартынов Тамулису, — ты старайся брать мяч, пружиня пальцами. Вот так. И сам пружинь в коленях. Если тебе придется выступать на соревнованиях, тебя будут засуживать за петехнический прием мяча...

— И не надо так брать мяч — получается двойной удар. — Барков подкинул над собой мяч и показал, как не надо брать. — Присаживайся...

Может, здесь Тамулис впервые поймал себя на мысли, что ему уже будет непросто расстаться с

этими людьми, с уголовным розыском, как бы ни сложилась дальше его милицейская судьба.

Редко проводили они все вместе свободное время. Но их сближала работа, и потому на праздничных вечерах в управлении они всегда искали «своих» и, забравшись в пустой кабинет, пели сентиментальные песни об альпинистской палатке под Ушбой, о ночной Москве, о сумасбродной девушке со странным именем Мери-Лю — об уголовном розыске песен не создано. Они умели работать, не считаясь со временем, детально осматривали места происшествия, составляли толковые протоколы осмотра, разбирались в современной технике экспертных исследований.

Правда, никто из них твердо не знал, как нужно брать средь бела дня в окруженной полем деревне вооруженного пистолетом убийцу.

Внизу тяжело хлопнула входная дверь. Тамулис услышал, как несколько человек молча, стуча каблуками, поднялись по лестнице на второй этаж и прошли в дальний угол к кабинету Шальнова. Потом опять все смолкло.

Егоров был среди них единственным фронтовиком, и поэтому он сказал Ратанову:

— Брать придется в лоб, с машин... Первому лучше пойти мне или Мартынову. Он покрепче.

— Кончили игру, ребята, — сказал Ратанов.

Все подошли к нему.

— Решаем так. К дому идем на машинах на самой большой скорости. В первой машине я, Мартынов и... Тамулис. Мы берем Вихарева. В дом идем в таком же порядке: я, Мартынов, Тамулис. Остальные окружают дом, отрезают Вихареву пути к отступлению. Старший этой группы — майор Егоров. Вопросы?

Он помолчал.

— Приготовить оружие — и по машинам.

Машины развернулись к дороге, оставив на поляне

ровные полосы смятой травы. Все так же лениво плыли по реке бревна и таяли в бездонной синеве белые островки. Оперативники садились в машины. Березовая роща и весь этот спокойный окружавший их лесной мир больше не имел к ним никакого отношения.

Тамулис сидел на сиденье позади Ратанова и, пригнувшись к окну, хорошо видел маленький, безлюдный Матвеевский починок, первые изгороди за колодцем и маленький, ничем не выделявшийся дом у дороги. До дома было не более четырех километров но дорога не позволяла развить настоящую скорость, и только последний километр они прошли ближе к ста.

Теперь они были совсем на виду, поэтому шоферы спешили. Подхватываемая ветром пыль уносилась назад, образуя длинное мутно-желтое облако...

Оставалось несколько метров до калитки и еще метров двадцать от калитки до крыльца.

Когда Ратанов рванул ручку дверцы, в мгновение, затянувшееся бесконечно долго, они увидели вдруг маленького худенького мальчика, который, испугавшись машин, неуклюже заковылял по лестнице в избу. И все мигом поняли, что произойдет: пока Ратанов, сидевший рядом с шофером, обежит машину и добежит до крыльца, мальчик раскроет дверь и застрянет на высоком пороге. Ратанов уже не ворвется в избу неожиданно и стремительно, как предполагалось, потому что между ним и обложенным со всех сторон Вихаревым окажется этот мальчик в красных штанишках с отстегнутой лямкой.

Пыль еще оседала на бурую прошлогоднюю траву, а Мартынов, а за ним Ратанов и Тамулис уже бежали по двору, и Мартынов, обхватив сзади и прижав к себе мальчишку, опрокинулся спиной с крыльца на сухие черные доски настила, освобождая дорогу в дом, а Тамулис, ощутив внезапно необычайный прилив силы и ловкости, опередив Ратанова, всем телом бросился в дверь.

Увидев выскакивающих из машин и бегущих по двору людей, Вихарев растерялся. Он метнулся от окна к двери, но Тамулис, бросившийся с порога к нему

в ноги, потащил его вниз, и тут же сверху на него навалился Ратанов, выкручивая руку с пистолетом. Еще через минуту Егоров и Гуреев посадили Вихарева в машину и увезли. Тамулис посмотрел на часы: прошло шесть минут с тех пор, как они выехали из роши.

Ратанов сделал ему замечание, а потом пожал руку. И все подошли, чтобы поздравить Тамулиса с участием в первой операции.

Они возвращались в кузове попутного грузовика, потому что во второй «Победе» они все равно бы не уместились. Дорогой все стояли у кабины, тесно прижавшись друг к другу.

В лицо им хлестал свежий лесной ветер.

— Слушай, Алька, — положив руку ему на плечо, заговорил Барков, — ты почему такой худой? Ты бы жрал что-нибудь попитательнее... Побольше масла, что ли? Притащить тебе рыбьего жиру?

— У него просто астеническое телосложение, — неожиданно сказала Галя, и это были первые слова, которые в этот день от нее услышали. — Такое строение... Он толстым никогда не будет...

И она улыбнулась Баркову так просто и так дружески, что Тамулис сразу понял, что Галя и Герман еще обязательно встретятся.

«У моего отца тоже было такое телосложение», — хотел ответить Тамулис...

Тамулис тихо дремал на стуле, и голова его все время соскальзывала набок.

В половине третьего в коридоре снова раздались шаги. Вошел Гуреев, неожиданно бодрый, незаспанный, веселый.

— Идет как по маслу... Раскроем, ребята!

— Что там? — спросил Тамулис.

— Вас не было — грабежи мы так раскрывали. По ночам... Дело «Микадо»...

— Ну что же там наконец?

— Он! — Гуреев ткнул себя пальцем в грудь. — Чувствую. Когда мы за ним пришли, даже ничего не

спросил. Оделся, взял семь пачек папирос... Уж приготовлены были!

— Кто его допрашивает?

— Там народу много: Шальнов, Ратанов, Карамышев, Веретенников. Сейчас Альгин приехал.

— А нам как?

— Ждать. Может, на обыск придется ехать — одежду со следами крови...

Тамулис по-детски зевнул, улыбнулся, положил локти на стол, уткнулся лицом в ладони.

8

В пять часов утра их разбудил телефонный звонок.

В кабинете Шальнова, несмотря на открытые настежь окна, плавали сизые змейки дыма. Здесь курили всю ночь. Полковник Альгин сидел рядом с Веретенниковым на диване, откинувшись всей спиной назад. Воротник рубашки он расстегнул, галстук держал в руках. Ратанов и Карамышев тихо переговаривались у окна. Шальнов быстро опрокидывал содержимое пепельниц в урны — наводил порядок.

Оперативники молча рассаживались на стульях вдоль стен.

— Вы будете говорить? — спросил Шальнов у Альгина.

— Давайте сами — горло еще болит...

Он устало поправил воротник, стал надевать галстук. Веретенников внимательно следил за выражением лица подчиненных.

— Зацепки у нас серьезные и интересные, — откашлявшись, начал Шальнов. — Во-первых, личность подозреваемого Джалилова. В прошлом — убийца. Судим за убийство, совершенное в лагере. Его посадили в лагерь, чтобы исправился, а он там убил человека. Прибыл в город недавно. Живет с сестрой. Сестра Джалилова — мать-одиночка. Соседи на нее жалуются: каждый день гости, каждый день пьянки. Второе: Джалилов — среднего роста, черный, постоянно носит сапоги. Третье: в ночь убийства Джали-

лов пришел домой поздно. Никто не может сказать — когда. Говорит, что был на реке. Ночью — на реке! Наконец, и это самое главное, у Джалилова была белая рубашка, и она бесследно исчезла. Как нарочно! А вы все помните показания Сабо: преступника он видел без рубашки. Тот нес ее в руке. Можно предположить, что отмыть пятна с рубашки не удалось, и ее преступники уничтожили.

На стульях среди оперативников пробежал шумок, у многих прояснились лица.

— Я заверил руководство управления, — поднявшись с дивана, строго и торжественно произнес Веретенников, — от имени всех нас, и вас и себя, как закрепленного за городским уголовным розыском, что послезавтра, теперь, — он взглянул на часы, — можно сказать уже — завтра, мы будем знать, кто совершил преступление.

— Василий Васильевич, — Карамышев нетерпеливо ерзал на подоконнике, ловя взгляд Шальнова, — я согласен с вами: рубашка — это улика! Но не дай, как говорится, нам бог обмануться! — Как следовательно, Карамышев должен был до самого конца отстаивать объективную и беспристрастную оценку доказательств, все это понимали. — Надо не прекращать поиски...

— Потому что Джалилов не признался?! — подхватил Шальнов. — Так он и не признается... Могу вас заверить. Такие, как он, признаются под нажимом доказательств. Его придется изобличать косвенными доказательствами. Это заранее известно. А искать? Искать можно всю жизнь. Ищи на здоровье! Было б желание.

— У нас есть и другие доказательства, — устало сказал Альгин, — его надо предъявить на опознание Сабо.

— Мы предъявим его, — сразу же откликнулся Карамышев, — мы, товарищ полковник, предъявим его на опознание вечером. На том же месте и при таком же освещении...

— Ратанов, — позвал Шальнов, — надо размножить фотографии Джалилова, раздать участковым,

всем. Пусть народу показывают их на участках. Может, кто-нибудь вспомнит, видел ли его в пятницу.

— Не помешает, — кивнул головой Веретенников.

Барков несколько раз ловил себя на мысли о том, что уже вечер. А было утро. Раннее летнее утро. За окном пели птицы, и люди выходили из домов, чтобы идти на работу.

— Карамышев проведет очную ставку Джалилова с сестрой, — опять заговорил Шальнов. — Барков и Гуреев сменят людей на квартире Джалилова. Тамулис поедет с фотографиями...

В коридоре к Баркову подошел Ратанов. За время совещания он не произнес ни слова.

— Небольшое изменение: на квартиру Джалилова вместе с Гуреевым я пошлю кого-нибудь другого. А тебя прошу еще раз съездить на место преступления. Тот универсальный магазин, что в первом этаже дома, он на днях открывается... Сейчас по радио передавали областные известия. Нужно еще раз проверить, не завозились ли все-таки в ту ночь товары в универмаг. Справка официальная у нас есть — Гуреев привез. А все-таки... Мало ли как бывает?

Барков недоуменно пожал плечами.

— Майя, — спросил Арслан, как только Карамышев ввел ее в комнату, — где моя рубашка белая? Я купил ее, как только освободился.

— Не знаю, Арслан, — сказала она громче и спокойнее, чем требовалось, — просто не представляю...

Она откинула со лба черную, как воронье крыло, прядь волос. Большие удлинненные глаза смотрели удивленно.

— Я давно уже ее не видел, Майя! — Голос у него неожиданно прервался. — Скажи, может, ты отдала ее кому-нибудь? Скажи как есть...

— Я не знаю, Арслан. Она лежала в шкафу...

— Скажи... — У него вырвалось грубое ругательство. Карамышев быстро отошел от окна и стал между ними. — Скажи! Ты видишь, что со мною случилось! Говори же! Где рубашка?

Майя подняла голову, смуглое лицо ее чуть покраснело.

— Я продала ее Насте Барыге. Еще зимой. Она скупает по дешевке у пьяненьких, а потом продает. Я хотела тебе сказать...

Джалилов со стоном стиснул руки.

Барков вернулся в отдел уже к вечеру.

— Товары в эту ночь в магазин не завозили и не должны были завозить. Возят с сегодняшнего дня. Но вот секция, где будут торговать часами... Там, оказывается, все уже давно завезено. Полное подсобное помещение. Мне заведующий показал...

— Что же это значит? — вслух спросил Ратанов самого себя.

— Могла быть попытка совершить кражу.

— А Джалилов был вором... — продолжал Ратанов.

Барков поморщился, покачал головой.

В кабинет вбежал Тамулис.

— Ну и Анастасия Ивановна, она же тетя Настя Барыга!

— Что?

— Ей лет под шестьдесят. Хитрющая-прехитрющая... И все время сушки жует. «Ты, — говорит, — сначала, мил-человек, узнай, почему мне пенсию за июнь не принесли, а потом я тебе все расскажу, что спросишь». «Хорошо, — думаю, — пусть будет так». Звонил в собес — все занято. А она все сидит сушки грызет. «Знаете, — говорю, — Анастасия Ивановна, вам придется самой туда сходить». А она мне: «А ты, мил-человек, погоди маненько и опять позвони». И снова за сушки.

Ратанов нетерпеливо завозился на стуле.

— Все-таки? Покупала она рубашку у Джалиловой?

— Покупала. Еще зимой.

— Где эта рубашка?

— Продала, и очень недавно. На днях. Продала на рынке молодому человеку в сапогах. Интересная

деталь: покупатель этот с ней поздоровался. Говорит: «Ты ведь, бабка, из Шувалова? Я тебя знаю». Она действительно работала в Шувалове, это километрах в тридцати к северу... Сестра ее и сейчас там живет.

— Она знает его?

— Говорит — нет. Да, и еще он спросил у нее, краденая ли рубашка. Она говорит: нет, брата, говорит, Майки Джалиловой с тупика...

— Странно.

Вошел Карамышев.

— А не могло так быть, что Джалилов своим вопросом натолкнул сестру на нужный ему ответ? А с Настей они могли заранее договориться...

Карамышев, как всегда, пробовал доказательства «на разрыв» с разных сторон. Но Ратанов чувствовал, что сейчас сомнения Карамышева напрасны — дать себя обмануть следователь не мог.

— Ты будешь разговаривать с Настей? — спросил Ратанов.

— А как же!

— Она здесь.

Карамышев вздохнул.

— Многое зависит от опознания. А ты знаешь, как критически следует относиться к его результатам, нелегко оно не было предусмотрено прежними процессуальными кодексами, хотя и применялось на практике... Я думаю провести опознание на том же месте, где Сабо видел преступников, у старой мечети. На фоне знакомой окружающей обстановки Сабо скорее узнает или не узнает Джалилова.

А день все тянулся и тянулся, нескончаемо долгий, нерадостный, беспросветный.

И казалось, прошло не менее ста таких же длинных серых дней, пока, наконец, Карамышев, Альгин, Шальнов и Сабо не выехали на «Победе» к старой мечети. На второй машине за ними отправились еще несколько человек, в том числе Джалилов, понятые и лица, подобранные по росту, возрасту и приметам внешности для предъявления на опознание.

Ратанов и все, кто еще остался в его отделении, ждали их возвращения в горотдел. Разговаривать не

хотелось. Ратанов включил радио, передавали последние известия. На юге страны снимали урожай. В Сибири заканчивали перемышку великой реки. Тяжеловес Леонид Жаботинский установил новый рекорд по сумме многоборья.

Около двенадцати часов в коридоре раздался топот. Гуреев выключил радио. Не менее десяти человек быстро шли по коридору к кабинету Ратанова. В кабинете все поднялись, даже те, кто успел задремать. Открылась дверь.

— Ну? — вырвалось у Ратанова, но он уже видел унылое, сразу обвисшее лицо Веретенникова. Из-за его спины выглядывал усталый Карамышев.

В кабинете еще о чем-то говорили, советовались, вставали и садились. Звонил генерал. Барков отвозил Джалилова на машине домой. Прощались за руку оперативники.

Непонятное чувство вины перед убитым товарищем не давало Ратанову прийти в себя.

Потом они остались впятером: Альгин, Веретенников, Шальнов, Карамышев и Ратанов.

— Жаль, что мне на сессию уезжать, — сказал Шальнов, — а то я бы все-таки занялся еще раз Джалиловым. Не верю я ему. Не тот он человек, каким хочет показаться.

— Что и говорить! Обвел нас Джалилов вокруг пальца, а теперь, должно быть, смеется, — поддержал Веретенников. — Я бы его предъявил на опознание днем, в кабинете...

— Что это за несерьезные разговоры! — вспыхнул вдруг Альгин, на скулах у него заиграли желваки. — От фактов никуда не уйдешь. Надо начинать все сначала.

Он встал, пригладил на груди китель и каким-то официальным, даже торжественным шагом, ничего больше не сказав, вышел из комнаты. Вскоре ушли Веретенников и Шальнов.

Ратанов и Карамышев слышали, как Шальнов, уходя, бормотал в коридоре:

— «Кончаю! Страшно перечесть... Стыдом и страхом замираю...»

Письмо Татьяны к Онегину экзаменаторы требовали наизусть.

— Пойдем ко мне ночевать, — сказал Карамышев, — мои на даче живут...

— Не могу. Может, ночью понадобится.

Перед самым его уходом к Ратанову позвонил Альгин.

— Один?

— Один.

— Не могу я терпеть нытья, боязни смотреть в глаза фактам. Настроение плохое?

— Плохое.

— Мне здесь жена книгу подает, говорит, прочти Игорю Владимировичу. Ты слушаешь?

— Слушаю.

— Слушай: «Какое б море мелких неудач, какая бы тоска ни удручала, руками стисни горло и не плачь, садись за стол...»

— «И все начини сначала». Симонов. Большой ей привет.

9

Он спал мало.

Едва ему удалось забыться, как зыбкий, отрешенный от действительности мир заполнился голосами. Лиц говоривших он не видел и слов не мог разобрать. Голоса усиливались, приближались, словно кто-то неистово и бессмысленно крутил рукоятку радиоприемника. С хрипом и свистом голоса проносились мимо Ратанова, не задевая его, пугая только своим знакомым ритмом. Сквозь сон Ратанов почувствовал фантастически извращенный ритм допросов: вопросы — ответы, вопросы — ответы...

Допросы часто снятся следователю, как машинисту шпалы, а трактористам и комбайнерам борозды в поле.

А потом он вдруг увидел во сне Дворец спорта. Ослепительно освещенный ринг, легкие, неслышные тени боксеров. Темный невидимый зал гудел и дышал гулким деревянным стуком. Этот гул становился с

каждой минутой все громче и громче и заполнял зал до краев.

— Данте! — раздался вдруг тонкий, писклявый голос почти над ухом у Ратанова. — Данте Кане!

Ратанов увидел вдруг, как итальянца Данте Кане уже прижали к канатам, и противник «кормит» его с обеих рук быстрыми короткими боковыми ударами, хлестко и резко.

— Рата-а-анов! — снова закричал тот же голос. — Рата-а-анов!

И Ратанов почувствовал, что на ринге он сам. И он и его противник чуть раскачиваются в обманных движениях. Стерегут друг друга. Вот Ратанов находит удобный момент, легко выбрасывает вперед левую руку и попадает в перчатку, он бьет своим любимым боковым ударом с дальней дистанции — раньше этот удар называли свингом, — опять подставленная перчатка. Заканчивается раунд. Все кричат его фамилию. Он бьет — и все мимо, мимо, мимо...

Качается невидимый зал, а он бьет и бьет впустую.

Обессиленный, открыл он глаза. Над ним стоял человек.

— Товарищ Ратанов, — смущенно повторил проводник розыскной собаки Морозов, — меня дежурный прислал: вы просили машину пораньше.

Солнце еще только поднималось за аккуратными разноцветными кубиками корпусов, дымился влажный асфальт, и плыли сквозь создаваемые по пути водопады две одинаковые, точно родные сестры, поливальные машины.

Позади дома было прохладно. Каменистый грунт был взрыхлен, но Ратанов уже видел то место. Он увидел его сразу, как только свернул за угол дома. Земля здесь была чуть темнее и камни были убраны.

Прошло всего три дня, а Ратанову казалось, что миновал месяц с того дня, когда впервые они приехали на рассвете к этому дому, к этому громадному котловану, к этому старому рельсу, вбитому неизвестно для чего в щебенку и шлак.

С того дня здесь ничего не изменилось. Черная, окрашенная краской решетка бетонированного колод-

ца глухо взвизгнула, когда Ратанов приподнял ее и привалил к стене дома. И доски, которыми была защита внутренняя, ближняя к зданию стенка колодца, были такими же свежими и влажными, как в то утро.

«За этими стенками, — спокойно рассудил Ратанов, — должен быть проход в подвал, а может быть, и в магазин». Сердце его первое отметило верную мысль и забилося чуть быстрее, самую малость. Почему он сразу тогда об этом не подумал? Говорят, что каждое преступление можно раскрыть, потому что ни один преступник, каким бы опытным он ни был, не может предусмотреть всего. А какой рок тяготеет над следователем, может ли он предусмотреть все? «Это ничего, что вход в магазин с другой стороны, их склад наверняка тянется сюда».

Он вспомнил нераскрытую февральскую кражу из Центрального универмага — она случилась, когда он был в отпуске, — но там было по-другому... «Надо поискать преступника и в Шувалове, может, кто-нибудь его вспомнит. Может, сразу скажут: «Да это ведь вот кто!»

Он выбрался из колодца наверх.

Мимо Ратанова все чаще и чаще стали проходить люди, и вдруг он заметил, что бесцельно ходит взад и вперед от угла к углу, что с двух балконов за ним наблюдают несколько человек, а вслед за ним, почти вплотную, ходят от угла к углу маленький мальчик и девочка лет пяти. Он взглянул на часы — было уже половина девятого. Он вспомнил об Ольге Мартыновой, об Игорешке, о траурных венках и повязках и почти бегом побежал к машине.

В дверях горотдела он столкнулся с Шальновым.

— Рубашку нашли. Всю в крови. По всем приметам — рубашка-то Джалилова. Зря его отпустили — Веретенников прав. Какой-то спекулянтке поверили... Шувалово она зачем-то приплела... Венок наш я с Роговой понесу. Последний долг.

Ратанов вдруг услышал в голосе Шальнова слезы.

Но разговаривать было уже некогда — по лестнице в окружении милиционеров спускался маленький, чистенький, серьезный Игорешка Мартынов.

Город хоронил Андрея Мартынова.

Был почетный караул, траурные венки и повязки.

На грузовике с откинутыми бортами на руках у молодой женщины сидел маленький мальчик и смотрел на музыкантский взвод.

А за ровным прямоугольником синих форменок по тротуарам и мостовой шли люди. Те, кто знал Андрея Мартынова, с кем он учился в университете, с кем играл в футбол, для кого не спал ночами.

Шли хмурые, расстроенные ребята с гражданского аэродрома, депутаты горсовета, рабочие самого крупного комбината — имени Ленина, первыми потребовавшие расстрела убийцы, шли воспитанники детской воспитательной колонии, студенты, журналисты.

И дружинники, которые хорошо знали Андрея.

И люди, которые до этого дня ничего не слышали о Мартынове.

Шли и те, кто думал, что жизнь дается человеку всего один раз и поэтому никогда не надо лезть на рожон.

Был траурный митинг и прощальный салют.

И красная звезда на обелиске.

Вечером Ратанов зашел в кабинет Мартынова. Дощечку с его фамилией уже сняли, а за столом сидел Гуреев. Тамулиса и Баркова не было. На столе перед Гуреевым громоздилась пирамида разноцветных картонных папок, бланков и неразобранных бумаг. Перебираясь в другой кабинет, Гуреев взял с собой свой письменный прибор, черную пластмассовую пепельницу, настольный календарь. И все это вместе со множеством ручек, разноцветных карандашей, скрепками и кнопками лежало на стуле рядом с письменным прибором Андрея и его настольным календарем. А фотографии, что лежали у Андрея под стеклом, Гуреев положил пока на стол Тамулиса: Ольга с Игорешкой на фоне белого парохода и вид заснеженной деревенской дороги.

Ратанов взял со стола фотографии.

— Жалко Андрюшу...

В горле сжало. Ему вдруг захотелось услышать голос Гуреева.

— Да, — подумав, сказал Гуреев, — зря полез.

Тамулис и Барков на кладбище не попали. Ратанов был неумолим. Он послал их за тридцать с лишним километров на Шуваловский лесоучасток, где три года назад недолго работала в столовой в качестве официантки спекулянтка Анастасия Ивановна.

— Публика там бывает разная, — объяснял Ратанов, — много сезонных рабочих, летунов, что прыгают с места на место в поисках длинного рубля, но есть и кадровые рабочие. Надо к ним обратиться в первую очередь. Может, они вспомнят кого-нибудь по приметам?

Машина подбросила Баркова и Тамулиса к ближайшему разъезду. Там они пересели в дрезину. Стальная нитка узкой колеи тянулась через леса к северу. Тамулис быстро уснул и тяжело храпел, привалившись к плечу Баркова.

А Барков, засыпая, смотрел в окно. Совсем рядом сплошной стеной стоял лес. Могучие вековые пихты перемежались с желтовато-бурыми стволами сосен.

Проплыли мимо высокие штабеля деловой древесины, груженные лесовозы, тракторы. Дважды промелькнули эстакады.

Потом картина леса внезапно изменилась. Дальше начинались Большие лихогривские болота, трясины.

Барков думал об Андрее и смотрел в окно.

Здесь, во мшистой, сырой чащобе лихогривских болот, тоже стояли деревья, покрытые вместо хвои косятыми клоками серого мха. Они стояли в безмолвии и сумраке сто, а может, и двести, и триста лет, и будут еще стоять очень долго, когда не будет уже ни его, ни Тамулиса, долго-долго, пока не сгниют на корню, не став ни половицами новых домов, ни шпалами дальних путей.

Высокий неторопливый мужчина вышел из дома, несколько раз оглянулся по сторонам и не спеша направился к автобусной остановке. Свернув за угол, он закурил и несколько минут стоял, пряча обгорелую спичку назад в коробку, разглядывая тем временем всех, кто шел за ним к автобусной остановке. Потом он перешел на противоположную сторону улицы, прошел одну остановку пешком и сел в автобус, идущий к вокзалу.

Он прошел на перрон, купил в ларьке стакан лимонада и бутерброд с рыбой и стал есть, размеренно запивая кусочки рыбы лимонадом. «Граждане, встречающие пассажиров...» — наконец произнес в репродукторах мягкий женский голос.

Мужчина опрокинул в рот последний глоток лимонада, аккуратно стряхнул с губ хлебные крошки.

На первый путь медленно прибывал московский поезд. Хлопали тамбурные задвижки, из-за спин проводников высывались нетерпеливые радостные лица. Встречающие, качая букетами цветов, устремились к окнам.

Мужчина оказался в самом центре вокзальной суеты; он спокойно и равнодушно смотрел по сторонам, пока взгляд его не остановился на группе молодых людей с чемоданами и рюкзаками.

— Друг, — остановил он одного из них, — у тебя билет не сохранился? Выбросил я свой — теперь к командировке нечего приложить.

Он подошел к ним, высокий, выше любого из них на голову, спокойный, сильный.

— Пожалуйста, — сказал приезжий, — мне он не нужен.

— Спасибо, браток, выручил.

Только теперь мужчина понял, как сильно нервничал все эти дни, пока благополучно не выбрался из города Черень, пока он сам не достал себе этот спасительный билет. Он прошел к камере хранения, получил свой чемодан и медленно двинулся в город.

Да, теперь он мог успокоиться. Впервые с той минуты, как завизжала над его головой проклятая решетка над люком у магазина. Счастье, что он посадил Череня под куст у самого угла дома, а не на скамейке у подъезда, как предполагал раньше. И все-таки с той ночи он не мог спать, только валялся на диване, каждую минуту ожидая, что за ним придут. Но теперь все. С Черенем, конечно, воровать вместе нельзя. Если вместе их поймают — вышка. А так: что было, то было и должно травой порости. Друзей, конечно, он себе найдет. Черт с ним, с Черенем. А с телефонным звонком в милицию — ловко «вложил», уезжая, какого-то фраера. На Череня положиться можно: если что, ему расстрел обеспечен, — он бил, мало ли что я крикнул! У него своя голова на плечах! Да и кто это слышал?

Еще издалека он увидел, что на перекрестке что-то случилось. Люди стояли на краю тротуара, сновали и проталкивались вперед юркие мальчишки.

Он протиснулся в первый ряд, вперед, к самому концу тротуара. Толпа сзади колыхнулась и сдавила передних. Пути назад уже не было. И в это время раздалась совсем рядом печальная мелодия. Он быстро обернулся, но выбраться было уже нельзя. За ним плотной стеной стояли люди.

Из-за угла медленно приближался эскорт милицеских мотоциклов. Синие, вычищенные до блеска машины медленно шли в ровном торжественном строю.

Мужчина с билетом сразу оторопел, обмяк, хотел схватиться за кого-то рукой. Рядом с ним беззвучно всхлипнула женщина и вцепилась зубами в носовой платок.

— Неужели не найдут и не расстреляют? — сказал кто-то сзади.

Пот мгновенно выступил на его теле, рубашка в минуту стала совсем мокрой и холодной. Озноб охватил его всего целиком. А толпа напирала и напирала на него сзади. Он опустил чемодан кому-то на ноги; казалось, еще секунда — и его выбросят с тротуара к мотоциклам, туда, где за шеренгою

венков сурово и плавно плывет машина с откинутыми бортами.

— Мальчик-то, мальчик-то, — шептала женщина рядом, — совсем еще глупый...

Мокрая холодная рубашка стягивала кожу.

Солнца не было. Косые серые облака дергались во все стороны и хлопали, как простыни на веревке.

Мимо него в каком-то метре шел молчаливый строй: милиция, дружинники, сотни и сотни его смертельных врагов. И пока они шли, он, не отдавая себе отчета, спиною пытался вползти обратно в толщу людей, на тротуар.

Среди людей в гражданском мелькнуло несколько знакомых лиц. Короткие пристальные взгляды.

«Попался», — застучало в голове.

Его заметили.

Когда он выкарабкался из толпы, к нему подошли двое в гражданском, один был совсем молодой.

— Здравствуй, Варнавин, — немного высокомерно и брезгливо поздоровался с ним старший, неторопливый, медлительный, с маленькими усиками. — Что это тебя давно не видно было?

Черные узкие глаза Гуреева беспокойно шарили по лицу, рукам, одежде Варнавина.

— Меня три месяца не было... — Он взял себя в руки. — «Шабашничал» в деревнях. Где сарай поставишь, где что...

— Когда приехал?

— Вот. Еще до дома не дошел. Так с чемоданом и застрял. И билет еще цел.

— Ну-ка, покажи билет...

Гуреев внимательно посмотрел на компостер и сразу потерял интерес к разговору.

— Давай на работу устраивайся, а то, как тунец... Живо...

— Это обязательно. Немного отдохну — и на работу. — Он стоял перед ними, здоровый, большой, со взмокшими от пота волосами и в мокрой рубашке, и ему хотелось еще говорить и говорить с ними. — Я на механический завод. Примут меня?

«Это только в кино так, — думал он уже потом, спокойно идя по улице, — испуг на лице, холодный пот и все такое прочее. В уголовном деле нужны доказательства. — Он подмигнул еще не старой женщине на углу, торговавшей пивом. — В городе меня никто не видел. А билет — вот он! Только бы не потерять!»

У самого дома он неожиданно столкнулся с Джалиловым.

— Ты? Откуда? Ты ведь питерский...

Они вместе были в колонии, потом на Большой стройке.

— Волчара? — удивился Арслан.

Варнавин положил руку ему на плечо.

— Ты повидай меня на днях. Или лучше я забегу. Ты где остановился? — А про себя подумал: «Чем не замена Череню?»

Арслан шел домой, весь отдавшись нахлынувшим воспоминаниям. Они не терзали его уже давно, с зимы. Даже находясь в течение суток в горотделе в качестве подозреваемого, он думал только о том, чтобы доказать свою правоту. И больше ни о чем.

Теперь, после встречи с Волчарой, перед Арсланом снова была зона, гаревая, пахнущая дождями дорожка к вахте, Кораблик в тот на всю жизнь запомнившийся вечер, когда он узнал вынесенный ему Волчарой и другими ворами приговор.

Арслан словно воочию видел торжествующее, довольное лицо Волчары, когда тот объявил решение сходы.

— Это не наш человек! — сказал Волчара о Кораблике. — Кончать с ним...

И вот через много лет Волчара встретился вновь с Арсланом. Волчара был жив и открыто ходил по улицам, он предложил Арслану повидаться...

А затравленный Волчарой Кораблик, бледный как полотно, с мгновенно выступившими на лбу тяжелыми крупными пятнами холодного пота, долго метался между бараками, разорвав на груди майку, ожидая в любую минуту последнего страшного удара...

**ДОРОГОЙ
ПОИСКА**
глава 2

1

— Идиотизм какой-то! Ну, не найду я эти проклятые простыни! Что, мир перевернется? Подумать только: лейтенант Тамулис пытается отказать в возбуждении уголовного дела по факту кражи семи старых простынь! Каков, а? Нет, честное слово, мы так увязли в этой уловке, что нормальным людям, наверное, кажемся идиотами.

— Не устраивай истерики, Алик, — сказал Барков, — выпей воды и возьми себя в руки. Или пойдешь в кабинет Шальнова и приляг на диван, а я принесу тебе грелку и вечерние газеты.

Разговор с Ратановым расстроил Тамулиса не на шутку. Барков понял это сразу, когда, вернувшись в кабинет, Тамулис тщательно поправил бумаги на своем столе, но не сел, а молча, не обращая ни на кого внимания, отошел к окну. Несколько минут он стоял так, барабанив пальцами по стеклу, затем повернулся к сейфу и стал шарить по карманам в поисках ключей.

Рабочий день первой смены заканчивался. Гуреев убирал со стола бумаги. Напротив, в клубе «Красный текстильщик», зажглись огни: прядильщицы, ткачи, мастера собирались на эстрадный концерт.

«Лето — лучшее время для путешествий, — вспоминалась Тамулису реклама у подъезда Вильнюсского агентства Аэрофлота. — Пользуйтесь современными турбовинтовыми самолетами...».

— А что? Тамулис прав! — вмешался в разговор Гуреев. — Подумаешь, простыни, на них раньше никто и внимания не обратил бы. Я помню, как мы сняли группу «Микадо» — двадцать пять ограблений! Сорок четыре квартирные кражи! Я тогда часы получил и оклад!

— А вы тогда «Платона» не брали — восемь ограблений и одно раздевание пьяного? — Барков оседлал своего любимого конька. — А «Герострата» — поджог клуба? Похитителя велосипедов и детских колясок по кличке Эпикур?

— Это, наверное, до меня...

В кабинет вошел майор Егоров, он только недавно вернулся из отпуска, и его седые волосы странно выделялись на загорелом лице.

— Кому-то стало скучно работать в розыске? — Егоров знал, что после каждого периода напряженной работы в отделении неизбежно наступает состояние своеобразной расслабленности. Сказываются неминуемые последствия ночных бодрствований, длительное внутреннее напряжение. И все, что еще вчера подавлялось необходимостью точно и неукоснительно следовать приказу, полностью отдавать себя в чужое распоряжение, теперь неожиданно всплывало на поверхность.

На несколько дней люди как будто преображались.

Друзья бранились по пустякам, ничто не вызывало интереса. Сотрудники, которые еще несколько дней назад после восемнадцатичасового рабочего дня непременно задерживались еще хотя бы на несколько минут, чтобы зайти в дежурку, теперь сразу же после обеда начинали подгонять взглядом стрелки часов. Дневные планы не выполнялись, на совещаниях люди дремали, хотя никто не задерживался на работе даже на пятнадцать-двадцать минут. Так продолжалось дня три-четыре. И в эти дни было до крайности тяжело поднимать людей на поиски прозаического воришки, сдернувшего несколько простынь с бельевого веревки.

Егоров все это отлично понимал и в дни разрядок бывал спокойно добродушен.

— Так что вы расшумелись? — спросил он. — Даже в коридоре слышно.

— Меня эта кража простынь доконает, — ответил Тамулис. И добавил: — Сначала простыни, потом портянка пропадет, баночки из-под ваксы.

— А ты не сваливай все в кучу. Произошла кража белья. Нет, ты скажи, зачем тогда нужен уголовный розыск?

Тамулису вопрос не понравился. Он уткнулся в бумаги, всем своим видом показывая, что не собирается дальше участвовать в дискуссии.

— Если ты мне тоже скажешь, что работа эта грязная, что ее нужно кому-то делать и только поэтому ты здесь, я все равно тебе не поверю...

Барков примирительно сказал:

— Тамулис у нас романтик. Он за романтикой и пришел.

— Романтика уголовного розыска — это единственно: исполнение служебного долга в трудных условиях.

В уголовном розыске спорят о романтике не меньше, чем в литературном институте.

Егоров был уверен в справедливости своих мыслей, хотя чувствовал, что сказал не те слова, которые сейчас нужны Тамулису.

Тамулис неожиданно отложил бумаги:

— Ну, а вообще романтика? Ремарк, Хемингуэй?

— Надеюсь, тебе не придется разъяснять, что это два разных писателя? — вежливо осведомился Барков.

— Нет, — сказал Тамулис. — Хемингуэй — автор двухтомника, который ты мне не вернул до сих пор. А Ремарка я, к счастью, тебе не давал...

— Как тебе сказать... Там больше романтика неудачников, снобов. Понимаешь? А у нас романтика... цели.

— Раскрытие кражи семи простынь — романтично? — поддел Барков.

Егорова спас телефонный звонок.

— Тамулис, — сказал дежурный, — здесь карманника привели. Потерпевший есть, а свидетелей нету...

— Замечательно, — процедил Тамулис, — чудесно все складывается!

Ратанову было тоже нелегко.

Он сидел за старым канцелярским столом и думал, что все преступления, которые он расследовал до сих пор, давались легко или были раскрыты случайно.

Что он сделал за этот месяц? Он хорошо провел «подчистку» участка. Сделал все, чтобы выявить оче-

видцев. На его месте это сделал бы любой. Не дал сбить себя с толку теоретически вероятными версиями, которые мог придумать десятками любой расторопный третьекурсник с юрфака? Это тоже не заслуга. А что в активе? Показания Сабо?

В Шувалове ничего не нашли, только сестра Насти Барыги подала Баркову отвертку. Эту отвертку дал перекупщице мужчина, купивший рубашку Джагилова, вместо двадцати-тридцати копеек, которых у него не хватило, а она отдала ее сестре. Рубашка? Почти ничего!

И вообще, не преувеличивает ли он свои способности, стараясь раскрыть это тяжелое преступление? Достаточно ли он знает криминалистику, методику раскрытия убийств?

А может, дело совсем не в этом? Ведь считает и по сей день кое-кто, что раскрытие преступлений — это искусство. Есть военное искусство, есть искусство криминалиста... Здесь не обойдешься хорошим учебником или тактическим наставлением, нужен талант.

Есть ли у тебя талант?

Ему вдруг захотелось пойти к кому-нибудь, поделиться своими страхами. Но Альгина в отделе не было. Отлежав две недели в госпитале с осложнением после ангины, он уехал с женой и детьми в отпуск в деревню. Генерал был в Карловых Варах. Шальнов «завалил» литературу и вернулся в отдел очень обиженный.

— Нет, нет, нет, — хлопнул он ладонью по столу. — Нельзя распускаться, нельзя ныть, нужно терпеливо, настойчиво делать свое дело... Делать свое дело... Свое дело...

Он несколько раз повторил это вслух.

«Мы просто устали, — подумал еще Ратанов, — нужно поставить точку, закончить эту первую серию. Чтобы ничего не тянулось. Дать всем отгул, два дня полного отдыха. Всем — за город, на речку, в лес! Что бы ни сказал Шальнов. И поехать самому. За Ролдугу, на речном трамвае... Можно взять Игорешку, Ольга ехать откажется...»

Разговор возобновился у них поздно ночью, когда,

кроме Тамулиса, Баркова и Егорова, никого уже не было.

— Ты понимаешь, Алик, — начал Егоров, — конечно, работать над трудной и большой кражей интересней, чем над кражей простынь. Но ты не забудь: чем больше украдено, тем больше ущерб, тем больше чье-то горе! Или убийство! Да я с радостью не прикоснусь в жизни ни к одному интересному делу, если буду знать, что убийства от этого прекратятся. Ты понимаешь, какое это кощунство — мечтать о «большом деле»?

— Я тоже не хочу преступлений, — сказал Тамулис, — но они есть. И когда я работаю над «большим делом», я больше полезен людям.

— Ты и так полезен. Чем меньше преступлений, тем, значит, больше от нас пользы. Не забудь, что, работая над конкретным делом, ты работаешь одновременно по тем делам, которые могли возникнуть, но не возникнут.

— Ну, а как же все-таки с романтикой? — спросил Барков.

— Я так думаю: романтика — это когда человек в борьбе, в трудностях, наперекор всему выполняет свой человеческий долг.

Снова позвонил дежурный:

— Барков еще здесь? Пусть срочно спустится в дежурку... Его по 02 спрашивают...

Барков быстро сбежал по лестнице, взял телефонную трубку.

— Барков? Это Джалилов. Такое дело. — В трубке что-то хрипело и царапало. — Вы Волчару знаете? Так вот, сегодня будет кража из магазина в деревне Барбешки... Волчара с Гошкой-пацаном...

— Помешать им нельзя? Отговорить? Перенести?

— Они все равно пойдут. Там завмаг болеет... Они еще заедут за мной в конце смены.

— Ты не ходи! Во сколько кончаешь работу?

— В два... Мне там делать нечего — хватит!

— Сможешь позвонить еще раз к концу смены?

— Позвоню. В конторке никого нет.

— Давай.

Положив трубку, Герман побежал наверх. В дверях он обернулся к дежурному:

— Срочно машину за Ратановым, мы ему сейчас позвоним на квартиру, быстрее!

Егоров закрыл сейф, собираясь идти домой, когда он и Тамулис услышали в коридоре топот Баркова.

— Волчара идет на магазин! — задохнулся Герман.

2

— Не люблю я по ночам звонить Шальнову, — сказал Егоров, набирая знакомый номер.

— К кому же еще звонить? — удивился Тамулис. — Альгин в отпуске. Ратанов такие вопросы не решает...

Телефонную трубку, как обычно, подняла жена Шальнова и пошла будить мужа.

— Волчару вы знаете. — Егоров старался говорить спокойно. — Сегодня в два часа ночи он собирается обворовать магазин в деревне Барбешки. С ним едет Гошка, молодой, сын врача. Позвонил Джалилов.

— Этого нам еще не хватает! — Шальнов чертыхнулся. — Джалилов может нас провоцировать... Хочет выслужиться перед органами, замазать участие в убийстве...

— Не думаю.

Тамулис и Барков с двух сторон прильнули к трубке.

— Постой, Егоров, Барбешки — это ведь за чертой города, на территории райотдела... Чего же мы головы ломаем? Звони туда.

— Они уже ничего не успеют сделать. Людей им не найти, а выезжать нужно минут через пятнадцать...

— Вот черт!

Все они прекрасно понимали муки Шальнова:

...Инструкция на этот счет предельно ясна и лаконична. Узнав о готовящейся краже, работники милиции должны во что бы то ни стало помешать совер-

шению преступления. Но предупредить кражу можно по-разному: можно просто, как будто случайно, появиться у магазина, и преступники, особенно если они впервые идут на преступление, откажутся от него, и, может быть, навсегда. И можно взять преступников с поличным. Поймать при попытке совершить кражу или с орудиями совершения преступления, устроить засаду. И это слово «засада» Шальнов больше всего боялся произнести: с точки зрения некоторых теоретиков, человек, находящийся в засаде, своим поведением создает условия для совершения преступления.

...Неужели невзначай подъехать к проходной завода к концу смены и, увидев там Волчару и Гошку, проверить у них документы? Предупредить это преступление, чтобы Волчара через месяц, тщательно подготовив, совершил другое, более серьезное?!

— Кто разговаривал с Джалиловым?

— Барков.

— Так... — В душе он был за засаду, но это было хлопотливо и небезопасно.

...Около двух часов ночи. Минутная стрелка, прыгая по циферблату больших стенных часов, издает резкие, довольно громкие щелчки.

— И когда Шальнова от нас возьмут? — шепотом посетовал Тамулис. — Видимо, до пенсии тянут...

— Ну, это недолго, — не упустил случая Барков, — вот Тамулиса до пенсии тянуть...

Егоров их не слышал.

«Задерживать Волчару по дороге, недалеко от магазина? Ломик он бросит. Других улик нет. Какая ухмылка будет на его лице? Он может сказать, что любит пение ночных птиц или собирает гербарий. И они будут вынуждены его отпустить, потому что доказать попытку совершить кражу из магазина не смогут. А Гошка, загипнотизированный Волчарой, тоже осмелеет, на прощанье щелкнет каблуками, вытянет руки по швам, иронически склонит большую, коротко остриженную голову...»

— Если Ратанов решает...

Егоров погасил в кабинете свет, и они спустились в дежурку встречать Ратанова.

Скоро во дворе хлопнула дверца машины, и в дежурку вошел Ратанов, в синем плаще, без кепки, бодрый, стремительный, уже загоровшийся мыслью поймать Волчару.

Егоров взял его за рукав. Было похоже, что отец советуется с сыном.

Ратанов быстро вошел в курс событий, и решение Егорова показалось ему вначале совершенно очевидным. Но уже через минуту Ратанов нахмурился.

— А что сказал Шальнов?

— Выдал открытую карту...

— И все-таки, — глядя куда-то поверх головы Егорова, раздумывая, сказал Ратанов, — мы едем в засаду... Знаешь, как это выглядит иногда со стороны?

— Знаю, — Егоров взглянул на его мокрые от дождя волосы, на чуть сузившиеся зрачки, на знакомый ратановский жест — он как будто засучивал рукава плаща. — Но мы должны поступать по совести, а не думать, как это выглядит со стороны! Так?

— О чем говорить? — недоуменно пожал плечами Тамулис, его верхняя губа возмущенно оттопырилась.

— Ты прав, — после паузы сказал Ратанов, — поступить по-иному мы не можем. У меня, между прочим, такая мысль: дадим убежать Гошке и возьмем одного Волчару. В сущности, Гошка без Волчары никакой опасности не представляет. Подумаем еще. Тамулис едет с нами, а ты, Герман, — Ратанов повернулся к Баркову, — будешь разговаривать с Арсланом по телефону. И заготовь все для обыска на квартире Волчары. Понял?

— Понял, что остаюсь здесь. Ни пуха ни пера...

Поднявшись к себе, Барков погасил в кабинете свет и лег грудью на подоконник. Он увидел, как на секунду осветилась изнутри «Победа», когда в нее сдвинулся Ратанов.

Машина пересекла освещенный прожектором прямоугольник двора и выехала за ворота.

На переправе Ратанов нервничал: он боялся попасть на один паром с такси, на котором поедут преступники. Милицейская «Победа» стала поперек парома, чтобы съехать с него первой. Паромщики не торопились: хотели захватить побольше самосвалов с бетоном.

Когда Ратанов совсем уже потерял терпение, паром, наконец, тронулся с места и поплыл против сильного течения. Сквозь пелену мелкого ночного дождя не было видно ни воды, ни неба. Река только угадывалась в негромких равномерных всплесках воды. Минут через десять паром остановился. Они съехали на берег и повернули на лесную дорогу. Теперь у них было в запасе верных полчаса до прибытия следующего парома.

— Мне завтра к десяти утра в детский дом, — нагнувшись к Ратанову, сказал Тамулис. — Мы договорились с ребятами провести воскресную игру.

— Что это за игра?

— На внимание. Комсомольцев из оперативного отряда они не знают. Расскажу пионерам из детдома их приметы и расставлю по улицам так, чтобы они друг друга не видели. А комсомольцы пройдут мимо них в числе прохожих. Кто из ребят узнает их по приметам, должен подойти и спросить, сколько времени. И получит за это специальный талончик. Ну, у кого окажется больше талончиков, тот самый внимательный. Мы в школе милиции так играли...

— Может, вам изучить с ними какое-нибудь наставление по оперативной работе? — пряча улыбку, спросил Егоров.

— Закончишь игру и иди домой, — сказал Ратанов. — На работу выходи только утром во вторник. Постарайся эти два дня хорошо отдохнуть.

Он хотел сказать это бодро, но слова прозвучали помимо его воли невесело.

— Мы на лодке собираемся, с Роговыми.

— Лес до самых Барбешек будет, товарищ капитан, — предупредил шофер.

Он вел машину легко и быстро. До уголовного розыска он работал в Москве, возил замминистра, потом — в областной газете. Ему принадлежали рекорды области для машин класса «Победа» в езде по разбитым тракторами и МАЗами дорогам.

— Смотри, Эдик, — сказал осмотрительный Егоров, — не влети куда-нибудь.

— Будет порядок, товарищ майор, — отозвался тот, — как от Огарева до Фрунзенской набережной...

Вскоре фары нащупали впереди изгородь из березовых кольев и небольшую заброшенную избушку.

— Старая застава, — сказал шофер, — рядом деревня.

Дорога в деревню была закрыта шлагбаумом — длинной суковатой жердью, которую Тамулис оттащил в сторону, а когда машина проехала, положил на прежнее место.

— Приехали, — сказал Эдик.

Магазин в Барбешках находился на самом краю деревни, почти у самой дороги, — деревянная изба-пятистенка с небольшими закрытыми ставнями окнами. На другой стороне дороги стояла маленькая будка сторожа, который, по-видимому, спал.

Они обошли вокруг магазина: крыльцо, четыре окна с трех сторон, лестница на чердак, кадка с водой на случай пожара. Метрах в двадцати от магазина начинался кустарник, а за ним шел лес, окружавший Барбешки и еще с десятков деревень, разбросанных по старому тракту. В память основателей они до сих пор назывались починками — Васильевским, Федоровским... Это да еще сам тракт, которым никто уже не пользовался, и было тем единственным, что напоминало о старине.

— Значит, берем только Волчару? — спросил Егоров.

— Да. А Гошке даем возможность бежать.

— Как быть со сторожем? — спросил Тамулис.

— Мы отошлем его в деревню. Какие у них планы в отношении его, мы не знаем...

— Не забыть позвонить в райотдел, — сказал Ратанов, — территория все-таки района, а не города...

Егоров сорвал ветку с куста, на ощупь попробовал определить дерево.

— Лучше вам с Тамулисом вдвоем со стороны кустов, а я возьму дорогу... Орешник, по-моему, и запах похож...

— Так. А машину оставляем в деревне у крайнего дома. Ты, Эдик, будешь в машине наготове, как только услышишь выстрел, гонишь сразу к магазину. Пусть думают, что мы все выскочили из «Победы»... Ехали и случайно на них наткнулись.

— Ну что, по местам? — спросил Егоров.

— Судья Саар посмотрел на свой секундомер, — вступил в разговор Эдик, видя, что официальная часть переговоров закончена. — Свисток...

— По местам, — вздохнул Ратанов. — Черт знает, какая темень!

Они разошлись.

Егоров укрылся в кустах по другую сторону дороги, напротив магазина.

Дождь окончился, и было совсем тихо. Лес стрял огромный, молчаливый, изредка стряхивая с веток в траву тяжелые капли. «Волок» — зовут здесь такой лес: деревья из него приходилось раньше тащить волоком.

Егорову мало пришлось поехать по свету.

В кино он с мальчишеской радостью смотрел фильмы о лесных заповедниках, от души смеялся, видя на экране доверчивую мордочку бобра или енота, с уважением глядел на суровые волны океана, на недоступные вершины гор. Сейчас ему было под пятьдесят, и он уже отчетливо понимал, что, если не уйдет на пенсию и будет продолжать работать, наяву многое из этого, вероятно, уже никогда не увидит.

Восемнадцатилетним ростовским пареньком он ушел с завода в Красную Армию. Некоторые его товарищи попали на погранзаставы, другие — в авиацию, а он — в конвойные войска НКВД, потом в милицию. Сейчас он майор. Двадцать пять лет пролетели в бесконечных переходах от раскрытых преступлений к другим, нераскрытым, в ожиданиях отпусков, в особом, никогда не становящемся привычным волне-

нии, которое испытываешь, когда идешь по следу преступления; между годовыми отчетами о снижении преступности и ЧП, благодарностями командования и очередными разносима, одобренными привычной формулой: «Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает».

Двадцать пять лет пролетели, оставив серебряные следы на висках. Теперь по опыту работы он мог командовать не отделением — отделом, может быть, управлением, если бы тогда, по окончании войны, поехал в высшую школу или поступил в институт. Но он не поехал, и сейчас не следовало об этом вспоминать.

На тех, кто учился, тогда многие смотрели как на шкурников; впереди были бандеровцы, айзсарги, просто бандиты. Он работал в ОББ — отделе борьбы с бандитизмом. «Или учиться, или работать», — любил повторять начальник ОББ. Однажды Егоров все-таки чуть не подал заявление в заочный институт. Это было в то лето, когда на набережной пьяный, потерявший человеческий облик негодяй беспричинно выстрелил в прохожего, оказавшегося отпускным подполковником, Героем Советского Союза. К счастью, подполковник остался жив, но из их отдела никто не попал в отпуск до ноября, пока не нашли преступника. После ОББ Егоров несколько лет работал в разных отделах областного управления, пока в городе не образовали горотдел милиции.

В отделение Ратанова Егоров попросился сам и не жалел, что ушел из управления. Видимо, был он в том возрасте, когда хочется что-то передать поколению, идущему за тобой. Жена замечала его отношение к товарищам по работе и, когда очередной безусый гость уходил из их дома, называя сидящего майора просто Сергеем, ревниво говорила: «Ты — как большая нянька!» Но он чувствовал, что ей нравится слышать, как его зовут просто по имени, — это как будто делало его моложе и уменьшало их разницу в годах; женился он поздно.

«Большая нянька! — мысленно улыбнулся Егоров. — Надо же так сказать!»

Тут он услышал скрип, тонкий, еле слышный скрип.

По ту сторону дороги Тамулис, который тоже услышал этот скрип, схватил Ратанова за руку.

Потом они слышали возню, приглушенный кашель и осторожно двинулись к магазину. Вокруг ничего не было видно, и хотелось идти с закрытыми глазами.

И в этот момент раздался свист.

Гошка сидел под крыльцом магазина и собирался было последовать за Волчарой, который через незапертый нижний люк влез в торговый зал и успел уже сбросить вниз тяжелый рулон какой-то шерсти. Вдруг он заметил Егорова, бежавшего через дорогу к магазину, и свистнул.

Внутри магазина что-то с грохотом упало — это Волчара второпях сбил с прилавка весы. Увидев еще двоих, Гошка бросился на дорогу, навстречу Егорову. Майор узнал Гошку и сделал шаг в сторону, но тот как зачумленный с ломиком кинулся к нему.

Между ними осталось не более трех метров всгорбленной, мощенной булыжником дороги. Егоров успел выстрелить у Гошки над головой, но, когда ломик, почти коснувшись его вытянутой руки, просвистел в воздухе, выстрелил еще раз, стараясь попасть в ноги. Гошка упал.

— Покажи, — сразу нагнулся к нему Егоров.

Гошка, корчась от боли, тронул ногу рукой.

— Жить будешь, — сердито, но радуясь тому, что не убил его, буркнул Егоров. — Вставай, обопрись...

Гошка встал и оперся на него, а Егоров быстро провел рукой по его карманам. Нашупав в пиджаке что-то твердое, Егоров вытащил у Гошки финку, выточенную из напильника, и сунул себе в карман. Потом они побрели к машине.

Пользуясь темнотой, Волчара тихо вылез из магазина и юркнул в кусты. Какое-то шестое чувство на этот раз помогло Ратанову — он бросился вслед. Волчару настигли у самого леса. Здоровый, физически сильный, он отбивался руками и ногами. С помощью подбежавшего Эдика Ратанов и Тамулис все же за-

крутили ему руки назад и, низко пригнув к земле, повели к машине.

— И второй здесь, — радостно прошептал Тамулис. Он дышал тяжело. Кожу на виске саднило, больше он пока ничего не чувствовал.

Из деревни уже бежали человек пять с фонарями: участковый уполномоченный районного отдела милиции, который ночевал в Барбешках у председателя сельсовета, сам председатель, бригадир, еще какие-то наспех одетые люди.

Небо быстро светлело. Участковый уполномоченный и бригадир повезли Гошку в больницу.

— С завмага магарыч, — добродушно говорил Егоров председателю сельсовета так, чтобы слышал сидящий на крыльце магазина Волчара. — Едем мы себе преспокойно из Чельсмы в город, и вдруг на ловца и зверь бежит.

— Это можно, — всерьез отвечал председатель и кивал головой. — Как управитесь, так и пойдем ко мне... Ночь ведь сырая... Хорошо помогли, хорошо.

Волчара покривился: «Не повезло. Черень, конечно, поймет, в чем дело, раз меня сегодня не будет на вокзале».

— Эй, мужик, — крикнул он председателю сельсовета, — дай закурить!

Это были его первые слова с момента задержания.

— Ух ты, паразит, — возмутился тот, — хотел у нас магазин ограбить, а мы его папиросами угощай!

— Не журишь, мужик, — с усилием ухмыльнулся Волчара. Он все еще не мог взять себя в руки. — Вор украдет — ф р а е р заработает...

— Тогда зачем просить?!

Участковый уполномоченный повез Гошку не в городскую больницу, за реку, а в районную, позвонил оттуда дежурному и остался сторожить раненого. Следующим рейсом — уже в шестом часу утра — Егоров с Тамулисом увезли Волчару.

Когда они уехали, Ратанов прошелся вдоль кустарника.

«С какой стороны преступники пришли к магазину?»

На примятой траве следы были хорошо видны.

«Здесь они шли гуськом, след в след, а вот стали расходиться...»

В том месте, где преступники разошлись, Ратанов ясно увидел след третьего человека, оставшийся на мокрой от росы траве.

4

...Было уже начало третьего. Арслан не звонил. Барков переключил телефон на дежурного и спустился вниз. Здесь было тихо. Дежурный переписывал в толстую книгу телефонограмму, его помощник читал газету. Герман вышел на улицу. Накапывал мелкий дождик, и на мокром асфальте скользили огни раскачивающихся на ветру подвесных фонарей. В машине, накрывшись с головой плащ-палаткой, спал шофер. По безлюдной Театральной улице грохотали самосвалы. Они каждую ночь возили за реку бетон к строящемуся заводу агрегатных линий.

Барков отпер дверь маленького домика на углу Театральной и Луначарского и прошел к себе. На столе были разбросаны журналы, бумаги, фотографии, из-под кровати высовывался угол незапертого чемодана. Герман поставил чайник и, пока закипала вода, побрился электробритвой. Потом выпил чаю с булкой, взял со шкафа пачку «Севера» и пошел в горотдел. Было без пятнадцати три.

Он заставил себя прочитать еще раз вчерашнюю газету, лежавшую на столе у дежурного. Прошло только шестнадцать минут. Походил по дежурке.

Дождь кончился. Барков вышел на улицу. Теперь было уже ясно, что Джалилов больше не позвонит. Он прошел через центр и по бульвару спустился на пристань. У дебаркадера стоял транзитный пароход, и по набережной, несмотря на ранний час, гуляли пассажиры. Барков поздоровался за руку с молодым постовым милиционером и повернул назад. Из телефонной будки все-таки позвонил по 02.

— Ничего не слышно от них?

— Нет.

Синева неба понемногу блекла. Появлялись более матовые тона, предвещавшие близкий рассвет. Барков вернулся в дежурку и снова взялся за газету.

Звонок раздался около четырех.

Медсестра Зареченской больницы сообщала, что к ним поступил больной с огнестрельным ранением ноги.

Держа в руке трубку, из которой неслись частые прерывистые гудки, Барков молча смотрел в серое, полуслепое еще окно, выходившее на ту сторону реки.

Там было по-прежнему темно и тихо.

...Углубившись в свои мысли, Барков быстро шел по улице. Дождя уже не было, только ветер сдувал с деревьев последние запоздалые капли. У закрытого еще городского рынка гулко перекликались дворники. Сворачивали к бензоколонкам пустые автобусы.

В скверике недалеко от дома Джалилова Барков остановился. Закурил. Думать о телефонном звонке из больницы больше не хотелось, но чувство тревоги не уходило. Он стоял и курил до тех пор, пока не увидел издалика крепкого невысокого человека в коричневом костюме, маленькой серой кепке и сапогах. Арслан, невредимый, шел по улице, не замечая Баркова, как всегда серьезный, сосредоточенный на своих мыслях. Герман подождал, пока Арслан скрылся за углом, и пошел в столовую завтракать.

5

В воскресенье к семи часам утра они собрались у дебаркадера. Здесь Роговы держали свою «главную семейную ценность». Это была крепкая, просмоленная, выдававшая виды рыбацкая лодка. На корме ее красовался новенький мотор «Москва».

Инженер Рогов, муж Нины, худой, длиннорукий, в подвернутых до колен брюках, стоял в лодке, а Барков и Тамулис подавали ему с дебаркадера рюкзаки, весла, канистры с бензином. Рогов, поминутно поправляя падавшие на лоб волосы, рассовывал груз под сиденья, вычерпывал консервной банкой хлюпающую у него под ногами воду, что-то насвистывал, на-

певал, успевая в то же время подшучивать над женой и покрикивать на замешкавшегося с поклажей Баркова. Он трудился изо всех сил, стараясь как можно лучше выполнить тайную просьбу Ратанова — «вытащить всех на два дня за город и расшевелить».

Нина Рогова сидела на берегу, на камнях, вместе с подругой Баркова — Галей, и держала за ошейник большую серую овчарку Каро. Собака несколько раз порывалась прыгнуть в лодку, но Нина держала ее крепко и гладила рукой по морде:

— Каро... Каро... Карышек!

— Команде приготовиться! Закончить драить палубу! Закрепить груз! — суетился Рогов — Альгис, отдай швартовы!

Он позвенел кружкой о бутылку, изображая корабельные склянки, и подвел лодку к берегу. Каро прыгнул в лодку первым и улегся в носовой части. Неразговорчивый экипаж лодки медленно занял свои места. Рядом с собакой устроился Тамулис. Нина и Галя расположились на первой скамейке, сзади них сел Барков, а у мотора — «капитан-рулевой Рогов».

— От винта! — по установившейся традиции, надувшись, басом крикнула Нина.

— Есть от винта! — отозвался Рогов. Его длинный нос напоминал небольшой косой парус. От сознания ответственности за порученное ему важное дело лицо Рогова даже чуть побледнело, на верхней губе выступили капельки пота.

— Пошел!

— Есть пошел!

Рогов несколько раз дернул за трос, полез на корму:

— Свечу забрызгало...

Через несколько минут мотор все-таки завелся, и лодка, высоко задрав нос, плавно двинулась вдоль берега.

У пристани стоял пароход, пассажиры на корме переговаривались, весело кивая в их сторону. Рогов с независимым видом игнорировал их присутствие. Лодка обогнула грузовой причал, прошла устье маленькой речушки. Левый берег был здесь ниже, и во

время большой воды его всегда заливало, на правом были сосны и дачный поселок.

Чем дальше отплывали они от города, тем сильнее изменялся облик окружающей природы, все дальше и шире разбегались луга, выше поднимались деревья. Иногда деревья расступались, мелькали пронизанные солнцем светлые поляны, кусты, спускавшиеся к самому берегу.

— Как здорово здесь! — неожиданно вырвалось у Баркова.

Тамулис зачерпнул ладонью воды и намочил голову. Лодку качнуло.

— Смотри, Алик, не упави за борт! — крикнул ему с кормы инженер. — Здесь можно утонуть!

— Учти, Рогов тебя спасти не может, — подхватила Нина, поправляя прическу, — нет опыта: он впервые увидел реку, когда ему исполнилось семнадцать лет...

— Ты прав, Морковкин, хочешь сесть за руль?

— Хочу.

— Главное — не смерть, — серьезно сказал Тамулис. — Главное — что после оперативника ничего не остается: ни зданий, ни самолетов, ни книг. Как будто его и не было...

Рогов почувствовал, куда клонится разговор, и поспешил свернуть на шутку:

— Почему не остается? Если ты упадешь с лодки, то, наверное, оставишь горотделу несколько нераскрытых преступлений. Как вы их называете? «Висячки»?

— Две старые квартирные кражи, — уточнила Нина, — и, если мне память не изменяет, прошлогодний грабеж. Конечно, я не беру во внимание материалы по краже кур. — Она поморщила нос. — Его нелюбовь к этой домашней птице так велика, что он, кажется, не раскрыл ни одной. Так, Альгис?

— Не совсем. Что же касается грабежей, то их два. Я о них вам столько раз говорил, что даже Олег должен был запомнить.

— Как же! Верно: на Лесной и у пруда. Дела эти передадут другому оперативнику. Прочтет он и скажет: «Ну и дуб был покойный Алик Тамулис! Этого не

допросил, с тем не побеседовал, не уточнил расстояния, протоколы осмотра мест происшествий, как правило, писал небрежно...»

— Пожалуй, тонуть я не стану, — согласился Тамулис, — а как ты ни говори, оставить на земле дерево или дом все-таки лучше, чем два нераскрытых грабежа...

— Что говорить! — отозвался Рогов. — Тебе еще не поздно пойти в архитектурный... Или в высшее пожарное...

— Олег, не мучь его, — приказала Нина, — мальчик и так тоскует.

Жена Тамулиса с маленьким Витусом все еще жила у свекрови.

Их обогнала длинная, узкая моторная лодка. За рулем сидели высокая, прямая как палка девушка в красной кофточке и толстенький коротко стриженный паренек в черной рубашке и черных очках. Рогов попытался развить «первую космическую» скорость, но их лодка не подходила для соревнований, и красная кофточка вскоре замелькала далеко впереди.

— Ну как, Галя, нравится? — спросил Рогов.

— Нравится. — Она улыбнулась смущенно. Только мотор очень шумит...

Голубоглазая молчаливая девушка чувствовала себя неловко, как будто впервые попала в чужую, незнакомую компанию, словно не она, а другая ходила когда-то вместе с Ниной Роговой в избу, где скрывался обложенный со всех сторон убийца Вихарев. Трудно было привыкнуть к их разговорам, вращавшимся вокруг одной-единственной темы — раскрытых преступлений. Да и с Германом было все как-то ясно. Вот уже год, как они встречались раза два-три в месяц у парка или в кино. Нравится ли она ему? Иногда кажется, что нравится, что он только стесняется при всех быть внимательным и нежным. Вот сейчас он ни разу не посмотрел в ее сторону и будто даже тяготился ее присутствием. Один раз, когда Германа у горотдела, она услышала брошен кем-то в ее адрес реплику: «Новая пассия Баркова». Вечером нашла в словаре: «пассия — предмет с...

и возлюбленная», а какая-то тревога и неясность все равно остались.

Часа через полтора они проплыли мимо небольшого мыса, где находился пионерский лагерь областного управления, и вошли в устье Парюги. Олег приподнял над водой мотор, чтобы его не стукнуло о дно, а Тамулис с носовой цепью в руках прыгнул на землю.

Они бывали здесь уже не раз. На маленькой полянке остался след их костра, который в последний раз разжигал Мартынов.

— Живо! Мужчины — за ветками! Женщины — на кухню! — Рогов не давал никому опомниться и сам первый орудовал топором и веревкой, демонстрируя специальные «инженерные» приспособления для «старости» творства.

Разгоряченные работой, сели обедать. Понемногу у всех поднялось настроение.

Нина дарю, — сказал Рогов, подавая жене большую еловую шишку, слегка поцарапавшую ему лодыжку.

— Спасибо. Лучше побереги к моему дню рождения. Или приурочи к какому-нибудь торжественному случаю.

— Самое интересное, друзья: Нина, как и большинство ее подруг, все праздники, исключая 23 февраля, считает своими личными и не прочь получить подарок!

— Будь, Олег, правдив: только 7 ноября, 8 марта и 1 Мая.

Олег любил справедливость:

— А на День авиации?

— Дарил, дарил... Вспомнила: даже на День строителя! Они с Андреем, — Нина улыбнулась, — сделали женам подарки: Андрюша Мартынов унес из дому две книги, и Олег взял из шкафа две, поменялись и подарили нам с Ольгой. По две книги с трогательными надписями. На следующий праздник снова подарки. И опять книги: «Оливер Твист» и «Далеко от Москвы». Увидела как-то Ольга Мартынова мою книжную полку, и эпопея с книгами закончилась...

— Андрей был большой выдумщик, — сказал Тамулис.

Все замолчали, только один Рогов, как хозяин лодки и руководитель экспедиции, продолжал делать все чтобы воскресная прогулка была веселой и легкой.

— Книга — лучший подарок, Нина, это тебе каждый скажет!

Гале стало смешно: хмурые и недоступные, как раньше казалось, оперативники на ее глазах превращались в мальчишек, и ей захотелось сказать им что-нибудь приятное.

— За раскрываемость преступлений! — робко предложила она, поднимая стакан с вином.

Все засмеялись.

— За раскрываемость, — благодарно улыбнулся ей Барков. — За друзей новых и старых.

После обеда сыграли в футбол: Герман с Ниной против Олега и Гали. Тамулис очень серьезно, с соблюдением всех тонкостей игры судил этот матч, бегая по поляне с милицмейским свистком. Потом Герман учил Галю управлять с лодочным мотором, Рогов занялся спиннингом.

На закате они снова сидели на берегу. По реке все чаще и чаще шли самоходки.

— «Сенатор», — прочла Нина на крышке пивной бутылки.

— Если бы на месте преступления осталась такая крышка, — сказал Тамулис, — я бы первым делом проверил поступление пива на транзитные пароходы.

— Наше умение раскрывать преступления уже известно многим, — вздохнул Барков.

— Мы! Мы даже не проверили, есть ли такая кличка — Черень! — возмутился Тамулис. — А я ездил пенсионеру, к Шишакову, и он помнит, что слышал эту кличку.

— Лейтенант Тамулис, — прервала их Нина, как лицо начальствующего состава милиции, старший по званию, приказываю вам замолчать и больше касаться вопросов службы: нас здесь могут подслушать!

Тамулис огляделся:

— По-моему, я ничего такого не сказал...

Иногда он совсем не понимал шуток, и еще Андрей Мартынов как-то заметил, что Алик не улавливает разницу между анекдотом и загадкой.

— Старший лейтенант Барков! Ваша очередь. Говорите о природе.

— Слушаюсь, товарищ начальник! — Барков вскочил. — Природа делится на живую, неживую, сушу, воду, еду и растения. Еда делится на...

— Все, товарищ старший лейтенант, переходите ко второму вопросу — о любви.

— Любовь делится на...

— Все ясно, товарищ старший лейтенант, чувствуется метод и система. Вы свободны в выборе других тем.

Темы делятся...

— Ты все это тогда еще, на гауптвахте, усвоил? — с завистью спросил Рогов.

— Нет, Олег, я прочел это в книге К. Керрама «Богги, гробницы, ученые». Ты не дарил жене эту книгу? На День артиллерии?

— Отчего бы, Барков, вам не написать обо всем этом, — пропустив мимо ушей ехидный намек, сказал Рогов, — и не послать в журнал, хотя бы в «Советскую милицию»? Гонорар бы получили, признание.

— Не пойдет, — вздохнул Барков, — могут переслать Веретенникову с просьбой разъяснить автору все на месте: что и как. И подпись будет на сопроводительном отношении: начальник литературной части капитан милиции имярек.

На проходившем пароходе включили радиолу. Гад рекой загремел фокстрот. Галя почувствовала, как что-то мягкое и теплое коснулось ее колена. Она повернула голову: свирепый Каро, положив морду ей на ногу, следил глазами за пароходом.

— Гляди, — Олег толкнул Нину локтем, — признал Каро. Это что-нибудь да значит...

Нина провела рукой по голове мужа, тихо шепнула:

— Спасибо тебе.

— За что?

— За отлично проведенный день. Я уже давно так хорошо, беззаботно не отдыхала. Да и мальчишки тоже.

— Может, и была такая кличка Черень, — ни к кому не обращаясь, словно продолжая начатый разговор, сказал в это время Барков, — да только Андрей сказал «черт» или «чернь»...

Они вернулись в город в понедельник поздно ночью.

Автобусы уже не ходили, и, пока мужчины убирали мотор и снасти, «женский персонал» дремал на скамье у дебаркадера.

— Вперед, друзья, — сказал, наконец, Рогов, — я знаю: за эти два дня Ратанов обязательно придумал для вас что-то интересное.

— Люблю Ратанова, — вставая со скамьи, призналась Нина, — легко с ним работать!

А у Гали неожиданно испортилось настроение: поездка кончилась, а с ней и два дня не омраченного ничем счастья. «Зачем я ему нужна? — думала она теперь, закрывая глаза. — Зачем я с ним езжу? Может, у меня нет ни капли девичьего самолюбия? Писали ведь в «Комсомолке»...»

Потом они шли по пустынным улицам.

У почтамта мимо них на большой скорости промелькнул «Москвич», а вслед за ним, отставая на какие-нибудь метры, стремительно пронесся милицкий «газик». Они не заметили, кто сидел в «газике», так как еще через мгновение впереди были видны только летящие огоньки стоп-сигналов.

На секунду все остановилось: скорость машин была пугающей.

— В ГАИ всегда так носятся, — успокоил Тамулис, — другой скорости там не признают.

Они прошли мимо дома, в котором жил Ратанов.

— Не спит, — сказал Тамулис, глядя на освещенное окно. — Может, случилось что-нибудь?

Ратанов в это время разговаривал по телефону. В течение дня он несколько раз посылал за Джалиловым, но в квартире никого не заставляли. Вечером соседка сказала, что Арслан с сестрой и с племянником еще в субботу уехали в деревню, к товарищу по заводу. Соседка видела, как Майя в сарафане выходила с малышом на улицу из дому. У мальчика в руках был сачок для бабочек. Арслан догнал их у калитки, в новом зеленом костюме, с хозяйственной сумкой в руках. «Такой актуальный, совсем как инженер из восемнадцатой квартиры», — умиленно сказала соседка.

Ратанов разговаривал по телефону.

В ночь на понедельник Джалилов на работу не вышел.

6

Барков пришел в отдел с опозданием на шесть минут и, не встретив никого из начальства, проскочил в кабинет, где Тамулис в волнении расхаживал взад и вперед от окна к двери.

— Мне снился страшный сон, — не замечая его расстроенного лица, весело объявил Барков. — Мне снилось, что Веретенников всю ночь сидел у моей кровати, когда я спал, и ласково гладил меня по темени. Я проснулся в поту. Представляешь?

— Где ты бродишь? — набросился на него Тамулис. — Ты знаешь, что Арслан арестован?

— Джалилов?!

— Да. Вчера вечером.

— Ничего не понимаю... Кто тебе сказал?

— Дежурный. Веретенникову стало известно, что Джалилов был вместе с Волчарой и Гошкой в ту ночь у магазина...

— Может, съездить к сестре Арслана?

— Давай подождем Ратанова.

Ратанов был в управлении, на оперативке у начальника уголовного розыска области. В небольшом заполненном сотрудниками кабинете, несмотря на ранний час, было душно, оперативка шла медленно, по-

тому что начальнику уголовного розыска беспрестанно звонили по телефонам, и, пока он, чуточку заикаясь, вежливо объяснял, что занят — у него «оперативное с-совещание», возникали томительные паузы.

Ратанов освободился только к одиннадцати и пешком пошел в горотдел.

Приближался полдень, и было жарко. У массивного красного здания управления шелестели листьями деревья. Немногочисленные прохожие предпочитали идти в тени, ближе к домам, или по бульвару, занимавшему средину улицы.

Вернувшись к себе, Ратанов сразу же позвонил Гурееву:

— Заходите вместе с Барковым и Тамулисом. Захватите материалы обыска на квартире Волчары.

Барков вошел первым.

— Игорь Владимирович, вы знаете, что Джалилов арестован?

— Шальнов мне сказал, что арест связан с совершенным Джалиловым преступлением еще до приезда сюда, к нам в город.

— Этого не может быть: он сразу приехал к сестре!

— Да? — Ратанов удивился. — Может, Шальнов что-нибудь перепутал?

— И потом Арслан будто бы сопровождал Волчару к магазину...

— Я пытался вчера встретиться с Джалиловым, но его не было дома... Ты не волнуйся, в ближайшие дни мы все выясним. Сейчас нам нужен максимум собранности: Волчара — противник, заслуживающий самого серьезного внимания.

— Могу? — открыл дверь Гуреев. Он нес конверт с изъятиями на квартире Волчары бумагами.

За ним, неслышно прикрыв за собой дверь, вошел Тамулис.

Письма, найденные при обыске, кроме одного, не представляли никакого интереса. Собственно, это было даже не письмо, а половина листка из школьной тетрадки с оборванным верхом.

«Слушай внимательно, — писал автор письма, —

убьют меня...» И далее неразборчиво: то ли «соев», то ли «сыв», «пэ пэскэ .о постюмо или ури одова». «Если ты этого не сделаешь, не считай нас братьями, а что не нужно, герав дурэдыр».

— Ну, давай, Барков, покажи, как ты знаешь жаргон, — покровительственно сказал Гуреев. Субботу и воскресенье он провел вместе с тестем в коллективном саду, на воздухе, и теперь чувствовал себя морально и физически отдохнувшим.

Барков не мог вспомнить ни одного похожего слова и напрасно несколько минут коверкал их так и этак:

— «Герав»... «Гарав»... «Гурав»...

Ратанов предположил, что слова взяты из какого-то незнакомого языка — может, мордовского или чувашского, тем более что мать Волчары была родом откуда-то из Вятских Полян.

Не придя к определенному выводу, они стали просматривать другие бумаги.

Тамулис обратил внимание на рецепт: пенициллин — по триста тысяч единиц, через двенадцать часов, 17 февраля, фамилия врача неразборчива. Бланк первой городской больницы.

Слово «ури» в письме Гуреев считал безграмотно написанным словом урки. Однако в других словах ошибок не было.

— Разрешите от вас позвонить, Игорь Владимирович? — спросил Тамулис.

Ратанов кивнул.

— Регистратура? С вами говорит Тамулис из уголовного розыска. Здравствуйте! Кто со мной говорит? Я вас попрошу срочно поднять карточку больного Варнавина Виктора Николаевича. С чем он обращался к вам в феврале? Я подожду...

Гуреев недоуменно пожал плечами.

— Не обращался? Это точно? Большое спасибо. До свиданья.

Он выразительно посмотрел на всех.

— Теперь тебе легче? — спросил Гуреев.

— А вам дата рецепта ничего не говорит?

Гуреев покраснел: «Да. На другой день после той

зимней, так до сих пор и не раскрытой кражи из универмага. Любопытно».

— Первое. Найти врача, выписавшего этот рецепт. Сейчас сюда придет Карамышев. Я звонил ему, — сказал Ратанов.

— Игорь Владимирович, — как-то снисходительно сказал Гуреев, — может, вы подозреваете Варнавина в убийстве Андрея? Так я проверял у него железнодорожный билет. Он приехал в день похорон. Даже чемодан был при нем. Я докладывал Шальнову...

Ратанов удивленно посмотрел на Гуреева.

— Билет вы не изъяли?

— Во время обыска я видел его в шкатулке на комоде — можно за ним съездить...

Сердиться на Гуреева было бесполезно: как ему казалось, он все делал старательно и добросовестно. Не дорабатывал он «чуть-чуть». И это «чуть-чуть» делало его невезучим и ненадежным работником, несмотря на весь его опыт.

— Билет нужно срочно привезти, — только и сказал Ратанов. — Это важно.

— Смотрите, — сказал Барков, — молитва...

На сложенном несколько раз листе бумаги карандашом было написано: «Псалом 90... Бог мой, и уповаю на Него, яко той избавит тя от сети ловчи и от словеса мятежна...»

— От засады, — перевел Барков, — и от допросов...

— Глубоко религиозный вор.

Позвонил Шальнов:

— Зайди!

Он сидел в своей обычной позе, обложившись со всех сторон делами, папками, толстыми тетрадями и журналами в картонных переплетах с грифами «секретно» и «совершенно секретно».

Подперев рукой голову, Шальнов смотрел на дверь.

— Привет, — кисло сказал он Ратанову, — с рыбокомбината опять ящик с консервами утащили...

Это прозвучало у него тяжело и устало, и со сто-

роны могло показаться, что он озабочен и устал потому, что все эти сутки, пока Ратанов отсутствовал, он, забыв о еде и сне, изнервничавшись, как черт, мотался в поисках этого ящика по комбинату и по Старой Деревне, опрашивал на рассвете сторожей и дворников и прочесывал Большой Шангский лес. Можно было даже подумать, что Шальнов нес какую-то особую персональную ответственность именно за этот ящик консервов. Но Ратанов знал, что Шальнов на месте кражи не был.

— Мне докладывали, — сказал Ратанов, — ребятам из ОБХСС нужно обратить больше внимания на этот комбинат. Что с Джалиловым?

— Двойную игру вел. Сообщил нам, что Волчара на кражу идет, а сам вместе с ним участвовал. И почему Барков так поверил в этого Джалилова? Прокурор дал санкцию на арест пока условно, на десять суток. За это время Веретенников все перепроверит — и странную историю с его рубашкой и показанием сестры... Веретенников еще утрет нам нос, посмотришь...

— Вы по-прежнему верите в причастность Джалилова к убийству?

Шальнов хрустнул переплетенными пальцами:

— Как бы нам потом головы не сносить...

7

Волчару допрашивали в жизни, наверное, десятки раз; следователей он повидал разных тоже немало. Он видел и молоденьких мальчиков, только что пришедших со школьной скамьи, которые разговаривали с ним сначала неестественно строго, а потом с жалостью взывали к его больной, как им казалось, совести, и умилялись, и страдали сами больше его. Видел он и старых, опытных оперативников: они угощали его на допросах бутербродами и кефиром, говорили, что знают все и без него, но хотят «проверить его совесть». И те и другие добивались от него одного — признания.

На допросах Варнавин держал себя всегда одинаково — вежливо, но без униженности, спокойно, но без вызова; больше молчал. Когда ему предлагали курить — курил, брал папиросу не спеша, с выдержкой, иногда отказывался, когда считал, что следует показать характер. Он знал, что терпение и выдержка в его теперешнем положении — это лучшая броня против любого следователя, а откровенность — как солодковый корень: сосешь — приятно, а потом — горько.

Ратанов и Карамышев знали, с кем они имеют дело, и вели допрос спокойно и терпеливо, выбрав для этого кабинет отсутствующего Альгина.

Они начали допрос после обеда, часа в три дня, и опытный Варнавин, для которого это было очень важно, не мог понять, в какую смену они работают, когда они начнут, спеша домой, комкать допрос и когда зададут самые важные вопросы.

Он отвечал медленно, как можно короче, навязывал свой темп разговора, который ускорить им было трудно, так что никакой вопрос не мог застать его врасплох. Единственное, на что он не мог повлиять, была расстановка вопросов. Они расспрашивали его о детстве, о поездке в деревню, о здоровье, снова о деревне, о покупке железнодорожного билета и снова о здоровье, о том, когда обращался к врачу, о Барбешках.

Эта неопределенность, оставшийся непонятным тайный смысл вопросов тревожили его все больше и больше. И против всего этого был только его опыт, довольно ограниченный срок времени на ведение следствия по его делу и Черень, который уже, конечно, знал, что он арестован, и должен был делать все, чтобы помешать следствию.

— Что мне кажется, — тихо начал Карамышев, когда Волчару увели, — мне кажется, — голос его звучал все громче и задорнее, — это така-а-ая рыба, которую я еще никогда не выуживал.

— И по-моему, тоже...

Они смотрели друг на друга, как заговорщики.

— Мы должны пройти по его следу шаг за шагом,

проверить день за днем все время, пока он был на свободе.

— Подожди, призовем сыщиков и перейдем в мой кабинет.

— Мы должны снова поднять дела по нераскрытым преступлениям прошлых лет, — сказал Ратанов, сядя за свой стол и оглядывая всех собравшихся, — Центральный универмаг, часовую мастерскую, запросить дела по области из тех районов, куда Варнавин выезжал...

— Не мог он приехать раньше, а потом достать где-нибудь билет? — спросил Тамулис.

— Ты попал в самую точку, — засмеялся Карамышев. — Именно.

— Ставку делать надо не на признание, а на сбор и закрепление иных доказательств.

Возбуждение Ратанова и Карамышева передалось и Тамулису.

— Подготовить себе алиби, тайно вернуться в город, чтобы совершить кражу из нового универмага...

— Что ж, поломать голову есть над чем, — сказал Ратанов.

...Шедший по коридору Гуреев услышал за дверью в кабинете Ратанова длинный тревожный звонок. Он вспомнил о новоселье, на которое был приглашен вечером, и замедлил шаг.

Ратанов, видимо, говорил по другому телефону и не мог сразу снять трубку. Потом тревожный звонок прекратился. Гуреев быстро загадал: если он успеет дойти до дверей своего кабинета и Ратанов в коридор не выйдет, то все обойдется. Стараясь не спешить, но и не особенно замедляя шаг, он двинулся дальше. В кабинете Барков уже убирал со стола документы.

— Ратанов сейчас звонил: кража на улице Наты Бабушкиной...

«Вот и все, — подумал Гуреев про новоселье, — хорошо, что хоть подарок не успел купить».

Он вытащил из сейфа пистолет и, на ходу засо-

вывая его во внутренний карман, как блокнот или бумажник, — надевать кобуру было уже некогда, — выбежал в коридор.

Ратанов запирает свой кабинет.

— Поскорее!

Они побежали по лестнице.

Машин в городе было не так уж много — не Москва, тем не менее светофоры неумолимо и педантично настигали их почти через каждый квартал. Эдик виновато чертыхался. Остальные пригнулись к окнам: на месте очевидцы могли назвать приметы преступника, и тогда будет важно вспомнить, не попадался ли он им по дороге.

«Трое одного роста... синий комбинезон... высокий в кепке... студенты...»

Гуреев запоминал почти автоматически; у этого тяжеловатого на подъем, держащего себя всегда с достоинством старшего опера была цепкая зрительная память, о которой в отделении все знали. Но сегодня это давалось с трудом: он невольно думал и о новоселье и поэтому никак не мог сосредоточиться на мелькавшем вдоль панели людском калейдоскопе.

Наконец серая неприметная «Победа», пробившись между двумя тяжелыми самосвалами, свернула на улицу Наты Бабушкиной.

— Вон восемнадцатый дом, — сказал Ратанов, берясь за ручку дверцы, — нас встречают.

Эдик резко затормозил у группы людей, стоявших на тротуаре. Ратанов и Егоров сразу вошли в середину маленького кружка, а Гуреев и Барков присоединились к любопытствующим, прислушиваясь к разговорам и отыскивая людей, которые могли оказаться полезными.

— Выбрали время, когда никого в квартире не было...

— Я как чувствовала, пошла за молоком — вернулась... Думаю, зять сходит. А то бы и к нам забрались...

— Когда надо — милицию не найдешь днем с

огнем, а когда не надо — и милиционер, и участковый, да еще и мотоцикл...

Ратанов и Егоров молчали. Они привыкли принимать на свой счет все упреки в адрес милиции.

— Небось режутся там у себя в «козла», — громко сказал мужчина-пенсционер в лицо Ратанову.

У Ратанова даже желваки заходили под скулами, но он сдержался. Тяжелая, оболганная недоброжелателями любимая работа! Кто же виноват, что ты видна окружающим обычно не более чем на одну двадцатую часть, что еще о девяти двадцатых знают рядовые оперативники, выполняющие отдельные поручения, что всю громадную работу по раскрытию серьезных преступлений — и уголовного розыска, и следователей, и участковых уполномоченных, и милицейского состава, и ОРУД — ГАИ, и других служб — знает от начала до конца лишь считанное число людей!

— Кто видел во дворе посторонних людей? — спросил Ратанов.

Все замолчали.

В это время подъехала вторая машина, с экспертом-криминалистом Егоровым и проводником с овчаркой.

— Ну как? — спросил эксперт у Баркова.

Тот качнул головой в сторону.

Они вошли в дом...

Кто видел семью, оставшуюся по вине негодяя без денег, без зимней одежды, без купленного за счет экономии всех членов семьи отреза на платье или костюм, уже три месяца ожидавшего в развороченном теперь шифоньере своей очереди на шитье; кто видел, как, отвернувшись к стене, стоит уже молодой широкоплечий мужчина, пережидая, пока исчезнет в горле застывший комок, а потом только говорит сдавленно: «Ничего, дело наживное», — а маленькая девочка тем временем вырывается из рук соседки, чтобы крикнуть в коридор: «Мама, не плачь, мама, не надо!» — тот не может уже никогда спокой-

но и равнодушно слушать или рассказывать о ворах, о кражах. Он не может не ненавидеть людей, несущих горе труженику; и если он работает в уголовном розыске и помощь людям стала его профессией, он не сможет думать ни о себе, ни о своей семье, пока не найдет преступника...

Карату никак не удавалось взять след, он пробежал метров пятнадцать, кружился на месте, останавливался, и все повторялось сначала. Проводник нервничал.

— Морозов, — крикнул ему Егоров, — не торопитесь!

Наконец, взяв след, Карат миновал то место, где он начинал кружить, и свернул к скверу. Морозов, а за ним Барков мелькнули между невысокими кустами шиповника. Люди на скамейках повернули головы в их сторону. Егоров и Гуреев разошлись по соседним подъездам, а остальные занялись осмотром квартиры. Вскоре вернулся Барков: Карат вывел на шоссе и потерял след.

Ратанов позвонил по телефону в отдел: никому не отлучаться — будет работа.

Вскоре Гуреев и молодой парнишка из оперативного отряда уже стояли у выхода на перрон, приглядываясь к уезжавшим пассажирам. Гуреев небрежно поглядывал вокруг поверх полуразвернутой газеты, а его молодой напарник, прислонившись к ограде, бросал вокруг пристальные, подозрительные взгляды, приводившие в трепет выдавших виды станционных носильщиков.

Где-то на автобусных линиях работала группа Тамулиса.

Периодически все связывались по телефону с дежурным. Сначала от Ратанова поступил запрос установить, где куплен автобусный билет № НП 5664321, — его нашли в прихожей. Тамулис, звонивший с другого конца города, из диспетчерской, несколько раз просил повторить номер.

Около двадцати часов дежурный сообщил: на боковой стенке шифоньера эксперту удалось обнаружить отпечаток большого пальца, вполне пригодный

для исследования. Кроме того, стало известно, что преступник курил сигарету «Прима».

Вернувшись в отдел, эксперт заперся в своем кабинете. Это был уже немолодой опытный работник, страстный филателист, человек с устоявшимися привычками и странностями. Ратанов ждал его заключения у себя в кабинете, заказав телефонный разговор с начальником уголовного розыска дорожного отдела.

Эксперт мог войти в любую минуту и, бросив на стол лист бумаги с черными, окрашенными типографской краской узорами папиллярных линий, просто спросить Ратанова: «У тебя спички есть?» — и, закурив, добавить: «А со следами вот так — берите такого-то — он!» Потом — у него такая манера — он обязательно заговорит о чем-то своем, постороннем незаметно, искоса поглядывая на Ратанова.

Время от времени Ратанову звонили оперативники.

— Автобусный билет в городе не продавался.

— Не может ли потерпевший приехать на вокзал?

— У Фогеля появились деньги, он находится у Рыжей...

К двенадцати часам ночи в отделе опять сталолюдно — все собрались наверху у Ратанова.

Эксперт тоже вошел к Ратанову.

— Ничего нет... Не подходят...

Ратанов ждал Баркова — он все еще был в таксомоторном парке.

Наконец приехал Барков: днем один из таксистов высадил пассажира на углу Наты Бабушкиной и Карьерной — среднего роста, черноволосого, в черном костюме, в сапогах...

— В сапогах, — повторил Барков.

— Подумаешь, — сказал кто-то, — в нашей стране выпускают ежегодно сотни тысяч пар сапог.

— А я ничего не говорю. Это ты говоришь...

— Где он посадил пассажира? — спросил Ратанов.

— В центре.

— А куда просил отвезти?

— Сказал, что покажет. Это было во втором часу дня.

— Все запомнили приметы? — спросил Ратанов. — Может, это тот, кто нам нужен.

Снова позвонил дежурный — в роще около вокзала сторож вневедомственной охраны увидел двух подозрительных с вещами... А потом еще: в лесочке у ипподрома, на другом конце города, обнаружен пустой чемодан.

Отдел снова опустел. Егоров со своей группой ездил на вокзал и разбирался с задержанными, проверял вещи, потом отпустил всех и остался ждать Ратанова.

Преступник был опытен — единственная примета, по которой его знал теперь весь ОУР, — большой коричневый чемодан с двумя замками, оклеенный изнутри зеленой бумагой, лежал в кустах метрах в двухстах от ипподрома, а преступник с вещами скрылся.

— Это третья аналогичная кража, — сказал Ратанову Егоров, когда тот вошел в дежурку, — правда, две были в прошлом году.

— Ты считаешь — Даличский проезд...

— Да. Суриковых и на Советской, февральскую... Домой они пошли пешком.

— Все равно четыре часа спать или четыре с половиной, — сказал Егоров. — Ты хорошо спишь?

Они как раз проходили мимо санчасти.

— Нет, ворочаюсь... А днем вдруг кажется — сейчас усну. Если есть возможность, бросаюсь на диван, сплю как убитый. А просыпаюсь, смотрю на часы — прошло четыре минуты.

— Надо в санчасть сходить...

— Обрати внимание, Сергей, у нас нераскрытые квартирные кражи всегда были в одно время с кражами из магазинов.

На реке завывала пароходная сирена.

Свежий ночной ветер прошелестел по невидимым в темноте верхушкам деревьев. Ратанов прислушался. Он совсем не устал. Казалось, что мозг никогда

не работает так четко, легко и экономно, как в ночные часы, когда на улице свежо.

— Провожу тебя, — сказал Ратанов.

Они дошли до двухэтажного деревянного дома, где на втором этаже, в квартире Егорова, горел свет.

— Может, угостить на ночь, чтобы лучше спалось? — спросил Егоров. — У меня есть...

— В другой раз... Ну, давай!

8

И весь следующий день был таким же длинным, тяжелым и утомительным. Он начался для них в семь часов утра с тщательного и, как потом выяснилось, бесполезного осмотра территории ипподрома, где был найден чемодан, и соседнего лесопарка имени Первой маевки. Утром было пасмурно, небо затянуто серыми, слепыми облаками. Лесопарк тянулся полосой километра на четыре, местами заболоченный, темный, заросший папоротниками и осокой.

— Необъятны пространства нашей Родины, — невесело острил Барков. — Когда на крайней восточной точке страны наступает утро, у нас в Ролдуге уже... идет дождь.

Они прошли лес дважды, туда и обратно, всем составом отдела, вместе со следователями, участковыми уполномоченными, дружинниками. На это ушло более пяти часов. Прямо с ипподрома группа Егорова уехала на участок. Шофер такси, которого накануне отыскал Барков, весь день провел с Гуреевым в городе, разыскивая в автобусах, на набережной, в центре и на вокзале своего черноволосого пассажира.

Только Тамулиса Ратанов послал на вокзал, не забывая о деле Варнавина. С помощью работников линейного отделения милиции он должен был узнать как можно больше о железнодорожном билете Варнавина, послать необходимые запросы, побеседовать с работниками вокзала. Впрочем, Ратанов его не ограничивал.

Заявление о новой квартирной краже поступило уже после часа ночи минут через пятнадцать-двадцать после того, как все разошлись по домам. Кто-то словно поставил перед собой задачу — не дать уголовному розыску ни одной свободной минуты времени. Из квартиры инженера на Банковской улице даже не было ничего взято — только взломаны замки входной двери, платяного шкафа и секретера.

На место происшествия приехали около двух часов ночи и до половины пятого, включив все осветительные приборы, имевшиеся в квартире главного инженера мебельного завода, осматривали каждый сантиметр пола, дверей, стен, осторожно передвигая вещи.

Тамулис вместе с проводником розыскной собаки пробежал с километр по пустынным улицам, пока на этот раз уже Рогдай не стал совершенно откровенно демонстрировать свою незаинтересованность в дальнейшем преследовании.

На лестничной клетке Барков разговаривал со встревоженными женщинами из соседних квартир, зябко поеживавшимися в накинутых наспех халатах. Они посторонились, пуская Тамулиса в квартиру.

На этот раз эксперту не повезло: все отпечатки пальцев, обнаруженные в квартире, представляли собой мазки, непригодные для экспертизы.

Преступник был опытным и хладнокровным. В квартире инженера в большом густонаселенном доме он провел около часа, принял душ, поужинал. Здесь он тоже курил сигареты.

— Обязательно найдутся очевидцы, — говорил в машине Барков, прижимая пальцами висок, где время от времени словно постукивал маленький молоточек.

— И все-таки он не живет постоянно у нас в городе, — сказал Ратанов.

— На той краже он мог нарочно подбросить автобусный билет из другого города, чтобы нас ввести в заблуждение.

— Нет, — ответил Ратанов, — чтобы подбросить автобусный билет из другого города, нужно его иметь.

Домой в эту ночь они не пошли. Через два часа

вставать снова. Еще до того как жители соседних домов уйдут на работу, нужно было успеть поговорить с каждым из них. Поэтому они устроились в ленинской комнате.

— Слушай, Герман... — заговорил Тамулис, подкладывая себе под голову подшивку «Комсомолки». — Что, по-твоему, главное при задержании?

— Твердость, — ответил нехотя Барков, — твердость и смелость.

— А по-моему, убежденность в своей правоте. А что бы ты сейчас больше всего хотел?

— Чтобы ты дал мне поспать...

Тамулис не обратил внимания на шутку.

— Я бы хотел, чтобы мы завтра раскрыли эти кражи и вернулись к делу Андрея...

Они уснули, прежде чем Ратанов, относивший протокол осмотра дежурному, зашел к ним, в ленинскую комнату.

Барков тяжело храпел, скрючившись на узком диване. Тамулис что-то бормотал во сне.

Ратанов прикрыл форточку и спустился в дежурку.

...Первая машина с оперативниками и участковыми уполномоченными выехала в начале восьмого часа, за ней отправлялась вторая. На близлежащие участки сотрудники уходили пешком. Шумели мотоциклы, кто-то по рации монотонно вызывал «Воркуту-3».

У дежурки стоял Тамулис. Ратанов оставлял его для работы на железнодорожной станции.

— Вы все же интересуйтесь, есть ли такая кличка — Черень!

Наконец в отделе никого не стало.

В одиннадцать часов дня в горотделе появились два молодых человека. Оба они видели преступника: один — с балкона, когда тот входил в дом, второй стоял с преступником рядом, даже прикуривал от его сигареты.

— Свидетелей у нас достаточно, — сказал Ратанов Егорову. — Теперь нужно найти художника, кото-

рый по показаниям свидетелей воссоздаст нам приблизительный портрет преступника, — робот!

Настроение у работников розыска заметно поднялось.

А в двадцать минут третьего, после обеденного перерыва, в отдел буквально ворвался обычно спокойный и невозмутимый Тамулис. Никому ничего не объясняя, он пробежал в кабинет к Ратанову.

9

Второй допрос Волчары поначалу ничем не отличался от предыдущего, только отвечал Волчара еще короче и с еще большими паузами.

Он сидел на стуле в трех шагах от стола, спокойный, невозмутимый, и смотрел вокруг без любопытства, равнодушными оловянными глазами.

— Вы билет на поезд покупали в кассе? — спокойно спросил его Карамышев.

— Какой билет? — Он словно думал совсем о другом и не сразу понимал вопросы.

— Когда ехали из Москвы... Вот этот.

Карамышев показал ему картонку билета.

— В кассе.

— Задолго до отхода поезда?

Волчара молчал.

— Задолго до отхода поезда, Варнавин?

— Вроде нет.

— Как вы доехали?

— Вроде благополучно.

— Встречал ли вас кто-нибудь?

— Нет.

— Куда вы пошли сразу?

— Домой.

— Заходили вы в камеру хранения за вещами? — спросил Ратанов.

Варнавин отрицательно качнул головой.

Несколько минут длилась пауза, пока Карамышев заполнял протокол допроса. Потом дал его в руки Варнавину. Волчара читал не торопясь, часто возвра-

щаясь назад, к уже прочитанному. Наконец, так же не торопясь, вывел собственноручно: «Записано верно и мною лично прочитано. Варнавин».

— Между прочим, Варнавин, ваш билет в общей кассе не продавался, — заметил Карамышев, — его продали в агентстве.

— А может, в агентстве. Я-то Москву не знаю...

— Точнее, в подмосковном пансионате, отдыхающим.

Варнавин молчал.

— Мы вам еще покажем человека, который приехал по этому билету из Москвы...

Ни звука.

— Свои вещи вы сдали в камеру хранения за шесть дней до приезда сюда...

Молчание.

— Билет я мог купить с рук... Сейчас не помню. Голова устала. Билеты в поезде отбирают, и проводница могла мне дать чужой билет. Ошиблась. Могло так быть? Варнавиных по стране — тыщи! Может, кто-нибудь из них и приезжал в город и сдавал вещи в камеру хранения. Только не я. Это все еще надо проверить. Ну, а если все это и подтвердится, тогда что? — Это был уже не притихший, невозмутимый Волчара. Он говорил то, что давно уже продумал, не говорил, а кричал, громко, низким голосом, и губы его кривились и плясали в бессильной ярости. — Тогда что? Тогда, значит, именно я совершил преступление? А свидетели у вас где? Где доказательства? Вам дело надо списать? А мне — в тюрьму? Повыше вас есть начальство! Мое преступление небольшое — только попытка. Кончайте его и передавайте в суд! Все!

— Кричать не надо, — посоветовал Ратанов, — мы народ пугливый, можем разбежаться...

— Дело ваше, — сказал Волчара тише, но снова стать тихим и безучастным ему уже больше никак не удавалось.

— Но с какой целью вы все это делали? Камера хранения, билет? — спросил Карамышев.

— А это я вам скажу при окончании следствия,

когда ознакомлюсь со всеми материалами дела в порядке двести первой статьи уголовного кодекса...

Хотя Ратанов и Карамышев допрашивали его опять в кабинете Альгина, Ратанова и здесь одолевали телефонные звонки. И по этим звонкам, по коротким, осторожным ответам Ратанова Волчара быстро догадался, что в городе происходят какие-то неприятные для них события и заняты они, к счастью, не им одним.

Когда Варнавина увели, Карамышев сказал, но не так уж звонко и радостно, как после первого допроса:

— Вот это рыба-рыбина!

— Герман! — Ратанов поднялся из-за стола на встречу Баркову. — По моим данным, группа ребят из дачного поселка отдыхала в Клязьминском пансионате. Надо установить этих ребят, проверить, не отдавал ли кто-нибудь из них на вокзале железнодорожный билет Варнавину или его друзьям.

И вот Барков — в кооперативном дачном поселке. Кругом маленькие деревянные теремки, садики с фруктовыми деревьями, чистые, аккуратные заборчики из штакетника. На верандах сидят молодые женщины в фартуках, юноши в джинсах. Варят варенье, принимают соседей, играют в бадминтон. Под деревьями мелькают белоснежные детские панамки.

На 5-й линии тянет гарью, кто-то окуривает деревья. Через дорогу навстречу Герману идет молодая женщина в кокетливом хлорвиниловом фартучке поверх цветного сарафана. Она с удивлением смотрит на Баркова, на его синий жаркий шевиотовый костюм и галстук.

Дойдя до перекрестка, Герман снимает галстук, расстегивает сорочку, кладет пиджак на руку.

Иногда он спрашивает встречных:

— Не знаете, где здесь живут ребята? Они в июле приехали из дома отдыха.

— Спросите в шестьдесят четвертой даче, — подумав, советует какой-то парнишка в очках, — у волейбольной площадки...

Он находит на 7-й линии шестьдесят четвертую дачу и из предосторожности идет сначала в соседнюю. Ему навстречу с террасы спускается девушка в черном купальнике, рядом с ней лохматая шотландская овчарка колли.

— Я был где-то здесь в прошлую субботу, — Герман, поздоровавшись, объясняет, — но не помню, в какой даче... Кажется, вот в этой... И оставил магнитофонную пленку.

— На этой даче вы быть не могли, — улыбается девушка, — здесь живут престарелые муж с женой. Может, там?

Она показывает через дорогу.

— Помнится, парни говорили, что ездили отдыхать под Москву, в какой-то дом отдыха...

У девушки приятное загорелое лицо, руки с выгоревшим седым пушком.

— Все ясно. Вы были в шестьдесят седьмой даче. Там живут ребята-студенты. Они действительно в июне ездили в пансионат под Москву. Вон та дача... Найдете сами?

Шотландская овчарка смотрит на Баркова неприязненно, ворчит.

— Джери! — укоризненно говорит ей девушка. Собака умолкает и подозрительно косится на Германа.

Девушка и собака наблюдают, как он закрывает за собой калитку и идет по улице. Потом они возвращаются на террасу. В угловой даче заводят магнитофон. Чистый стереозвук доносит тихий, чуть звенящий ход каравана. Не спеша, монотонно бредут по песку животные, тоскливо поет погонщик...

На шестьдесят седьмой даче записка: «Буду в полночь».

Когда Барков вернулся в отдел, Тамулиса еще не было.

Герман предупредил дежурного и снова уехал — в онкологический диспансер: рецепт, выписанный Волчаре на пенициллин, так и оставался загадкой.

Барков к этому дню уже обошел главных врачей и заведующих больницами, аптеки, всех старых специалистов. Теперь он встречался с молодыми врачами. В окошке регистратуры ему посоветовали поговорить с Фелицатой, оказавшейся, несмотря на свое древнее имя, молоденькой застенчивой девушкой. Посмотрев на рецепт, она, глядя Баркову куда-то между носом и подбородком, негромко сказала: «Это Сашка Урин писал, практикант. Он начал практику в первой больнице, а потом несколько дней был на практике у нас».

— Вашу руку, доктор, — восхищенно произнес Барков. — Спасибо.

Рука юной Фелицаты оказалась неожиданно жилистой, а пожатие довольно крепким.

Этот последний день августа был для него самым удачным за все лето. Случилось так, что именно на эти дни Урин приехал в город к отцу и уже примерно через час сидел в приемной дежурного автоинспектора, куда его вызвал Барков: брат Урина гонял на мотоллере, не имея прав.

Урин сидел на диване, высокий, на вид какой-то очень «свой», доступный, с открытыми светло-серыми сообразительными глазами. Его глаза быстро следили за всем, что происходило вокруг него, и казалось, что он сразу схватывает и разгадывает больше, чем ординарный свидетель. Он приехал в милицию на мотоллере и теперь поигрывал защитными очками и щегольским дымчатого цвета беретом, снисходительно поглядывая вокруг.

Барков и по его просьбе Егоров дважды проходили по коридору мимо кабинета автоинспектора, чтобы еще раз взглянуть на Урина и решить, с кем Баркову придется иметь дело. Потом у Баркова появилась одна идея.

В нижнем ящике его стола давно уже лежал возвращенный Гуреевым однотомник Шейнина. Он вынул книгу, нашел рассказ «Ночной пациент» — о враче, оказавшем первую помощь раненому бандиту, положил его листком бумаги и в очередной раз, проходя мимо Урина, тоном гостеприимного хозяина сказал:

— Придется еще минут десять посидеть. Вы не спешите?

— Нет, — сказал Урин, — десять минут можно.

— Могу вам дать пока почитать... Хороший рассказ.

Взглянув на название рассказа, Урин чуть заметно вздрогнул, но потом спокойно вернул книгу Баркову.

— Не читал. Честно говоря, не люблю такие рассказы...

— Я тоже, — признался Барков, — я больше люблю научную фантастику. У меня, — он помедлил, — есть к вам небольшой разговор. Пойдемте ко мне, пока автоинспектор придет.

Урин коротко вздохнул и пошел за Барковым.

— Дело такого рода, — сказал Герман, пододвигая Урину стул, — у меня ваш рецепт.

— Какой рецепт?

— Это ведь ваша подпись? — Барков протянул рецепт, обнаруженный у Варнавина.

— Моя.

— Расскажите, кому вы выписали его и в связи с чем.

— Не могу себе представить.

— А вы постарайтесь вспомнить.

— Мне нужно посмотреть карточку больного...

— Этот больной к вам через больницу не обращался.

— Тогда не помню.

Наступила пауза, которую Урин, видимо, не намеревался прервать первым. Пришлось снова начинать Баркову:

— Давайте не будем ссориться.

Урин пожал плечами.

— Надолго к нам?

— На недельку, к отцу...

— Послушайте меня внимательно. Этот пациент в больницу не обращался. Вы в феврале в больнице не работали. Может, он обращался к вам частным образом? Я не облздрав, не инспектор финотдела. Поговорим откровенно.

Урин посмотрел на часы.

— Не помню.

— Вот что, — сказал Барков. — Я поверил бы вам, если бы не знал, что пациентов у вас не так уж много...

Урин молчал.

«Пожалуй, это как раз тот случай, когда чем больше аргументов, тем хуже, — думал Барков, — нужно менее официально...»

— Ты на Колхозной давно живешь?

Вошел Тамулис. Он несколько минут слушал этот разговор, потом взял карманный фонарик и от нечего делать стал его разбирать: на сегодня его рабочий день закончился. Он вывинтил ручку, высыпал на стол батарейки и стал копать в корпусе. Герман в это время рассказывал явно скучавшему Урину об уголовной ответственности за дачу ложных показаний. Он снова перешел на официальный тон.

Тамулис поставил батарейки на место, завинтил ручку и щелкнул выключателем. Лампочка не загоралась. Тамулис еще дважды разобрал и собрал фонарик. Света не было. Урин искоса поглядывал на его манипуляции с фонарем. Потом Баркова вызвал к себе Егоров, и Тамулис остался с Уриным. Он снова вынул батарейки.

— Вы нажмите там чем-нибудь снизу вверх на пластинку, — сказал вдруг Урин.

Тамулис передал ему фонарик.

— Где?

Они провозились с фонарем минут десять. А когда лампочка, наконец, зажглась, невольно рассмеялись — все дело было в парафиновой смазке батарей. Тамулис вытащил из кармана сигареты.

— Волчару давно знаешь?

Урин удивился:

— Какого Волчару?

— Ну, которому ты рецепт написал. Кто он тебе?

— Мне он никто. Я его, в сущности, и не знаю.

— Чего же ты тянешь?

— Тут с другим связано, с личным, — Урин поднял на Тамулиса свои светло-серые большие глаза,

и Тамулис вдруг подумал, что молчание и нежелание отвечать Баркову дались Урину совсем не так легко, как тот думал. — Я потерял документы. А может, их у меня просто вытащили в магазине вместе с бумажником. Денег в бумажнике не было — одни документы: паспорт, комсомольский, студенческий. Конечно, настроение тяжелое: отец болеет, а тут — сразу все документы. Но я никому ни слова, ни в милицию, ни в райком. Некрасивая история. Я и сейчас поэтому не хотел говорить...

Вошел Барков, сел в сторонке. Урин повернулся к нему.

— И вдруг приносят домой. Один мужчина нашел и принес. И говорит: «Раз ты медик, послужи тоже: кореш у меня заболел...» Ну, я с радости и разговаривать не стал — на мотороллер, он сзади. Приехали к его другу. Поздоровались. Друг лежит, закрыт одеялом по пояс. Тот, который со мной приехал, говорит ему: «Показывай, не бойсь!» Он откинул одеяло — на голени повязка, нога вспухла. Я посмотрел: рана касательная, огнестрельная, с близкого расстояния... Судебную медицину я знаю. Я опять на мотороллер — в аптеку. Вернулся, сделал обработку, укол... Выписал пенициллин... Вот этот рецепт.

— Не спрашивал, что с ним?

Барков поднялся и пересел к столу.

— Они говорили — на охоте, хотели лося шлепнуть. Поэтому он и в больницу не обращался.

— Рана серьезная?

— Да нет. Пустяки, зажила через несколько дней. Как он только умудрился так выстрелить — вдоль ноги?

Тамулис подал Урину фотоальбом.

— Этот, — сказал Урин, увидев фотографию Волчары. — Только он тогда небритый лежал, желтый...

Фотографии второго в альбоме не было.

— Какой он из себя, тот, который привел к больному?

— Черный, высокий, в сапогах...

— Очень высокий?

— Нет, ниже меня.

— Значит, черный, среднего роста, в сапогах... Телосложение какое?

Барков вытащил из альбома несколько неподклеенных фотографий, достал еще одну из кармана пиджака, показал их Урину.

— Вот этот похож, — сказал Урин.

На столе лежал робот*, изготовленный художниками...

— Пошли к Ратанову, — сказал Барков.

Тамулис крепко стиснул локоть Урина.

...Еще утром им казалось, что сделано уже все, что дальше дороги нет, что они совсем выдохлись, заблудились. Но маленький, еле заметный огонек блеснул вдалеке. Что это? Пламя далекого костра, деревушка? Или просто так померещилось переднему, когда он перекидывал тяжелый рюкзак с одного плеча на другое и случайно поднял голову? Но уже бодрее и легче стучат сапоги, и рюкзак не так тянет плечо...

— Значит, кражи из квартиры связаны с другом Волчары, — медленно, словно боясь вспугнуть свою мысль, сказал Ратанов.

— Возраст, одежда, — подхватил Тамулис радостно, — приметы!

— Судя по всему, — сказал Егоров, — Волчара был ранен в день кражи из универмага, а так как такое совпадение само по себе подозрительно, возможно, что оба факта связаны между собой.

— Хорошо ли осмотрели тогда универмаг? — спросил Ратанов.

Гуреев поднялся:

— Осматривал и я и следователь, в присутствии майора Веретенникова...

— Извините, — сказал Ратанов. — Тамулис, срочно книгу суточных рапортов от дежурного. Посмотрим, что у нас еще было тогда за сутки...

— Я помню тот день, — начал Тамулис, — больше ничего не было.

* Робот — в данном случае — портрет разыскиваемого человека, составленный по систематизированным описаниям свидетелей.

— Не ленись,— Барков нацелился на освобождающееся на диване место, — тащи книгу...

— Барков, — сказал Ратанов, — позвони дежурному по области, узнай, что у него было в тот день...

Тамулис и Барков вышли.

В тот морозный февральский день по городу и по области других происшествий зарегистрировано не было.

— Скорее всего это случайный выстрел во время или после кражи, — негромко сказал Егоров. — Раньше, я помню, Варнавин ходил на кражи с пистолетом.

— Завтра мы тщательнейшим образом осмотрим универмаг, — безапелляционно произнес Ратанов. — Я думаю вот о чем: не опознает ли этого робота свидетель Сабо? Представляете: универмаг — убийство — квартирные кражи...

Гуреев, несмотря на поздний час, сидел с тестем на кухне. Спать не хотелось.

— Веретенников под Ратанова копает. Если его снимут, кто остается? Я да Егоров, ну и мальчишки. Все они недавно пришли. Веретенников — за меня, Шальнов — тоже. Могут, правда, заставить на следующий год пойти в Высшую школу... Это ничего...

Он налил себе настой чайного гриба, и рот обожгло кислотой. Видимо, жена забыла добавить сахару. С минуту следил, как колышется в банке рыхлая масса.

— Джалилова посадили, а он, как выяснилось, у Баркова на квартире бывал. И Барков к нему ходил. Шальнов говорит: «Будет служебное расследование. Как только Джалилова осудят — здесь и завертится!»

— Смотри, Коля, не упусти, — сказал в это время тесть, недавно ушедший на пенсию, — у нас в дивизии был такой случай...

«Мальчишка он все-таки! — подумал Гуреев о Ратанове. — Главное в нашем деле — не рыпаться!»

Приказав никому не отлучаться, Егоров сидел в кабинете Ратанова и писал. Из оперативно-технического отделения принесли еще сто пятьдесят фоторепродукций робота. Теперь все знали, кого искать. Егоров нервничал и время от времени поглядывал в окно, хотя Ратанов никак не мог появиться из внутреннего дворика. В час дня ребята пошли обедать. Егоров остался один и сидел, задумчиво глядя поверх вороха лежавших перед ним фоторепродукций.

Позвонил Веретенников:

— Что вы там забыли в универмаге? Зачем сейчас этот повторный осмотр? Заниматься нам нечем?!

— Я выполняю приказ Ратанова.

Ратанов появился в начале третьего часа. Он был на приеме у начальника управления по вопросу о Джаилове.

— Машина будет?

— Все в порядке, — ответил Егоров. — Счастливо провести осмотр...

Егоров вышел, ни о чем не спросив Ратанова. Он и так понял все по спокойному лицу капитана.

Оперативники садились в автобус, и каждый несколько раз подпрыгнул на упругом кожаном сиденье — линейка только что вернулась из ремонта. Если бы не красная полоса, опоясавшая синий кузов, можно было подумать, что они собираются на экскурсию.

— Давай! — сказал Ратанов, садясь в машину последним.

Минут через двадцать автобус въехал прямо во двор универмага.

Директор провел их в основной склад — длинный туннель, протянувшийся под всем магазином, с маленькими решетчатыми отдушинами вместо окон и огнетушителями, развешенными над ящиками с песком через каждые несколько шагов. На стеллажах вдоль стен лежал товар на сотни тысяч рублей: часы, фотоаппараты, рулоны ткани, костюмы, пальто; поблескивали полированными гранями телевизоры и радиоприемники, тускло светился хрусталь.

Сам Ратанов осматривал стеллажи с тканью; вместе с заведующей секцией он снимал и откладывал в сторону, пробираясь к стенам, тяжелые мохнатые рулоны разноцветного драпа, шерсти, сукна, шелка и еще десятков красивых материалов с мудреными, звучными названиями. Оставила ли здесь свой след маленькая свинцовая горошина?

Шаг за шагом. Сантиметр за сантиметром...

Справа и слева так же методично двигались вдоль стен другие оперативники, молча, медленно, сосредоточенно. И по мере их продвижения вперед вдоль стен гасла надежда, что Варнавин получил ранение именно здесь, в магазине.

— Игорь Владимирович! — крикнул вдруг Барков. — Сюда!

И хотя Барков звал одного Ратанова, к нему со всех сторон бросились уставшие люди. Барков с высоко засученными рукавами стоял у полупустого стеллажа с алюминиевой посудой. Справа и слева от него громоздились кастрюли.

Потом, в новогодней стенгазете его изобразили в виде сфинкса, лежащего на перевернутом оцинкованном корыте между пирамидами кастрюль...

Барков гордым жестом художника, представляющего свой шедевр публике, указывал на нижний ряд. Стенка кастрюли, чуть высовывавшейся сбоку, имела небольшое сквозное отверстие.

Это был след пули.

— Фотоаппарат, — сказал Ратанов. И пока Тамулис нес аппарат со вспышкой, все долго жали перепачканные пылью руки Баркова.

Стреляли, видимо, с противоположного угла, почти с пола.

Все передвинулись в этот дальний угол. Здесь тоже лежали ткани, которые были уже осмотрены Гуреевым. Теперь все собрались в метре от стеллажа, привычно не дотрагиваясь ни до чего руками, предоставляя Ратанову, как самому старшему и опытному, первому высказать свое мнение.

— Давай еще раз, и очень внимательно.

Гуреев напряженно следил за Ратановым.

— Все в порядке, — сказал Ратанов, положив на пол рядом с собой последний рулон ткани.

Гуреев облегченно вздохнул.

Под нижней полкой стеллажа, отстоящей от пола сантиметров на сорок, стенка была деревянная.

— Ну-ка, ну-ка! — закричал Тамулис и, пока кто-то бегал за топором, выбил рукой эту деревянную переборку, державшуюся не особенно крепко. Доски отскочили, и из образовавшегося квадратного отверстия дохнуло чем-то болотным, застойным.

— Здесь должен быть склад стеклянной тары аптекоуправления, — объяснила заведующая, — там бутылочки, баночки, мензурки...

— Барков! — позвал Ратанов. — Вызови управляющего складом.

Потом они курили в маленькой подсобке, пока не приехал пожилой, страдающий одышкой управляющий. В складе стеклянной тары, забитом до самой двери ящиками с аптечной посудой, они подобрали красненькую коробочку от часов «Весна» и взяли горсть стружек с бурыми коричневыми пятнами.

Ратанов стал писать протокол повторного осмотра места происшествия. Первый, утверждавший, что преступник проник в помещение через одну из отдушин, превратился теперь в пустую, ненужную бумажку — свидетельство чьей-то нерадивости.

Тамулис, заглядывавший через плечо Ратанова в протокол, глубоко вздохнул.

— Ты что? — спросил Ратанов.

— Андрей и мертвый раскрывает преступления...

«Волчара вошел сначала в склад аптекоуправления, открыв его подобранным ключом. Он заранее знал, что там, где склад аптекоуправления, расположенный в нижнем ярусе старых купеческих рядов, примыкает к складу универмага, есть одно место, в котором капитальная стена отсутствует, — небольшое забитое досками отверстие сантиметров пятьдесят на пятьдесят. Давно, сразу после войны, здесь выводили наверх печную трубу. Волчара поднялся по ящикам с аптечной посудой к потолку, без труда оторвал

висевшие на ржавых гвоздях доски и пролез в склад универмага. Когда он пролезал сквозь узкое отверстие, вернее, когда он выбирался из склада универмага, — думал Ратанов, — у него, по всей вероятности, и произошел случайный выстрел, иначе, раненный, он оставил бы следы крови где-нибудь в помещении универмага. Пистолет наверняка был у Волчары в кармане брюк, старый, трофейный, иностранного производства, что-то вроде «фроммера», с давно уже расшатанным спусковым механизмом — такие всегда стреляют неожиданно, в самых неподходящих случаях. Волчара задел им за доски, и пистолет выстрелил. Пока Волчара «работал», его соучастник сторожил снаружи, потом он помог раненому вору выбраться из склада и отправил его на такси домой. А для того чтобы сбить нас с толку, тот же соучастник — возможно, именно он и изображен на фотороботе — разбил стекло и отогнул металлические прутья в отдушине универмага. Поэтому розыскную собаку и пускали с улицы и искали тоненького худенького подростка, который мог пролезть между отогнутых металлических прутьев отдушины».

— Хитер, — восхищенно сказал Гуреев.

— По-моему, он перехитрил самого себя. — Барков вытирал пыльные руки платком. — Я не думаю, чтобы так уж много людей бывало в складе аптекоуправления и знало про эту самую переборку. Зря старался.

— Когда мы будем проверять этих людей, — сказал Ратанов, — следует поинтересоваться, местные ли они или откуда-то приехали. Про таинственное письмо Волчаре не забыли?

— «Ури одова», «о постюмо»... Я его наизусть помню, — отозвался Тамулис.

— Нам во что бы то ни стало надо его прочитать.

— Я нашел еще одно место. Там этот жаргон знают как свои пять пальцев.

— Когда начнем разворачиваться? — спросил Гуреев, будто не он осматривал универмаг сразу после кражи и не он запутал все дело.

Оперативники засмеялись.

— Сегодня, — ответил Ратанов. — Возьмите списки рабочих склада аптекоуправления. Надо установить всех лиц, имевших доступ к складу.

После осмотра Ратанов вернулся в отдел. Позвонил Карамышев.

— Ну, как с универмагом?

— Очень удачно. Волчара случайно ранил себя именно там.

— Протокол составили? Сфотографировали?

— Не беспокойся.

— А у меня тоже сюрприз, — Карамышев помолчал, давая Ратанову время для всякого рода предположений. — Помнишь отвертку, которую Барков с Тамулисом привезли с лесоучастка?

— Из Шувалова? Помню.

— Так вот: это специальная отвертка, входившая в комплект лодочного мотора...

— И что?

— А мотор этот был похищен во время квартирной кражи в Ярославле.

— Здорово!

— Волчару мы припррем к стенке. Главное — найти соучастника.

— Сейчас привезут списки подсобных рабочих... Неожиданно позвонил Шальнов:

— Скажи Баркову, пусть напишет объяснение о своих взаимоотношениях с этим... Джалиловым. Веретенников просил.

— По-моему, генерал разобрался с этим делом...

— Не знаю, Веретенников еще вчера звонил. И еще, Ратанов, управление спектакль откупило на завтра. Веди своих всех в театр. И сам будь обязательно. А то мероприятие сорвем... Я пойти не смогу: Веретенников предложил поработать с Волчарой...

Шальнов по привычке вздохнул: «Чертова работа! Преступления — раскрывай, культурное мероприятие — обеспечить...»

«Скорей бы Альгин приехал!» — подумал Ратанов.

В передней Герман нашел письмо от матери. Хозяйка положила его, как обычно, на самое видное место — у зеркала. Не снимая плаща, он прошел с письмом в комнату и, стоя у стола, разорвал конверт. Мать писала ему регулярно, через каждые два-три дня, уже в течение пяти лет, потому что теперь она была на пенсии и потому что, кроме Германа, у нее никого не было.

И, получая ее письма, он каждый раз вспоминал большую коммунальную квартиру в Ленинграде, с кафельной печкой, а потом с четырьмя газовыми плитками по четыре конфорки, и старые половики на перилах лестничной площадки, и черное потрепанное кожаное кресло, и свой письменный стол, залитый фиолетовыми чернилами.

Когда мать и сын живут вдвоем, то семьи как-то не получается. Вечерами он убегал к ребятам в коридор. Как это всегда бывает в больших домах, коридор был их театром, парком, спортивной ареной. Потом, когда они стали старше, уходили на Невский, к Женьке, на стадион, в читалку — куда угодно. Герман не умел оставаться вдвоем с матерью, когда за окном темнело и в квартире становилось тихо. Он уходил, а она безропотно оставалась одна.

Теперь в письмах она писала ему многое из того, что хотела сказать тогда, но чаще просто просила беречь здоровье, не курить, есть каждый день первое. Иногда она присылала ему вырезки из газет с казавшимися ей остроумными фельетонами или с советами врачей. Советы он складывал на этажерку не читая.

В этом письме вырезок не было. Герман бросил плащ и пиджак на стул, лег на диван и стал читать письмо.

Мама писала, что видела Евгения. Он приезжал вместе с Ириной на «Москвиче» узнать, что слышно у Германа. Евгений блестяще защитил кандидатскую, Ирина еще больше похорошела, матери они привезли большой арахисовый торт. Они никогда не приходят к ней с пустыми руками. «А как твоё здоровье? Вы-

дали ли на осень хромовые сапоги? Не продавай их, носи сам, когда будет сыро... В Ленинграде несколько дней шли сильные дожди, а сейчас установилась чудесная погода; в сквере, где была бензоколонка, — выставка цветов, мы все по очереди там дежури́м... Как поживает Андрюша Мартынов? Большой привет ему и всем друзьям и особенно Алику. Заедет ли его жена на обратном пути в Ленинград?»

Барков потянулся к столу и положил письмо на пустую бутылку из-под кефира. Потом снова лег на диван, засунув руки под голову.

«Нужно, пожалуй, зажечь свет, — подумал он, — и убрать со стола».

Кусты на улице совсем заслоняли небольшое окно. Он закурил.

Выражаясь маминым языком, Евгений «успел», а он, Герман, в жизни «не успел», и Мартынов «не успел». Потому что Женька — кандидат наук, получил квартиру на Литейном, женат на самой умной и красивой девчонке с их курса, а теперь собирается плыть туристом вокруг Европы и учит французский язык. Андрея больше нет, а Герман... так... одним словом — «опер».

Из папиросы медленно текли две струйки дыма. Одна, голубоватая, поднималась к потолку; вторая, зеленая, мутная, тяжело опускалась к нему на рубашку. Он повернулся на бок, чтобы зеленая змейка дыма сползала на пол.

...Интересно, если бы тогда, сразу после окончания института, когда они всей тридцать второй группой сидели в «Севере» на Невском, если бы тогда провести такую викторину — предложить написать, что будет через пять лет с каждым из тех, кто сидит с ними за одним столом? И прочитать теперь... Мог кто-нибудь отгадать, кто из них станет следователем Прокуратуры Союза? Кто погибнет, как Витька Алпатов? Удивился бы он тогда, узнав, что Спартак станет инструктором ЦК ВЛКСМ? Что Женька будет кандидатом наук, а сам он — оперуполномоченным розыска? Отгадать бы, конечно, он не мог, но, узнав, кто станет кем, не удивился бы.

Вопреки обычному объяснению большинства неудачников жизнь улыбается не дуракам и не тупицам. Скорее наоборот. Жан Родин, двоечник и нахал, которого сразу почему-то взяли в управление милиции, быстро вылетел оттуда. Каждый шел своим путем. Как это у Лондона? «Каждый прав для своего темперамента».

...В прошлый раз он опять не встретился с Галей, и она больше не позвонила. Ей надоело, вероятно, безвылазно сидеть в общежитии, ожидая редких свиданий, на которые он к тому же не всегда мог вырваться. Надоело звонить по телефону и слышать вечные ответы: «позвоните позже» — «он занят», «он вышел», «он выехал», «он скоро будет».

Кто такая Галя? Простая девчонка, которая, прижавшись к нему на пристани, не вспоминает ни о Лорке, ни о Ван-Гоге, смущается даже тогда, когда ее приглашают к себе Роговы, и только смотрит на него во-от такими круглыми голубыми глазами и держится за руку. При всей своей демократичности комсомольского вожака-группорга Евгению и в голову не пришло бы влюбиться в такую девчонку... Для него такие девочки просто не существовали. А Герман все больше и больше думает о ней, она вызывает в нем чувство, которое испытываешь, когда внезапно в метро, на эскалаторе, увидишь чистые изумленные глаза маленького деревенского мальчика, завязанного до самого носа большим маминым платком. Сколько удивления и интереса в его взгляде!

Почему они дружили с Женькой? И почему все идет у них иначе? Может, просто старались смотреть раньше на все одинаково? Может, кто-то кривил тогда душой? Или сейчас?

Он встал с дивана, взял в руки письмо... Арахисовый торт... Плаванье...

Он никогда не привозил родителям Евгения торт. Ему и в голову не могло прийти привезти торт доценту Скарскому, а тому и в голову не могло прийти отпустить своего единственного сына на работу в Верхний Парюг...

Он должен завидовать Женьке?

Его непреодолимо тянет к трудностям, а Женьку нет. Такие разные они люди, и счастье у них совсем разное. И у Ратанова другое счастье, и у Егорова, и у других ребят. Есть, видимо, какое-то высшее счастье в преодолении препятствий, недаром трудные времена вспоминаешь тепло, а легкие забываются. И это трудное счастье людей, таких, как Егоров, как Ратанов, каким был Андрей Мартынов, отличается от счастья Женьки, как Кавказский хребет отличается от Парюжских увалов, как Волга от Ролдуги.

«Мне не нужен арахисовый торт! — подумал Герман, доставая бумагу. — «Не успел» тот, кто идет всю жизнь по обкатанной дороге, кто не видел тех холодных ночей в лесу, когда они шли сто двадцать километров пешком на Сотомницу, когда казалось, что каждый идущий впереди тебя сгибается под тяжестью ковша Большой Медведицы...

Мама! Понимаешь ли, почему Женька с Ириной приезжают к тебе? Ведь их место здесь! Иногда, когда они сидят у себя на Литейном или на даче, они вспоминают университетские годы, и меня, и других... Нам-то они никогда не объяснят, почему так получилось... Женьке кажется пока, что он виноват перед мной, перед другими ребятами...»

«Что ты девочку мучаешь? — сказал как-то Егоров о Гале. — Смотри, как она изменилась!»

«...Может, через несколько дней или месяц в Ленинград заедет девушка. Ее зовут Галей. Это мой друг, мама! Покажи ей Ленинград. Она ничего не видела, кроме здешних мест. Покажи ей Эрмитаж и ту беседку между корпусами, где я играл, когда был маленьким. Все ей обязательно покажи...»

Барков вспомнил о странном объяснении, которое потребовал Веретенников, и снова закурил.

Арслана содержали в Калтусской тюрьме, в пятидесяти километрах от города. На допросы его приводили в автозаке, в одной из тесных, темных камер

кузова с маленьким глазком, закрытым фанерной шторкой.

Сидя в этой маленькой тюрьме на колесах, он старался отогнать тревожные мысли. Так пловец, попав в открытое море, не должен думать, что под ним многометровая толща воды, холодной и молчаливой. Тревожные мысли сами лезли в голову, и незаметно он ловил себя на том, что снова переживает свой арест, напрасно бередит свои раны. Тогда он старался определить, с какой стороны от него находится кабина водителя, но сосредоточиться не мог и вновь отдавался своим мыслям...

Уже после первой встречи с Барковым он перестал считать себя человеком с особенной судьбой, перестал чувствовать себя отверженным, одиноким. Когда Барков предложил ему поступить в профтехшколу, он согласился. Пришлось готовиться к экзаменам. Раза два к нему домой приезжал Барков, пил чай, разговаривал с Майей про «Тэсс из рода д'Эрбервилей», которую она считала самой лучшей и правдивой книгой на свете...

— Майя! — позвал как-то Арслан сестру, сидя за учебником по алгебре, когда Барков от них ушел. — Ты ведь в детдоме все это проходила, помоги...

Он хитрил, видел, что ей самой до смерти хочется взять в руки учебник и карандаш. С этого вечера, как только его маленький племянник укладывался спать, они садились за учебники.

— Может, нам вместе поступить? — как-то спросил он.

— Придумал тоже!

Был один вечер. Нурик спал, а они сидели за столом, накрыв абажур платком, чтобы свет не падал ему на лицо. Майя, взобравшись с коленками на стул, как любила когда-то делать их мать, решала задачу, покусывая кончик карандаша. В комнате было совсем тихо. Арслан на миг поднял голову и вдруг вспомнил, что все это уже было. Было в последнее лето перед войной. Отец и мать сидели вот так за столом, прикрыв абажур, а он, тогда еще мальчишка, который никогда не притрагивался к чужому, кото-

рому летом каждый день перед сном мыли ноги, лежал в кровати с белыми спинками...

Все! Все могло быть по-другому, если бы не война, если б он не связался с «добрыми людьми», если б кто-нибудь оттолкнул его от них, ведь он еще был совсем мальчишкой...

Арслан, отшатнувшись, стукнулся головой о стенку кузова — машина шла по ухабам...

Его арестовали в деревне у Коромыслова, с которым он вместе должен был сдавать экзамены. Это было самое унижительное. Пусть бы его взяли дома или на улице. Пусть Коромыслов узнал бы потом, придя в школу, что Джалилов законченный негодяй, туда ему и дорога. Но там, при сестре и матери Коромыслова, которые ни о чем не подозревали и с таким вниманием его слушали...

С того дня, когда он случайно встретил Волчару и решил, что Кораблик будет отомщен, он хитрил. В присутствии Волчары по-прежнему угрюмо валялся на диване, прятал учебники в чемодан. Майя тоже невольно была вовлечена в эту игру, хотя боялась Волчары.

Конечно, Арслану ничего не стоило просто выгнать его из дому, но этого было слишком мало. Он заставил Майю каждый раз с приходом Волчары вынимать на стол все, что было в доме, бегать в магазин за вином, внимательно интересовался делами Волчары. Он угрюмо качал головой, когда Волчара с ненавистью говорил о ворах, которые отошли от «закона», работали, учились, женились. А сам жадно ловил каждое слово и еле сдерживал ликующую радость.

Ничего нечестного в своем поведении он не находил — просто он стал умнее и не хотел больше смотреть на мир глазами волчар.

Порой, когда Волчара уходил, Арслан нахлобучивал на глаза старую кепку, поднимал воротник и, жеманно прикладывая к нижней губе платок, обращался к сестре и Нурику:

— У меня, понял ты, руки, золотые по локоть...

Им нравились его представления. Они смеялись.

И вместе с ними смеялся Арслан. Смеялся над тем, что совсем недавно было главным в его жизни. Главным и страшным.

Когда Волчара ночью заехал к нему на работу и сказал, что они пойдут сегодня на кражу и все уже готово — Волчара не вводил его в курс дела заранее, — Арслан хладнокровно позвонил Баркову и собирался после смены уйти домой, предоставив Волчару своей судьбе. Он так же хладнокровно сказал бы обо всем самому Волчаре, если бы знал, что от этого что-то изменится. Но он хорошо знал, что Волчара еще долго не бросит воровское ремесло и будет воровать и втягивать в это дело других, пока не убедится на своей шее, что вора́м не светит ни на воле, ни в колониях, что времена действительно переменялись.

Но если бы Волчара узнал, что в Барбешках их будут ждать, он отказался бы от этой кражи и сразу стал бы готовить другую. Все началось бы сначала.

В ту ночь Арслан пытался снова позвонить Баркову в конце смены, но Волчара и Гошка пришли раньше срока и чуть не застали его у телефона. Теперь он просто мог отказаться, сказать, что не пойдет, пока сам не убедится в том, что дело стоящее. Он уже хотел так и сделать, но Гошка опередил его:

— Здесь поточить негде? — Он вытащил финку, сделанную из напильника.

— Спрячь! — цыкнул на него Волчара.

Арслан удивился.

— Куда она тебе?

— А у Волчары вон пистолет.

Арслан не учел, что у Волчары может быть с собой оружие. И еще он вдруг подумал о Гошке, которому Волчара может вручить пистолет, как вручил когда-то нож самому Арслану...

Автозак остановился. Сначала открылся замок наружной дверцы, потом на секунду приоткрылась фанерная шторка зрачка, наконец, щелкнула задвижка. Блеснул свет.

— Выходи!

Выйдя из машины, он привычно сложил руки за спиной и, испытывая острый стыд перед проходившими по двору управления людьми, пошел к двери. Здесь тоже были люди, и старший конвоя громко и молодежески крикнул:

— Освободите проход! Проводите арестованного!

Они пошли по лестнице на второй этаж. Команды старшего повторялись у каждого коридора, и Арслану казалось, что все смотрят на него, только на него.

Наверху старший поправил фуражку и ремень и, постучавшись, неловко переступил высокий порожек. Вышел из кабинета он через секунду и громко скомандовал:

— Перекурить!

Одна из машинисток заволновалась:

— У нас не курят!

— Отставить! — тем же тоном приказал старший.

Арслана допрашивали уже два раза — в основном о его взаимоотношениях с Барковым и их последнем телефонном разговоре. Сама кража и его откровенный разговор с Гошкой, когда Волчара убежал за машиной, Веретенникова не интересовали.

Несмотря на запрещение, Арслан тайком закурил, пуская дым сквозь согнутую ладонь к полу. Вторая машинистка, не говоря ни слова, открыла окно, и один из милиционеров конвоя по кивку старшего встал у окна. Из-за его спины были видны новые корпуса завода агрегатных станков, подъемные краны, разбросанные среди игрушечных красных кубиков корпусов на том, более низком берегу, где до последнего времени были только две старые деревянные церкви, магазин да несколько десятков деревенских изб.

В углу приемной, под потолком затрещал звонок, и секретарша прошла в кабинет. Через секунду вернулась:

— Вводите!

Джалилов уже привык к тому, что старший оперуполномоченный Веретенников, допрашивая, избегал

смотреть в глаза подследственному. Не сделал он исключения и на этот раз.

— Прочтите и подпишитесь, — Веретенников по привычке заложил руку за китель и отвел глаза.

Арслан с секунду наблюдал за его мутными с желтизной белками, затем придвинул к себе отпечатанный на папиросной бумаге текст. Машинально прочел последнюю фразу — «изменить на подпись о невыезде». Свободен!

Непослушными пальцами коряво вывел свою фамилию.

— Смотрите в следующий раз, — сказал Веретенников, краем глаза наблюдавший за происходящим.

Джалилов вздохнул: и на этот раз его опять не поняли...

— В общем вести себя надо как положено... Вы свободны!

13

Егоров, наскоро побрившись и переодевшись в свой новый парадный костюм, ждал жену у входа в театр. Она должна была прийти прямо с работы.

До начала спектакля оставалось еще минут двадцать, но к двум ярко освещенным подъездам недавно реставрированного здания театра сплошным потоком шли люди, подкатывали машины. Работники прокуратуры и милиции, приехавшие на областное совещание из районов, явились в театр в форме, но было видно, что и они побывали в парикмахерских, долго и тщательно утюжили свои мундиры, переноса из номера в номер выдавший виды гостиничный утюг.

Вера прибежала минут за шесть до начала, запыхавшаяся, красная. Новая модная прическа делала ее еще моложе. Разница в возрасте между нею и мужем была сейчас особенно заметной. Она сразу же схватила мужа за руку и потащила в вестибюль, к большому зеркалу, где теснилось уже несколько человек. Вынув из маленькой сумочки расческу, Вера что-то торопливо поправила в прическе и заставила

причесаться Егорова. Он давно уже не был в театре, хотя каждый раз, возвращаясь со спектакля домой, давал себе слово не пропускать больше ни одной премьеры: ведь это не так уж трудно — найти время, чтобы сходить с женой в театр.

Наконец зазвенел третий звонок.

Действие пьесы происходило в Румынии, в годы войны.

Героиня — разведчица — танцевала на столе, немело выбрасывая в сторону зрителей ноги, затянутые в слишком узкие галифе. Милиции всегда почему-то предлагают спектакли о милиции или о разведке. Считают, что им понятнее и интереснее.

Ратанова в театре не было, он собирался к Ольге Мартыновой.

Егоров увидел внизу Тамулиса — тот опоздал и теперь внимательно, не отрываясь смотрел на актеров. Он, видимо, воспринимал ситуацию на сцене всерьез и напряженно ждал, как развернутся события.

«Интересно, как он там один управляется, — подумал Егоров. — Если все будет хорошо, нужно завтра позвать их с Германом к обеду... Вера грибы приготовит...»

После антракта события на сцене достигли апогея: на званом ужине под аккомпанемент цыганских песен русский певец-белоэмигрант при всех заявил нашему разведчику, что он не тот, за кого выдает себя. Раздались выстрелы, затемнение, топот ног по сцене. Разведчику удалось бежать. Началась длинная любовная сцена.

Внезапно Егоров услышал торопливые шаги в коридоре: дверь ложи была приоткрыта. Вот скрипнула дверь в соседней ложе, и Егоров услышал, как кто-то негромко произнес его фамилию. Он встал и, тронув Веру за плечо, стал пробираться к выходу. Видимо, что-то произошло в горотделе.

В дверях возникла темная фигура. Прикрыв дверь, вошедший громким шепотом спросил:

— Майор Егоров не здесь?

— Тише! Самим неинтересно так другим не мешайте!

— Егоров! — раздалось чуть громче.

Он узнал Тамулиса.

— Здесь! — Они вышли из ложи.

— Слышал? — рывкнул в коридоре Тамулис, хватая его за руку.

— Что? Говори быстрее!

— Слышал песню, которую цыгане пели в первом акте? — возбужденно и радостно, не отпуская его руки и заглядывая в лицо, спрашивал Тамулис.

К ним уже спешила билетерша.

— Граждане!

— Что же случилось?

— «Герав дурэдыр» — слова из того письма, что у Варнавина! Они же цыганские! Они означают «спрячь подальше»!

— Тише! Говори по порядку!

— Ратанов дал мне списки грузчиков склада аптекоуправления. Шесть лет назад там недолго работал один цыган по фамилии Николаев. Я сначала не обратил на него внимания. А сейчас, когда услышал песню в первом акте, я чуть со стула не упал. Слова-то, слова-то похожие! Я уже за кулисы бегал, показывал письмо. И не «постюмо» там написано, а «костюмо»! Костюмы! Понимаешь?

В зале раздались аплодисменты и снова стало тихо.

Егоров понял.

— Что ты предлагаешь?

— А вдруг Николаев именно в эту минуту уезжает из города? Вдруг завтра уже поздно будет? А мы в театре сидим... У меня и адрес с собой! — Тамулис обеими руками зашарил по карманам.

От этой бессвязной речи Егорову стало жарко.

— Столько трудов положено...

«Не повезло», — подумал Егоров, вспомнив, что в театре он не один, а вслух спросил:

— А с машиной как?

— Возьмем у театра... Чью-нибудь...

В зале снова раздались аплодисменты.

Рядом с шофером сидел Тамулис, сзади Егоров, Вера, которая чуть ли не со слезами уговорила их взять с собой на операцию, и проводник служебно-розыскной собаки Морозов без своего Карата. Тамулис обнаружил Морозова в кабинете администратора театра, когда прибежал туда звонить по телефону.

Незаметный, застенчивый паренек, каждую осень неизменно болевший воспалением волосяного мешочка ресниц, в просторечье — «ячменем», был в восторге от спектакля и переписывал себе в блокнот репертуар областного театра.

— Поедешь с нами! — не терпящим возражений тоном приказал Тамулис и, не давая ни секунды на размышления, добавил: — Быстро в машину!

На Морозова было жалко смотреть, когда он, хлопнув блокнот, бросая вокруг умоляющие взгляды, шел за Тамулисом.

Конечно, операцию можно было бы отложить на утро, но извечная профессиональная болезнь оперативников — «опоздать с задержанием» — взяла верх.

— Нужно осторожно узнать, дома ли Николаев. Но так, чтобы в случае его отсутствия никто ничего не заподозрил бы, — сказал Егоров. — В дом пойдут Тамулис с Верой. Слушайте, — он повернулся к шоферу, — у вас на каком сиденье ковер почище?

— На заднем.

— Возьмите с собой ковер. Предложите купить. Приметы преступника Алик знает по фотороботу. Мы с Морозовым подойдем к окну. Если на крыльце, когда вы будете выходить из дома, окажется камень или палка, значит, вам надо во что бы то ни стало вернуться назад, в дом. Значит, мы тоже сейчас войдем вслед за вами. Ясно?

Из-под колес на дорогу вылетали маленькие камешки. Они то и дело стучали по крыльям и диферу машины.

— Может, Вере Васильевне не ходить? — спросил Тамулис.

— Почему же? — Чувствовалось, что она ни за что не откажется.

Тамулис откинулся головой на спинку сиденья, в спокойное пружинящее тепло. Шофер включил радио.

— «Аппассионата», — обернувшись, шепнул Тамулис.

Николаев жил на самой окраине города.

— Где ставить машину? — спросил шофер.

— Вон у того дома...

Машина остановилась.

— Пошли, — сказал Егоров.

Они двинулись молча гуськом по узкой тропинке между какими-то заборами и кюветом. Егоров взял Веру за руку, помогая обойти канаву с водой.

Было тихо, но в домах еще не спали.

— Сюда, — шепнул Егоров, — и ни пуха ни пера!

Вера, а за нею Тамулис со сложенным вчетверо ковриком молча шагнули через высокий порог калитки во двор. Через минуту раздался стук, потом напевный женский голос:

— Вам ковер не нужен? Продаем по случаю отъезда.

Дверь скрипнула, на миг блеснул свет, и снова стало темно.

Егоров и Морозов подбежали к окну.

За столом, так близко, что, если бы не стекло, их можно было бы тронуть рукой, сидел старик цыган и с ним две женщины. Вера прямо на столе показывала им ковер. Еще одна женщина возилась у печки. Друга Варнавина, запечатленного на фотороботе, среди них не было.

Там, за стеклом, Вера внезапно покачала головой и стала сворачивать ковер. Видимо, не сошлись в цене.

Егоров и Морозов встали за крыльцо.

В доме заскрипела дверь, шелкнула задвижка в коридоре.

Секунда, другая...

Тамулис вышел первым. Вот он на крыльце. Ищет ногой камень. Еще секунда.

— Слушай, отец, — где-то совсем рядом негромко сказал Тамулис, — ковер — это пустяк... Мне Черень нужен... Дело есть.

Егоров с силой сжал плечо проводника.

— Черт бы его побрал, твоего Череня! Бародромескиро! Явится в год раз, и трясись каждую ночь из-за него! Ушел он с этим...

— С кем?

— Ну, с высоким таким, здоровым чертом...

— А придет он? Вещи его здесь?..

— Какие у него вещи! Ты знаешь его или нет? Он, может, сегодня придет, а может, через год. Что ему?

Откуда-то, может, из соседнего дома доносилась все те же захватывающие звуки «Аппассионаты».

Потом дверь захлопнулась. Умолкла музыка. Во дворе стало темно. Тамулис и Вера вернулись к машине.

— Я с Морозовым остаюсь, — поглаживая Альке руку, тихо сказал Егоров. — Ты поезжай к Ратанову. Теперь мы все знаем. Молодец. И захвати Веру. Про кого только он сказал «здоровый черт», похоже на Волчару, но Волчара в тюрьме?!

Веретенников тоже в театре не был.

В своем объяснении о событиях этого вечера майор Веретенников писал так:

«В половине восьмого вечера, выполняя отдельное поручение прокурора следственного отдела, я находился в служебном кабинете прокуратуры с арестованным Варнавиным. Конвоировавшие арестованного милиционеры находились в соседней комнате, чтобы не мешать допросу. Арестованный во время допроса сидел на стуле в трех метрах от двери и был отделен от меня столом и приставным столиком. Позади меня находилось окно кабинета и застекленная дверь на балкон второго этажа.

В поведении арестованного ничего подозрительного не отмечалось. На вопросы он отвечал охотно и сообщил ряд сведений, заслуживающих оперативно-го интереса.

В частности, Варнавин сообщил, что видел в городе некоего Зубарина, по кличке Зубр, располагающего огнестрельным оружием. За время допроса Варнавин встал со стула всего один раз, чтобы выпить воды из графина, стоявшего на приставном столике.

Около девяти часов я услышал, как в соседнюю комнату вошел заместитель начальника горотдела милиции т. Шальнов, встал из-за стола и подошел к дверям. Я слышал, как т. Шальнов спрашивал обо мне у конвоиров, и, открыв дверь, сказал, что я здесь. Шальнов спросил меня, не отказывается ли арестованный от дачи мне показаний. Я ответил отрицательно. Пропуская т. Шальнова в комнату, я увидел, что стул, на котором сидел Варнавин, пуст. Дверь на балкон была полуоткрыта.

Мною и т. Шальновым были приняты следующие меры для розыска преступника по горячим следам:

а) организация преследования бежавшего силами конвоя,

б) личный осмотр прилегающего участка площади...»

...Перед третьим действием к театру подкатила «Волга», и худощавый человек пробежал мимо замешкавшихся билетерш в зрительный зал. Он с минуту задержался у центральной ложи, где сидело руководство, и перед самым поднятием занавеса прошел к рампе. Зал добродушно зааплодировал.

Помощник дежурного по управлению поднял руку:

— Работников уголовного розыска города и управления прошу срочно собраться в вестибюле.

Генерал и его заместитель вышли из зала первыми. В темноте раздался скрип кресел, шарканье ног. Оркестр заиграл увертюру к последнему действию пьесы, так глубоко взволновавшей Тамулиса.

...К утру и весь следующий день город был взят в невидимое постороннему глазу кольцо, и Ратанов, проезжая на машине по городу, видел на автобусных остановках, у закусовых, столовых, парикмахерских знакомых людей. Они были в одиночку и со спутниками, подолгу ждали автобусов, читали газеты на

стендах, любовались витринами, разговаривали. Иногда ему встречались и незнакомые лица, в которых он безошибочно угадывал дружинников. Узнать человека, который кого-то ищет, всегда просто.

15

Барков слушал нетерпеливо и смотрел в окно.

Из кабинета Ратанова был виден ставший по-осеннему неприветливым маленький внутренний дворик и вход в КПЗ. Высокий милиционер из конвойного взвода шел по двору, держа в руках малюсенький металлический чайник.

— Есть данные, что Волчара попытается выехать со станции Неверовской, там будет находиться основная часть оперативной группы, — говорил Ратанов, он выглядел еще более серьезным и замкнутым, чем обычно, — но вы с Тамулисом поедете на сто сорок восьмой разъезд. Это довольно глухой полустанок, там останавливается всего один поезд. На полустанке он встречается со скорым. В последний раз Волчара прибыл в город именно с этого разъезда.

— Там будет кто-нибудь в форме? — спросил Тамулис.

— Участковый уполномоченный. Ему уже позволили.

— Можно ехать? — Барков, наконец, оторвался от окна: ему казалось, что Ратанов только зря тянет время.

— Волчара может появиться в клубе — клуб стоит у самой станции. В семье сторожа клуба Волчару знают: он у них раньше ночевал, — Ратанов пропустил вопрос Баркова мимо ушей. — По данным, которыми мы располагаем, Волчара переоделся, имеет при себе деньги. Насчет оружия сведений не получено, тем не менее будьте осторожны. Все. Можно ехать. Еще раз напоминаю об осторожности.

Эдик ждал их у машины.

Когда они выехали из города, было темно. По обеим сторонам дороги стоял лес. Деревьев уже не

было видно — просто высокие стены сплошного черного забора касались звезд своими неровными острыми зубцами. Дорога подсохла, и «Победа» легко тянула по дороге. Иногда им попадались встречные полуторки и еще издали начинали перемигиваться с «Победой» тусклыми желтоватыми огнями.

Метрах в двухстах от клуба они остановились. Где-то невдалеке прокричал паровоз, раздался лязг сцепляемых вагонов. Станция была рядом.

— Ну, пока, ни пера ни пуха, — шепнул Эдик, хотя вокруг никого не было.

Барков ушел на станцию, а Тамулис замешался в толпу ребят — студентов сельскохозяйственного института, проходивших практику в совхозе. Купив билет, он подошел к пожилому лейтенанту, стоявшему у дверей, и передал привет от Ратанова. Это был участковый уполномоченный, о котором их предупредил начальник отделения.

В клубе хозяйничали девчата. Они сновали по двухэтажному зданию из зала, находившегося на втором этаже, в раздевалку, к большому прямоугольному зеркалу, вставленному в массивную дубовую раму.

Тамулис сразу заметил заведующую клубом — женщину лет тридцати трех, с большими голубыми глазами и толстой длинной косой, закрученной вокруг головы. Она рассеянно, слегка морща лоб, слушала плотного крепыша в очках, говорившего ей что-то низким, грубоватым голосом.

«Когда березку стройную ты встретишь на пути, — пела радиола, — ты на нее, пожалуйста, внимание обрати...»

В городе эту песню уже давно не пели.

Тамулисом никто не интересовался, как и он, бывало, не обращал внимания на сидящих в зале незнакомых ребят, когда приходил у себя в Каунасе на танцы. А ведь, наверное, были случаи, когда и там рядом с ним сидели тоже оперативники.

Пожилой лейтенант кивнул Тамулису. Тот вышел в коридор.

— Десятый час. Все тихо. Я, пожалуй, к Бусыгинскому клубу подамся. А заведующую я на всякий

случай предупредил и тебя ей показал... Ты не против?

— Ничего... Счастливо.

Высокая, еще совсем прямая фигура участкового мелькнула в проеме дверей и исчезла.

Показался Барков. Вдвоем с Тамулисом они вышли на крыльцо. Теперь музыка звучала тише, как будто рождалась она на бетонированном лесном шоссе вместе с ночным ветром и шелестом сухих осенних листьев; ночной холодок медленно обволакивал и крыльцо, и сад, и побелевшие далекие звезды.

На шоссе слышались чьи-то голоса.

Грустишь? — спросил Барков.

— Ну да!

С шоссе взлетела уже новая мелодия: «Все часы сговорились и не идут...»

Четверо мужчин прошли мимо них в клуб. Они шли гуськом, и один из них негромко сказал:

— Ушел. Я сам видел.

Тамулис вздрогнул. Барков с силой наступил ему на ногу.

— Он! Их четверо, нам его вдвоем не взять... Беги в Бусыгино, зови участкового...

— Почему я?

— Потому, что тебе приказывает старший!

— Хорошо! Ну ладно...

Тамулис спустился с крыльца, и тут же темнота словно смыла его с дорожки, чтобы выбросить где-то совсем далеко от клуба. Выждав несколько минут, Барков погасил папироску, осторожно вошел в клуб. И сразу увидел Волчару. Рядом с ним стоял второй мужчина, лицо которого Баркову показалось тоже очень знакомым, как будто он повторял уже кому-то эти запоминающиеся приметы: «Волосы черные, вьющиеся, нос с горбинкой, коренастый, в хромовых сапогах...»

Как сон!

Рядом с Варнавиным стоял оживший робот — Николаев. Черень.

Барков вспотел. Он больше не смотрел на них, боясь вызвать то странное притяжение, когда чело-

бек мгновенно оглядывается, почувствовав затылком устремленный на него тяжелый взгляд.

Черень посмотрел на часы и что-то сказал Варнавину.

«Поезд, — вспомнил Барков, — запаздывающий на час поезд!»

Теперь все зависело только от него. До поезда оставалось минут тридцать, и до этого времени Тамулис все равно не успеет.

Барков обошел здание и по пожарной лестнице поднялся к окну. Заведующая клубом вывела из зала злостного курильщика и читала ему нотацию в коридоре. Волчара и Черень спокойно стояли у дверей.

А в это время Алька уже свернул с шоссе и бежал по узкой, едва заметной тропинке, но не к Бусыгину, а к Ридину, удлиняя вдвое и без того дальнюю дорогу.

Барков снова вернулся на крыльцо. Здесь стояли двое парней, пришедших с Волчарой и Черенем.

«Надо спешить, надо действовать!»

Минутная стрелка, казалось, летела по циферблату часов.

Он поманил к себе заведующую клубом.

— Я вас давно знаю, — улыбаясь, сказала она, — я учусь в педучилище, вы дружите с Галей...

— Правильно! — перебил он. — Посмотрите на тех двух мужчин! Заманите их в свой кабинет! Во что бы то ни стало! Попросите их передвинуть денежный ящик! Им не отказаться от этого!

— Но у меня нет денежного ящика!

— Неважно... Пусть только зайдут! Быстрее!

Отойдя в сторону, он переложил ПМ в боковой карман пиджака и загнал патрон в патронник: теперь ему достаточно было опустить большим пальцем предохранитель, чтобы сделать подряд восемь выстрелов. Это было крайней мерой. Потом Барков оглянулся: Волчара и Черень спускались по лестнице. За ними странно семенила заведующая.

Они свернули в двух шагах от него в кабинет.

«Пора!» — ударило сердце.

Барков вытер платком правую руку, сунул ее в карман и распахнул дверь в кабинет. Заведующая стояла за столом, дергая запертый выдвижной ящик. Впереди у окна, прислонившись к стене, стоял Волчара, а у стола — Черень, удивленно смотревший на Баркова.

То, что они стояли не у самой двери, было чистой удачей, потому что он забыл подумать об этом.

— Я из уголовного розыска. Не двигаться. — Он сказал это не очень громко, но твердо, не голосом — всем своим существом, так, как учил его Егоров, так, чтобы и Волчара и Черень поняли, что он из тех, кто скорее умрет, чем струсит, а если и умрет, то перед смертью все равно вцепится им в руки, в горло, в одежду и будет держать самой последней, самой страшной хваткой, пока не придут свои.

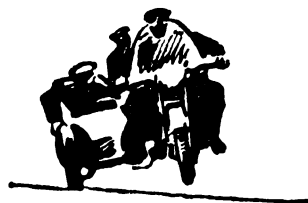
Не вынимая руку из кармана, он щелкнул предохранителем. Если бы в этот момент они бросились вперед, он выстрелил бы прямо через карман.

— Ни с места, — сказал еще Барков, — стрелять буду сразу.

Он не спускал с них глаз, не чувствуя больше ни растерянности, ни тревоги, а только свою большую правоту, которая позволяла ему так поступать с ними. И еще вспомнил он дом в Смежном переулке и те бурые пятна на асфальте, которые по неписаной традиции называют в протоколах «похожими на кровь».

— Варнавин, повернитесь к стене! Руками одежды не касаться! Ну! А вы, — он обратился к заведующей, хотя голос его и тон не изменились и на заведующую он не смотрел, — вернетесь в зал. Если их друзья спросят вас, скажите, что они вышли из клуба. Танцы закончите пораньше. А сейчас потушите здесь свет и закройте нас снаружи на ключ. Не проходите между нами, идите позади меня. Все! Гасите свет!

Щелкнул выключатель. Завклубом еще долго возилась в коридоре с замком, слышно было, как она дважды роняла ключ, потом дернула ручку двери. Дверь была заперта.

Барков держал на прицеле Череня. Варнавин стоял от него дальше, сбоку от окна.

Прошло несколько минут. Волчара пошевелился: в комнату проникал свет уличного фонаря, и все было видно. Барков отступил назад, в темноту.

— Я предупредил, что стрелять буду сразу!

Тот что-то пробормотал, выругался.

«Попалась бы Альке машина... Какая-нибудь машина навстречу... Машинна... Машина...»

Наверху зазвучал марш, и на лестнице послышались смех, громкие голоса, топот ног. Танцы закончились. Очень скоро все стихло.

Потянулись минуты молчания. Сколько их прошло? Две? Сто?

Внезапно у клуба раздался свист.

— Черень! — позвал кто-то. — Э-э-эй!

Где-то очень далеко чуть слышно крикнул паровоз.

— Закурить можно будет, начальник? — спросил Черень.

Барков перевел на него взгляд.

— Нет!

И в этот самый момент Волчара, нащупавший на подоконнике кусок железа, служивший кому-то вместо молотка, бросился на Баркова. Герман выстрелил почти в упор. В раме вылетели стекла. Черень успел схватить Баркова за руку.

Они катались с Черенем по полу, сбивая стулья, тесно прижавшись друг к другу, пачкая лицо и руки чем-то вязким и липким, пока Баркову не удалось отшвырнуть бандита в сторону, а самому облокотиться на стол и выставить вперед пистолет.

Когда Тамулис с дружинниками открыли кабинет, Барков не мог двинуться им навстречу. И ничего не сказал Альгису. Они ни о чем и не спрашивали, только увели Череня.

Герман сам дотащился до крыльца и лег там, судорожно глотая воздух. Грудь покалывало сотнями иголок, воздуха явно не хватало. Заведующая клубом приподняла его голову и положила себе на

колени. Вокруг стояли какие-то люди, но Герман не замечал их. И впервые ни о чем не думал.

Вскоре одна за другой к клубу подъехали несколько машин — судебно-медицинский эксперт, следователь прокуратуры, еще много каких-то людей. Барков все еще сидел на крыльце клуба, прислонившись спиной к деревянному стояку. Из клуба вывели Николаева и провели к машине. О Волчаре никто не говорил, и Барков понял, что Варнавина больше нет.

Герману показалось, что он услышал позади себя голоса Ратанова и генерала.

— Я считаю, что оружие применено правильно, — будто бы сказал Ратанов, — другого выхода не было...

— Я с вами полностью согласен.

Барков поднялся с крыльца и сам пошел к машине. Слабость быстро улетучивалась, только глубоко вздохнуть он все еще не решался.

— Все в полном порядке, — Ратанов и генерал действительно стояли у крыльца. Увидев Баркова, они пошли ему навстречу.

— Поезжайте в город все трое, — сказал Дед, рукой подзывая к себе Тамулиса. — Сначала покажете Баркова врачу и, если все хорошо, — домой. Берите мою машину.

Шофер еле слышно, стараясь избегать резких толчков, тронул с места и повел машину к шоссе.

В пути все трое пассажиров молчали. Но если бы каждого из них спросили, о чем он думает, то оказалось бы, что все трое думают об одном человеке, об Андрее Мартынове.

Стояли ясные солнечные дни — временно установилась сухая, безоблачная погода. Старожилы на Ролдуге давно уже не знали такой тихой осени.

Как-то неожиданно появился в отделе полковник Альгин. И снова нельзя было уже представить себе отдел без Альгина: без его хозяйского глаза, без к месту вставленного им в черновик слова, даже без его «скверной» привычки насвистывать в машине.

Первое, что он сделал, придя из отпуска, — отправил всех во главе с Ратановым по грибы.

— Мы с Шальновым два дня продержимся за всех, — шутил он. — Правда, Василий Васильевич?

Шальнов принужденно отшучивался. Всем было видно, что чувствует он себя неловко, беспокойно. В управлении была создана комиссия, расследовавшая незаконный арест Арслана Джалилова и отстранившая Веретенникова от работы. Заключение комиссии ожидалось со дня на день.

Поездка за грибами прошла успешно, если не считать маленькой оплошности Тамулиса: почти все грибы, собранные им, пришлось оставить в лесу — они оказались несъедобными.

Несмотря на усталость, в машине все время пели песни, сначала современные, молодежные, а когда репертуар иссяк, Егоров стал запевать военные, а потом и предвоенные. Все ему дружно подтягивали.

Один Ратанов был какой-то невеселый, хотя и старался улыбаться и петь вместе со всеми. Вскользь он сказал, что Ольга Мартынова собирается уезжать с Игорешкой в Москву.

Ольга уезжала в середине октября, в воскресенье, и проводить ее пришли многие. По заранее намеченному и утвержденному Ольгой плану собрались не на вокзале, а в круглом маленьком скверике в центре города: Ольга не хотела прощаться на перроне.

И потому, что собралось много людей и встретились они в самой шумной части города, прощание не было печальным. Ольга держала себя мужественно. Говорили о гастролях в городе кубинского певца, о предстоявшем строевом смотре, о деревянных катерах Игорешки, которые смастерил ему Егоров.

Когда все уже были в сборе, на попутной машине приехали Барков и Галя. Баркова никто не ждал, так как он был в отпуске и должен был вернуться из Ленинграда не раньше среды. Его появление вызвало сенсацию.

На Гале было новое модное пальто, купленное, по-видимому, в Ленинграде. Она выглядела в нем еще более застенчивой и смущенной против обычно-

го, но по ее счастливым глазам, выражению лица и по тому, как она, здороваясь и разговаривая, на виду у всех держит Германа за руку, все предположили, что о помолвке может быть объявлено в ближайшие дни или даже часы.

— Как там мой «крестник»? — спросил Барков у Ратанова.

— Арслан? О нем скоро все услышат. С ним сейчас встречается спецкор по нашей области: Арслан решил написать письмо ко всем, кто еще не нашел свой путь.

— Молодец!

— Кстати, — сказал Егоров, — тебя и Алика на днях вызовет к себе генерал.

— Зачем? — встревожился Герман.

Ратанов и Егоров засмеялись.

— Не томите его, — сказала Вера Егорова, — скажите!

— И еще! — Егоров поднял вверх указательный палец. — Передай своей хозяйке, что на днях к тебе соберутся гости, твои друзья по работе. Я думаю, что вы с Тамулисом не позволите себе уйти в областной уголовный розыск так... Правда, Галя? Это было бы неэтично.

Мимо них густым потоком шли люди. Некоторые смотрели в их сторону и улыбались. Может, они знали кого-то из оперативников в лицо, а может, у них просто было легко на душе оттого, что строились вокруг благоустроенные дома, росли хорошие дети, светило солнце и на красном полотнище, протянувшемся через всю улицу, большими буквами было написано: «Миру — мир!»

— Когда-нибудь, — задумчиво сказал Ратанов и положил Игорешке руку на плечо, — на одной из площадей горисполком поставит памятник. Памятник оперативному уполномоченному. И поступающие в милицию, все, в любом звании, будут давать у памятника клятву: всю свою энергию, любовь, жизнь посвятить людям...

Он вдруг замолчал, ощутив рядом сразу окаменевшее, налившееся тяжестью тело жены Андрея

Мартынова, ее мгновенно наполнившиеся слезами большие грустные глаза, дрогнувшие губы. Ратанов пожалел о вырвавшихся у него словах. «Она еще слишком слаба», — подумал он.

Но он ошибся: Ольга нашла в себе силы и заговорила спокойным, низким, чуточку суховатым голосом:

— Я вижу этот памятник. Высокий, сильный человек пристально вглядывается в даль. Простой беспокойный человек, в плаще, в чуть сдвинутой на лоб шляпе... Ему всегда нелегко, но он улыбается... Он был нужен людям и был счастлив...

"ЗАДЕРЖАТЬ НА РАССВЕТЕ"

повесть

**„ХРАНИТЬ
ВЕЧНО!“**

Они откололись от своих сверстников месяца за четыре до того, как их неожиданно арестовали. Угрюмые, рано вытянувшиеся, одинаково подстриженные под бокс, они подолгу стояли вечерами в подъездах и у клуба, перешептываясь или насвистывая. Расходились по домам за полночь. Они еще не воровали, они только думали о воровстве, опьяненные рассказами Удава, старшего брата Веньки из Корабельной слободы.

Физически не особенно сильный, худощавый, с широко посаженными внимательными глазами, с косой челкой на лбу, отбывший в тюрьме два срока за воровство, Удав теперь гулял на свободе — недостижимый идеал слободской шпаны. Он приходил в клуб окутанный тайной, выделявшийся среди других слободских ребят одеждой — по последней «уличной» моде предвоенных годов — и своими покоряюще-дружелюбными манерами. Появляясь здесь, он бывал немногословен и прост и подолгу покуривал в окружении подростков, глядевших на него с нескрываемым восхищением.

Перед окончанием танцев он исчезал. Венька рассказывал, что брат возвращается домой на рассвете усталый, но веселый, в одежде валится на кровать, и мать, раздевая его и находя в карманах шоколад и пачки красных тридцаток, плачет...

Когда Колька Кокурин, Телятник и Венька обворовали первую палатку — на углу Немемировича-Данченко и Почтовой, всю добычу — семь килограммов конфет, несколько бутылок красного вина и окорок — принесли на чердак двухэтажного барака, где жили Колька и Телятник, и там устроили, как тогда говорили, джаз: пили вино, закусывали окороком с конфетами.

Августовские дни тридцать девятого года были жаркими. Из чердачного окна виднелся деревянный тротуар вдоль барака, заросший лопухами пустырь у Черной речки да голубая палатка — «американка», на которую уже давно точил зуб Телятник. Еще дальше, за железнодорожным мостом и учебным стрельбищем Осоавиахима, виднелся военный аэродром, а в белом от зноя небе сверкающими точками возникали и таяли крохотные истребители. Ребята смотрели на далекие самолеты, пренебрежительно сплевывали шоколадную слюну.

Из первой добычи было решено сделать подарок Удаву, и это, пожалуй, было для них тогда самым приятным из новых переживаний. Ему передали через Веньку две бутылки вина и кусок окорока — без сала.

Так прошли три недели. Запомнил из той юношеской поры Кокурин немного: что спал он в то лето

мало, но особенно сладко и крепко, и снились ему короткие легкие и счастливые сны, какие снятся всегда перед ожидаемыми неприятностями.

И вот настал день, когда Телятника повел к машине милиционер в ботинках с крагами. Позже другой милиционер постучался к Кокурину, который видел, как увозили товарища, и все эти три часа, пока не приехали за ним, лежал раздетый в кровати, повторяя: «Господи, помоги, господи, сделай так, чтобы меня не взяли», — хотя никто не учил его обращаться к богу и ни он, ни его мать, ни даже бабка в деревне не были верующими. А залез он под одеяло потому, что где-то слышал, что не могут, не имеют права взять человека, который лежит в кровати.

Но его взяли.

Когда Колька надел тапки, милиционер сказал: — Ну, хлопец, давай!

И тут высокий не по годам Колька, который, разговаривая с девчонками, небрежно отставлял ногу в сторону и поправлял черную косую челку, вдруг скривил рот и заплакал:

— Дяденька! Больше не буду! Поверьте, больше никогда не буду! Отпустите, я никогда больше не буду!

— Ну-ну, — удивился милиционер, — не плачь!

Ему пришлось за руку вести задержанного к машине: Колька не сопротивлялся, просто вдруг не пошли ноги. Как на ходулях, неуклюже вышагивал он рядом с милиционером, не замечая ни выбежавших из барака женщин, ни замерших малышей. Слезы капали на перешитую им самим модную флотскую тельняшку.

До суда он просидел в старой городской тюрьме, большой и гулкой, похожей на железнодорожный вокзал, — жара, крики, суета, теплая вода в бачке, новые, незнакомые порядки.

— Эй, малолетка, попроси у начальника покурить! Живо!

С этого приказа началось для Кокурина знакомство с новыми друзьями. Амплей, горбоносый, с вы-

пяченной нижней губой и блестящими пронырливыми глазами, никогда не упускал возможности поразвлечься.

— Быстрей! Кому сказал?

Он был одного возраста с Кокуриным, но держался как старший.

Кокурин нехотя стукнул в дверь. Все на минуту притихли. Он постучал еще раз. Наконец заскрипел замок.

— Товарищ начальник...

Огромная ладонь сцапала его за ухо. Камера взревела от восторга.

— Твои товарищи в чаще воют!

Переступая через разбросанные вещи, Кокурин по нарам пошел к окну, где сидел горбоносый Амплей. Тот встал и не спеша, с какой-то непонятной радостью, спокойно поджидал Кокурина: Колька был выше его ростом и значительно сильнее.

— Минутку, — негромко сказал Амплей, когда Кокурин был почти рядом. — Знаешь, на кого руку хочешь поднять?

Колька в замешательстве остановился.

— На вора! — уточнил Амплей. — Закона не знаешь? Иди назад! Постой!

Кокурин понял, что сталкивается здесь с другими, незнакомыми ему и непонятными законами воровского общежития. Злоба его мгновенно прошла, он был ошеломлен и напуган.

— Кто тебя знает на воле?

И вот тут имя Удава, о котором Кокурин ничего не сказал на следствии, которое не было произнесено никем и потом, на суде, сказанное хотя и с неуверенностью, но громко, во весь голос, сыграло решающую роль.

— А! Ну, прости, — пробормотал Амплей и добавил громче, чтобы все слышали: — Будешь спать со мной рядом, у окна. Место человеку!

С тех пор как Колька во всеуслышанье объявил в камере, что пользуется поддержкой и защитой Удава, судьба его решилась окончательно: ему уже не оставалось ничего иного, как следовать правилам и

обычаям, сложившимся в преступной среде еще со времен лесных бродяг и ушкуйников и все еще властвовавшим в тюрьме в те годы.

На суде Колька заплакал во второй и последний раз в жизни, когда конвойные попросили из зала посторонних слушателей, а родственникам разрешили подойти к приподнятой над полом в виде балкона скамье.

Мать Кольки, высокая сильная женщина с рыжими волосами и темными конопушками на шее и руках, принесла полную сумку снеди и большой кулек с конфетами, такими же, какие были украдены из ларька на Немировича-Данченко. Мать смотрела, как, не желая ее обидеть, безрадостно сосет он конфету, и гладила рукой его худую наголо остриженную голову.

И другим ребятам родители принесли то, что редко покупали раньше, — икру, шоколад, конфеты, желая, очевидно, подчеркнуть преимущество честного образа жизни, который позволяет есть всякие вкусные вещи и не опасаться, что тебя посадят в тюрьму.

Суд направил всех троих в воспитательную колонию.

Арест, следствие, суд, жизнь в колонии больше всего повлияли на брата Удава, Веньку, парня с твердым, даже жестким характером. После освобождения он больше не воровал, рано женился, поступил в судостроительный техникум. В сорок четвертом году он погиб под Ригой.

Телятника направили в колонию, находившуюся в Средней Азии, вестей от него не поступало ни домашним, ни друзьям...

Кокурину в отличие от Веньки пребывание в колонии не принесло ничего хорошего: он подружился с Амплеем, и с самого первого дня они стали разрабатывать планы новых, более крупных преступлений.

Когда Колька вышел на волю, он уже не принадлежал себе, новые связи, образовавшиеся взамен разрубленных старых, властно держали его общительную, податливую натуру.

В первый же день после освобождения они нанесли визит Удаву: на этом особенно настаивал Амплей. Удав заметно почернел, осунулся, почти не пил, только повторял время от времени в назидание младшим:

— Вор куется, как железо! Все еще будет!

— Мы на днях зайдем, и не с пустыми руками, — пообещал на прощанье Амплей.

Он вообще не прочь был прихвастнуть и считал себя настоящим закоренелым преступником, в особенности после того, как услышал сказанные о нем слова ученого, следователя-криминолога: «Обладает неукротимым порочным характером».

Через неделю Амплей и Колька дерзко обворовали промтоварный магазин на центральной площади, взяли несколько костюмов, дамских кофточек, часов, меховых горжеток, отрезов файдешина и припрятали все это на чердаке, где раньше устраивали джазы.

Новый джаз длился недолго: на флаконе одеколona, которым Амплей опрыскивал в магазине пол, чтобы сбить со следа собаку, остались невидимые простому глазу следы его пальцев. Флакон Амплей бросил здесь же, в магазине, предоставив в распоряжение следователя неоспоримую улику.

Когда Кокурина арестовывали во второй раз — к этому времени он получил среди шпаны некоторую известность под кличкой Бубен, — он уже не плакал: попросил разрешения закурить, сказал матери, что ни в чем не виноват, что произошла ошибка, и взял из буфета заготовленные на случай ареста десять пачек папирос «Пушки».

Пока Амплей и Кокурин расплачивались в колонии за свое незнание основ дактилоскопии — науки об индивидуальности пальцевых отпечатков, подошел к концу тысяча девятьсот сороковой год. В статистике тот год не был отмечен ростом уголовных преступлений, напротив, преступность в стране неуклонно снижалась. Однако процент рецидива оставался все еще довольно высоким.

В сорок втором году в колонии случай свел Кольку с Удавом. Удаву жилось здесь неплохо, воров его

уважали и побаивались, потому что, несмотря на молодость, Удав отличался хитростью, решительностью, держался со всеми просто, дружелюбно, но в то же время был напрочь лишен жалости.

По вечерам в минуты благодушия любил Удав вести вполголоса воспитательные беседы с молодыми заключенными, ловившими на лету каждое его слово.

— Вот представь себе, — говорил он, — плывете вы трое в лодке: ты, старуха мать и товарищ-воор. Вдруг лодка перевернулась, а кроме тебя, никто не умеет плавать. Кого спасать?

— Товарища! — с готовностью отвечали сразу несколько человек, постигших, как им казалось, до конца нехитрые правила преступного мира.

— Не торопись! — качал головой Удав, ощупывая серыми острыми глазами аудиторию.

— Мать?

— Да! Старую мать! — повышал голос Удав. — Мать на первом месте! Потом уже товарищ.

Он скупым отрепетированным движением распахивал рубаху. На груди синели аккуратные буквы: «Не забуду мать родную».

Только потом Кокурин узнал, что Удав, возвращаясь домой, часто избивал свою мать, вооружаясь, чтобы не портить пальцы, поленом или кочергой, но тогда, в лагере, новичок глядел на наставника, восторженно раскрыв рот. И вскоре, как и многие его товарищи по барaku, обзавелся синей наколкой.

Удав рассказывал о многих своих делах на воле, не упоминая, впрочем, о городах и соучастниках.

— К примеру, летом квартиру берешь, — поучал он молодых. — Сначала смотри, завешены ли окна. Если хозяйева дома, занавески всегда будут раскрыты. Вещи складывай в авоську. Авосечкой милиция не заинтересуется!

— А вору нужно учиться в школе?

— Обязательно. Разве можно без образования?!

И авторитет Удава, таким образом, подкреплялся авторитетом всех умных и грамотных людей, говоривших, что «ученье — свет, а неученье — тьма», что

ни один тонущий человек не в праве требовать, чтобы товарищ вытаскивал его из воды, прежде чем спасет свою престарелую, не умеющую плавать мать.

«Вор куется, как железо! — слышал Бубен чуть ли не каждый день. — Терпи голод, холод, боль и оставайся самим собой. Уважай закон, не расставайся с картами, не отказывайся от коммерческой игры (с ней быстрее проходит срок!), не поддавайся на удочки чекистов, не работай и воруй. Вот твой предел».

Так в неузнаваемом, фантастически извращенном виде представляли общественные право и мораль перед подростками, упущенными в свое время семьей и школой, которых подбирал и обучал на свой манер уголовный мир.

Приехав после очередного освобождения в тихий приволжский городок, внимательно изучив подходы и обворовав несколько квартир, Кокурин понял, что уроки Удава не прошли даром. Следующие кражи он также совершил, как ему казалось, легко и чисто, и милиция действительно не сразу вышла на него, тем более что Бубен жил осторожно, контролировал каждый свой поступок, каждое слово в разговоре, по совету Удава почти не пил, чтобы не потерять эту способность к самоконтролю.

И все же спустя год его арестовали. Затем новое освобождение и тюрьма. И каждый раз, когда Кокурина снова отправляли в тюрьму, жизнь казалась ему такой куцей и такой неудачной, что он готов был броситься к следователю или к конвоиру, закричать, как в детстве: «Больше не буду, простите! Я никогда больше не буду!» И если его действительно простят, виновного, заслуживающего наказания, то он навсегда бросит старое.

Когда же его освобождали по отбытии срока наказания или условно-досрочно, он считал себя уже никому ничем не обязанным, и все шло своим чередом.

Как мираж, рассеивался перед Бубном призрак гордого романтического воровского счастья, о котором толковал Удав. Матери он не писал уже много

лет. Амплей погиб, сорвавшись на ходу с крыши вагона. Новых друзей у него так и не завелось. Люди, с которыми его вместе судили, уже никогда не были потом ему товарищами, и он предпочитал больше с ними не встречаться. Только однажды, находясь на свободе, он неожиданно получил письмо из лагеря от Телятника.

«У меня большая просьба,— писал Телятник,— найди в магазинах две книги: «Швейные машины» Червякова и Сумарокова и «Оборудование швейных фабрик» Русакова, Эйпель и Сергеевнина. Тут есть возможность стать механиком...»

Десятки различных мыслей будоражили Кокурина, когда он ходил по магазинам и пальцами, ставшими неожиданно неловкими, перебирал книги. Говорить с продавцами он не осмеливался: казалось, по одному звуку его голоса посетители поймут, кто он. Уж слишком чужим, инородным ощущал он себя в этом прохладном, пахнущем типографской краской и дерматином помещении. Книг было удивительно много. Если бы он всю жизнь только и делал, что читал, то и тогда не смог бы прочитать даже половину тех, что были выставлены на витринах. Эта мысль была неприятнее и глубже остальных.

Учебники для Телятника он достал, но выслать не успел — снова арестовали за кражу...

В начале пятьдесят восьмого года, незадолго до окончания срока заключения, Кокурина неожиданно перевели из лагеря в городскую тюрьму. Регулярно, раз в пять дней, к нему стал приезжать следователь прокуратуры, допрашивать о каких-то коврах и, по мнению «старичков», шил ему чужое дело.

К этому времени Кокурин сильно изменился, неразговорчивость его переросла в угрюмость. Его не увлекали, как прежде, рассказы воров об удачных и крупных кражах: он даже не слушал их, все свободное время читал книги — не про людей, а о природе и животных, о том, где, как ему казалось, не могло быть никакой лжи. Сетона-Томпсона, Арсеньева, Чаплину. По несколько раз он перечитывал «О слонах» Бауэра и однажды попробовал было по-

делиться своими мыслями об этой книге, но воры, даже те, что были моложе его, фыркали в ответ и иронически переглядывались.

«Может, и мне тоже — мастером по швейной промышленности? — размышлял он иногда. — На первых порах Телятник поможет... Потом вызвать к себе мать... Начать все сначала!»

Так думал не один он. Многие заключенные, разочаровавшись в воровской судьбе, мечтали о воле и честной жизни, забывая о том, что, кроме желания изменить жизнь, нужны еще и сильная воля, и выдержка, и терпение, и чья-то бескорыстная дружеская рука.

...Возвращаясь вечерами с допросов, Кокурин метался по камере. Ни суды, ни допросы, ни колонии не были ему внове, но «дело о коврах» казалось ему верхом человеческой несправедливости, ставшей на пути к честной жизни.

И вот однажды жарким августовским днем пятьдесят восьмого года, когда Кокурина и других заключенных вели двором из бани в режимный корпус и первый надзиратель уже вошел в коридор, а второй ничего не видел из-за сбившихся в дверях арестованных, шагнул Бубен за стену здания и остался один во дворе — пустом каменном мешке между первым и вторым режимными корпусами, построенными еще когда-то при царях.

Не имея определенного плана бегства и надеясь больше на счастливый случай, пробежал он, незамеченный, к механической прачечной, где на двухметровой высоте в стене заметил еще раньше небольшой ржавый кронштейн, вбитый неизвестно с какой целью. Выше над ним висели провода. Как кошка, бросился долговязый Бубен на стену и через несколько секунд был уже на крыше прачечной. С крыши успел заметить, что тюремный двор по-прежнему гол и пуст и залит полуденным солнцем, а небо тоже пустое и голое, под стать тюремному двору.

По ту сторону прачечной, отделенный узким ко-

ридором двора, по которому взад и вперед ходил охранник, был следственный корпус — длинное двухэтажное здание. Перепад с крыши прачечной на крышу следственного корпуса был довольно большой — метра три.

Не раздумывая, Бубен изо всех сил оттолкнулся и прыгнул вниз на крышу следственного корпуса. Страшно гроыхнули листы жести, но Бубен уже вскарабкался к коньку крыши, перелез через проводное ограждение, — оно было здесь, на следственном корпусе, совсем низким — так, формальность, и прыгнул на улицу.

Конечно, его должны были задержать сразу же, самое большее через десять-пятнадцать минут. Сообщников у него не было, побег никто не готовил. Но...

«Принятыми мерами розыска по горячим следам преступник задержан не был», — докладывал в своем рапорте начальник тюрьмы, невесело размышляя о том, какая случайность могла нарушить весь ход планомерных и широких поисков.

Кокурина не удалось задержать и через день, и через год, и через два...

Изредка какой-нибудь новый оперативный уполномоченный Остромского областного управления милиции, получив от своего предшественника два объемистых тома в старых фибровых переплетах с черной надписью *«Хранить вечно!»*, бросал все дела, листал пожелтевшие страницы и, наконец, ехал к Евпатьевскому монастырю.

Там, в бывшем «настоятельском корпусе XVIII века» — так было начертано на старом трафарете, — а в настоящее время двухэтажном жилом доме, с первым каменным этажом, вторым деревянным («построен в начале XIX века»), жила вместе с другими обитателями этого дома мать Кокурина. Жила одиноко, тихо, получала сорок восемь рублей пенсии, свободное время проводила на лавочке у крыльца вместе с женщинами ее возраста, летом варила варенье из

малины, что росла под окнами, по субботам звала на чай соседских ребятишек.

Жизнь ее была настолько ясной, даже прозрачной, что, поговорив с соседями, с домоуправом, посмотрев издали на мать исчезнувшего без вести вора, новый оперативный уполномоченный бегло осматривал монастырь, цокал языком при виде архитектурных красот и шел к автобусу, который доставлял его из бывшего женского монастыря к новому трехэтажному зданию, где размещался уголовный розыск.

26 февраля 1963 года пятидесятилетняя, отмеченная многими премиями и наградами актриса Остромского областного театра Нина Федоровна Ветланина не поехала, как намеревалась утром, в Дом культуры, к своим кружков-

цам, а сразу же после репетиции направилась домой. Ей показалось, что, уходя из дома, она забыла выключить утюг.

Еще с улицы она заметила, что форточка в кухне открыта. Дыма не было видно. Это успокоило актрису, но по лестнице она все же поднималась быстро, так что дыхания едва хватало. Замок открылся легко. Гарью не пахло, но Ветланиной показалось, что в квартире все же что-то произошло.

«Странно!» — подумала она. Не снимая пальто, она вошла в комнату, дверь которой была почему-то приоткрыта.

В комнате все было на месте и в то же время словно бы не хватало какой-то мелочи, какого-то маленького обыденного штриха в обстановке. Нина Федоровна внимательно оглядела стол, сервант, софу. Софа не была примята. Книги и безделушки на секретере лежали по-прежнему в созданном ею самою искусственном беспорядке.

Вот оно что! Не было старинных золотых часов,

стоявших обычно на крышке пианино рядом с метрономом. Их-то тусклого желтоватого блеска она сразу не заметила, войдя в комнату. Ветлапина взглянула на шкаф — ключ на месте. Она повернула его — и задняя стенка шкафа открыла незнакомую полуматовую белизну: шкаф был первозданно пуст.

Актрисе стало страшно. Боясь повернуться спиной ко всем этим разом ставшим чужими вещам, прислушиваясь к напряженной тишине квартиры, стараясь подавить волей игру воображения, она попятилась к двери. В прихожей — успела заметить — на вешалке тоже чего-то не хватало.

Нервная дрожь била Ветланину, пока, не попадая ключом в замочную скважину, она пыталась запереть дверь и, наконец, побежала вниз по лестнице.

На улице было еще довольно светло, морозно и спокойно. Поскрипывая валенками по снегу, бегали дети. Пожилая женщина выбивала во дворе пыль из ковра и время от времени махала рукой кому-то следившему за ней с балкона. Напротив, у продовольственного магазина, разгружали молочный фургон.

Ветланина взяла себя в руки. Из телефонной будки на углу она позвонила в театр: артист во всех непредвиденных случаях жизни прежде всего ищет сначала помощи в своем театре.

Директор театра брался за любое дело напористо, энергично, с размахом. Он сразу же позвонил начальнику областной милиции, затем его заместителю и, только удостоверившись в том, что обоих генералов на месте нет, вызвал полковника — начальника отдела уголовного розыска.

— Ну вот, к вам приедет полковник Данилов, начальник уголовного розыска, крупнейший специалист, — сказал директор театра, когда Ветланина позвонила ему во второй раз, — а позже я поставлю в известность и его начальство...

Майор Гаршин не любил подъезжать на машине к самому месту происшествия: ему надо было хотя бы несколько минут постоять здесь же, неподалеку,

ником не узанным, ни потерпевшими, ни свидетелями, внимательно, без спешки примериваясь к предстоящей работе.

Зрелище рвущейся с поводка служебно-розыскной собаки и выпрыгивающих из машин стремительных сотрудников, готовых мгновенно установить и обезоружить преступника, всегда казалось ему нарочитым и неестественным. В этом было что-то из той неглубокой и скороспелой литературы о милиции, которую Гаршин не любил и давно уже перестал читать: он-то прекрасно знал, какую нераспорядительность и косность могла прикрывать порой такая показуха.

Майор оставил машину в переулке, попросил оперуполномоченного Кравченко с экспертом войти в дом без него, а сам прошел через двор на улицу, к углу дома, где, как и предполагал, встретил Ветланину, ожидавшую их у парадного подъезда.

— Начальник отделения уголовного розыска майор Гаршин... Константин Николаевич. Здравствуйте, — негромким, «штатским» голосом сказал он Ветланиной. Гаршин не раз видел актрису на сцене. В жизни она оказалась много ниже ростом и значительно старше.

— Здравствуйте. Наверное, все напрасно? Не найти?

— Я ничего еще не могу сказать...

Гаршин был не из тех людей, которые с первого взгляда располагают к себе: малого роста, тихий, с заурядной внешностью. На нем было недорогое венгерского пошива пальто, в руке перчатки — он не надевал их даже в сильные морозы: кожа была, как говорили в управлении, «зимостойкой». Из-под меховой кепки смотрели темные глаза пуговками, близко, вплотную припиленные к основанию мясистого, явно рассчитанного на более крупное лицо носа.

— А полковник не придет? — Актриса понимала, что ведет себя бестактно, но ничего поделать не могла: неизвестный ей полковник представлялся после аттестации директора единственным человеком, который мог разыскать похищенные вещи.

— Возможно, что подъедет,— спокойно сказал Гаршин.

— Было бы хорошо...

— Давайте поднимемся к вам.

Он не обиделся на Ветланину. В медицине врач и больной действуют сообща, и пациент должен свято верить авторитету своего исцелителя. В сыском деле этого не требуется. Мнение потерпевшего о работнике угрозыска, даже нелестное, никак не может повлиять на ход следствия. Ведь сказано же кем-то — хорошему следователю для успеха нужны только три качества: терпение, умение и везение... И больше ничего!

Кравченко, атлетически сложенный, красивый, даже слишком красивый для милиции молодой человек, в коротком, похожем на сюртучок пальто и огромной пыжиковой шапке, стоял вместе с экспертом на лестнице.

— Здравствуйте, проходите, пожалуйста, сюда,— с надеждой взглянув в его сторону, сказала Ветланина и открыла дверь,— вот эта квартира.

Они вошли. Через несколько минут появились и приглашенные Кравченко понятые: высокий старик пенсионер, гулко кашлявший в поднесенный ко рту кулак, и женщина, выбивавшая до этого ковер во дворе. Она так и вошла в прихожую с пластмассовой выбивалкой. Других свободных людей в это время суток в подъезде не было.

Когда Гаршин учился в университете, пожилой доцент, читавший криминалистику, рекомендовал студентам осматривать комнаты вдоль стен, по часовой стрелке, попредметно, с равномерностью часового механизма — от печки к кровати, от стола к стулу, и долгое время Гаршин следовал этому рецепту, боясь бросить взгляд в сторону, чтобы не отвлечься. Он подавлял в себе первое любопытство и дисциплинировал мысль. Но по мере того как приходил опыт, навыки, Гаршин чувствовал себя на осмотрах более вольно.

...Есть посетители галерей, заставляющие себя знакомиться с каждой висящей на пути картиной.

С завидным упорством идут они вдоль экспозиции, насколько хватит терпения, не очень торопясь, но и не задерживаясь подолгу. Однако есть и другие, свободно пересекающие выставочный зал в любом направлении. Они то забегают вперед, то возвращаются, меняют маршрут, повинаясь внезапно возникающим порывам. У одной картины они могут простоять час, на другую едва взглянут. Они отдаются эмоциям, чутью. В криминалистической литературе такой метод осмотра известен давно и называется субъективным.

Гаршин стал пользоваться и этим, когда понял, что в чутье стал проявляться опыт. Он любил осмотр, считал его важнейшим следственным действием и проводил его спокойно, даже с удовольствием. Большинство коллег Гаршина ощущало себя настоящими криминалистами лишь тогда, когда преступление было раскрыто, когда все трудное оставалось позади и красная линия преследования была проложена по запутанному лабиринту неизвестности.

Гаршин чувствовал истинное профессиональное удовлетворение лишь в той стадии поиска, когда еще ничего не успевало проясниться, и в этом сказывалась его вторая профессия — преподавателя уголовного процесса, его стремление находить общие закономерности в исследовании неведомого, чтобы объяснить эти закономерности будущим следователям, судьям и прокурорам.

Именно поэтому любой конечный результат поиска не мог обескуражить исследователя Гаршина, и, может быть, именно поэтому он, как правило, находил верный путь там, где другие, стремившиеся лишь к одному — положительному результату, — заходили в тупик.

Гаршин движется по квартире свободно и мягко, немигающие темные глаза задумчивы, руки глубоко упрятаны в карманы брюк.

Вот он останавливается у двери и, прижавшись затылком к косяку, прищурившись, смотрит перед

собой. Взгляд его медленно скользит по тяжелым сдвинутым у журнального столика креслам, затем по пятнам на ковре, перебегает к туалетному столику, что-то ищет там среди безделушек, шкатулочек, маленьких и больших изящных флаконов с притертыми и непритертыми пробками, потом опять по ковра перемещается к трехстворчатому шкафу и здесь надолго замирает, тихо, отчасти даже рассеянно шаря вдоль полированных поверхностей. Туалетный столик, торшер, шкаф — узловые пункты в его плане осмотра.

Неподалеку от Гаршина, ссутулившись, осматривает пол эксперт — нескладный, высокий милицкий капитан лет тридцати восьми, с круглым румяным лицом, в очках с толстыми стеклами. Без него Гаршин не обходится ни на одном осмотре. Эксперт плохо выбрит, к рукаву его кителя пристали две длинные белые нитки, но он их не видит, — он отчужденно покусывает пухлую нижнюю губу, застыв над мокрым пятном на ковре, смотрит на него со всех сторон, измеряет, перерисовывает в блокнот, наконец, жестко трет ладонью свой колючий черный подбородок и произносит без всякого выражения:

— Прекрасно... Преотличненько...

— Саша, — говорит ему Гаршин, — я рассчитываю, что дверной замок будет осмотрен в лаборатории с той тщательностью, которая всегда вас отличает. Так, Александр?

Он всегда разговаривает с экспертом немного иронически, называя то Сашей, то Александром.

— Простите, Константин Николаевич, здесь очень интересненько! — говорит в ответ эксперт. Он просит у Ветланиной старые газеты, стелит их в углу у туалетного столика, растягивается на них во весь рост и замирает на долгое время, уткнув нос в ковер и сняв предварительно очки.

Кравченко, заметив жест майора, включает переносную лампу и долго держит ее над Сашей. Эксперт поворачивается на бок, и Ветланина видит, что глаза у него не только близорукие, но еще и косят, и усилия, которые он тратит на то, чтобы рассмот-

реть все мелочи, просто невероятны: лоб покрывается сетью глубоких морщин.

Красавец Кравченко то и дело движется, выполняет какие-то немые, непонятные Ветланиной указания майора, бесшумно и быстро, в то же время как будто постоянно к чему-то прислушиваясь, чуть нагнув свою массивную, с чеканным профилем голову.

Когда эксперт поднимается с ковра, Кравченко, кивнув Гаршину, вынимает из кармана блокнот и садится в кресло напротив Ветланиной.

— Продиктуйте мне, пожалуйста, приметы похищенных вещей.

Актриса беспомощно смотрит по сторонам. Она играет на сцене тридцать лет, она из артистической семьи, гордящейся родственной близостью с фамилией знаменитых Волковых, ее квартира похожа на театральный музей: здесь подарки, поднесенные ей в честь семейных торжеств, юбилеев; безделушки, сувениры, украшения, привезенные чуть ли не из всех европейских стран. Так что же назвать милиционеру красавцу? В шкатулке на туалетном столике утром лежали два великолепных перстня и дорогое тяжелое кольцо, подарок матери, большой актрисы, отдавшей всю жизнь остромской сцене. В шкафу...

— Я готов,— напоминает Кравченко.

— Часы, они стояли на крышке пианино, вот здесь. По-моему, они испорченные,— как большинство потерпевших, она начинает с пустяков,— еще лорнет...

Лорнет?

Ну да, лорнет.

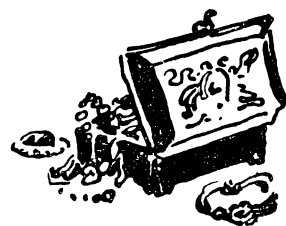
— Какой лорнет? — Кравченко не уверен в том, что речь идет о простом увеличительном стекле.

— Боже мой! Обычный лорнет! С четырьмя бриллиантами голубой воды, черепаховый. Подарок деду, артисту Екатерининского театра...

— Какова стоимость бриллиантов?

— Ах, разве я знаю! Были дни, когда наша семья — а детей у родителей было много — сидела без хлеба, но нам и в голову не приходило оценивать этот лорнет.

— Мне надо знать величину бриллиантов, их

стоимость, это необходимо для розыска,— Кравченко невольно подражает Гаршину: он сдержанно настойчив и терпелив.

— Примерно такие...— актриса протягивает руку. Голубоватый алмаз, отшлифованный в форме октаэдра, сверкает яркими ломаными лучами,— а стоимости я не знаю. Ей-богу...

Кравченко замечает на глазах актрисы слезы.

«Страшная подлость обижать таких людей!» — думает про себя Кравченко.

— Кто вас обычно посещает?

Гаршин и эксперт Саша, не прекращая осмотра, прислушиваются к ответам Ветланиной.

С улицы доносятся звуки машин. Каждые полчаса в комнате хрипло бьют большие с треснутым стеклом часы. На стол, под яркий свет люстры, Гаршин и эксперт время от времени осторожно ставят какой-либо предмет: пепельницу, шкатулку, телефонный аппарат, вешалку из шкафа, фарфоровые безделушки, керамический стаканчик.

— До них дотрагивались преступники? — догадывается Ветланина. Она уже успела прийти в себя, и теперь ее интересует происходящее. Она актриса, она должна видеть, как все это делается, как ведут себя настоящие сыщики...— Неужели действительно можно найти человека по отпечаткам пальцев?

— Видите ли, согласно научным основам трасологии, предмет индивидуализируется микро-рельефом,— оставив осмотр, обстоятельно и с удовольствием объясняет эксперт Саша — Александр,— то есть, понимаете, идентификация может быть произведена при условии совпадения мелкого строения...

Актриса начинает кивать головой.

— О! Конечно...

Ей на помощь приходит Гаршин:

— Саша, вы осматривали выключатель в коридоре?

Кравченко уже несколько раз выходил на улицу, звонил по телефону, беседовал с другими сотрудниками уголовного розыска, которые вели свою работу

во дворе и на близлежащих улицах, возвращался, о чем-то шептался с Гаршиным, и Ветланина решила, что о ней попросту забыли. Поэтому, когда, подписав протокол и отпустив понятых, Гаршин и Кравченко сразу же решили откланяться, актриса жестом, не допускающим возражений, показала им на кресла и дала каждому в руки маленькую круглую пепельницу. Пришлось закурить.

— Скажите мне ваше мнение...

— Судя по следам,— Гаршин все-таки поставил свою пепельницу на край стола,— здесь был один человек. Во всяком случае, один человек вошел вначале в комнату. На его ногах было какое-то количество снега, растаявшего в комнате и образовавшего вот эти мокрые пятна на ковре. Видите, они почти подсохли? Наибольшее количество этих — как бы сказать — образований имеется у туалетного столика. Значит, человек, совершивший кражу, сразу же пошел не к шкафу, который находится ближе к двери, а к туалетному столику. Преступник стал искать бриллианты. Он знал о них, вот в чем штука! Он или его сообщник был у вас в комнате раньше. Это неоспоримо. Вор небольшого роста, не выше примерно метра шестидесяти, потому что, снимая анодированные безделушки с серванта, он становился на стул. Нашему эксперту, рост которого метр восемьдесят, не пришлось этого делать... А вот я бы так не смог... Есть еще некоторые соображения. Судя по расчетливости преступника, умелому использованию уловок, направленных на сокрытие преступления, мы имеем дело с рецидивистом. Отсутствие следов там, где они должны быть, тоже доказательство — негативное.

В передней раздался негромкий звонок.

— Сейчас мы узнаем последние новости с улицы.

Но в квартиру вошел не оперативный уполномоченный, которого ждал Гаршин, а молодой белобрысый шофер, обычно возивший начальника управления. Он оказался единственным свободным шофером в гараже, когда сообщили о краже. Взволнованный

перечислением заслуг Ветланиной и званий, дежурный, не колеблясь ни секунды, отдал Гаршину машину генерала.

— Вы разве не уехали? — удивился Гаршин.

— Товарищ майор! — белобрысый шофер недоверчиво уставился на «постороннюю» Ветланину. — Товарищ майор, сейчас передали — еще одна квартирная кража. На Голубиной горе. Дом двадцать восемь, квартира четыреста одиннадцать. У Шатько. И сказали, что есть подозреваемый: видели, как лазил по пожарной лестнице, заглядывал в окна.

— Может, он и здесь был? — сразу встревожилась Ветланина. — У нас тоже пожарная лестница недалеко...

Кравченко и эксперт многозначительно переглянулись. У всех в комнате неожиданно поднялось настроение.

Голубиная гора находилась в районе новостроек. Они ехали туда недолго, зато такое же время искали нужный дом, блуждая в лабиринте одинаковых кирпичных зданий, значившихся под одним номером. «Газик», рыча мотором, то и дело круто поворачивал между домами.

К вечеру мороз еще более усилился, и небо было особенно чистым и звездным. Мелкие гривы облаков плыли где-то очень высоко, и луна скользила в их глубине.

— Значит, интересуешься криминалистикой? — откинувшись на спинку сиденья, спросил эксперт у шофера. — А что читал?

— Прочел институтский учебник, Достоевского «Преступление и наказание», и еще генерал давал «Искусство раскрытия преступления и законы логики».

— Эриха Анушата? Понравилась? Константин Николаевич, как относитесь к его «Искусству раскрытия»? — эксперт повернул голову к майору.

Гаршин помедлил.

— Книга вышла еще в двадцать седьмом году.

Анушат пишет для криминалистов, жаждущих крупных дел и так часто не умеющих их распознать в повседневной текучке. Интересная книга. Значит, вы, молодой человек, думаете заняться криминалистикой?

— Твердо еще не решил. Сперва осмотрюсь,— сказал белобрысый шофер.— Чтобы не менять. Так что пока я себе ближнюю цель поставил — на вашу машину перейти, в уголовный розыск.

Гаршин внимательно посмотрел на него.

— В этом доме квартира четыреста одиннадцать? — в открытое окно машины спрашивал одиноких прохожих Кравченко.

Наконец ему показали. Молодой оперативник из ближайшего отделения милиции нетерпеливо ожидал их в подъезде.

— Шатько живут на третьем этаже втроем. Мать и дочь в отъезде, дома бывает только хозяин, писатель. Он детские книжки пишет. Свидетелей пока не нашел: дом большой, на первом этаже контора треста, тут знаете сколько людей проходит... Квартира Шатько запиралась на два замка и щеколду. Все открыли!

— Много взято?

— Да уж... Облигации, одежда, деньги... Даже ковер снят со стены! — в голосе оперативника слышалась растерянность. — Вот и хозяин идет.

Вниз по лестнице быстро спускался очень полный неопределенного возраста лысый человек в широких домашних сатиновых шароварах и вельветовой куртке. Он сразу же признал в Гаршине старшего и улыбнулся ему.

— Я уже начал беспокоиться...

По этой открытой, несколько наивной улыбке Гаршин догадался, что писатель совсем не стар и что кража не выбила его из колеи и не лишила природного оптимизма.

— Вы кого-нибудь подозреваете? — спросил Гаршин.

— Не я. Лифтерша. В соседнем дворе есть один... бесенок. Полюбилось ему лазить по пожарной лест-

нице. Лифтерша дважды замечала. Лезет и смотрит в окна.

Кравченко поперхнулся.

— Бесенята не берут облигации и ковры, — сказал Гаршин, легко поднимаясь по лестнице. — Саша! Выдержите ли вы второй осмотр? А, Александр?

— Постараюсь, — эксперт протирал очки. Его лицо без привычной массивной оправы выглядело удивительно незащищенным и простоватым.

— Надо отпустить Калистратова, — напомнил Кравченко.

— Какого Калистратова?

— Шофера.

В квартире Шатько оказалось жарко и пахло каким-то особым приятным лесным запахом. Хозяин увлекался столярным делом и, видно, любил дерево: оригинальные, полукругом, -ручки у дверей, стеллажи, торшер, чернильные приборы — все это было сделано из дерева, может быть, даже особой породы, потому что Гаршин не мог уловить, что за лесной запах наполнял квартиру.

На подоконниках стояли растения и цветы в разнокалиберных горшочках, больших и крошечных, величиной с коньячную рюмку. Гаршин узнал черенки редких узамбарских фиалок, драцены, бегонии рэкс.

Зажгли все лампы, люстры, даже ночники, но никаких следов на полу не заметили: кража у писателя произошла, видимо, еще утром. Гаршин перешел к тщательному обследованию каждого предмета, однако и это не дало результатов.

— Скажите, в последние дни к вам не заходил мужчина небольшого роста? — спросил Кравченко у Шатько.

— Нет, не припоминаю.

— Телефонист, газовщик, водопроводчик?

— Нет, нет.

— У вас на кухне поставлен новый кран, — сказал Кравченко.

— А, да... Водопроводчик был. Но он выше нас всех, под потолок...

— Одну минутку! — позвал вдруг Саша. На его мятых капитанских погонах сверкали блики огромной двухсотсвечевой электролампы. — Это вы так ставите книги?!

На средней полке открытого стеллажа, прибитого к стенке над тахтой, часть книг лежала в беспорядке, тогда как рядом книги стояли корешок к корешку.

— Нет, не я... Я не мог их так поставить... Категорически!

— Тогда преступники определенно просматривали эти книги.

— Кто спит на тахте, под этим стеллажом? — спросил Кравченко. Его знобило от напряжения — сильные плечи атлета непрерывно двигались под пиджаком.

— Я. Жена и дочь в той комнате...

Они осмотрели книги в соседней комнате и убедились, что там все в порядке. Пыль, которая тонким слоем легла на верхушки переплетов, была нетронутой. Снова перешли к полке над тахтой.

— «Дело о смерти капитана Гиджеу, С.-Петербург, 1890 год. Паровая скоропечатня Яблонского», — прочел Гаршин на титульном листе. — Видно, очень редкая книга...

— Я давно уже собираю редкие книги, — с еле уловимой гордостью коллекционера сказал Шатько, — об этом даже можно было прочитать в газете...

— Когда? — Гаршин насторожился.

— В «Советской России» года три с половиной тому назад...

— Гм... А это как сюда попало?

У входных дверей сбоку, рядом со старыми галошами и прочей обувью, лежал свернутый трубочкой листок плотной бумаги. Трубочка была наподобие той, из которой городские дети, за отсутствием солодок, пускают мыльные пузыри.

— Понятия не имею, — сказал Шатько. — В прошлую субботу я приглашал уборщицу мыть полы — здесь было все чисто...

— Позвольте! — эксперт снял очки и поднес тру-

бочку к глазам. — Когда вернемся в лабораторию я ее обработаю нингидрином...

— Скажите, товарищ Шатько, вам никогда не приходилось встречаться с актрисой Ветланиной? — уже уходя, поинтересовался Гаршин.

— Только на спектаклях... Одностороннее знакомство.

— Видите ли, сегодня у нее тоже была кража. После вашей.

— Любопытно! А я, между прочим, думал, что так и проживу, не узнав, что такое угрозыск. Значит, кражи, убийства, грабежи — все это на самом деле? Все это есть?

— Да.

— Неразумно это устроено...

Эксперт вздохнул.

— Еще секунду, — сказал Гаршин, морща лоб. — У вас нет привычки прятать что-нибудь среди книг? Например, деньги?

— Есть, -- Шатько стыдливо улыбнулся. — Точнее, была. Я откладывал там деньги на покупку букинистических редкостей. Больше не буду...

— Хорошо, — сказал Гаршин. — Завтра мы еще заедем. Посмотрим все при дневном свете. Постарайтесь ничего не изменять в обстановке. До свиданья.

Дверь в кабинет Гаршина, где майор разговаривал с оперативниками, внезапно отворилась, и огромная плотная фигура в смушковой папаше возникла на пороге.

— Накурили! — сказал полковник Данилов, косясь на пятно серо-голубого дыма, высвеченное матовым стеклянным абажуром лампы. — Сидите все! Не вставайте! — Он подошел к окну и широко распахнул форточку. — Только помните, друзья, в этом кабинете мы кражи не раскроем. Волка ноги кормят! А сыщика — тем более. На сегодня всё? Не надо тогда терять времени. Все по домам!

Оперативники поднялись и пошли к двери.

-- Ферчук, — задержал Данилов одного из них, —

утром проверь по картотеке, кто у нас совершал кражи с поиском ценностей среди книг... Не каждый жулик так... Жаль, что я сам не смог попасть на место...

Тихий, незаметный Ферчук, в сером костюме, с серым, нездоровым цветом лица, кивнул и исчез, словно растворился.

— Нам с тобой, Гаршин, нужно решить вопрос, — сказал Данилов, когда они с Гаршиным остались одни. — Кого все-таки будешь выдвигать старшим оперуполномоченным?

— Я предложил кадрам Налегина.

— Из Шедшемы? А не промахнемся?

На большое, с жесткими складочками лицо Данилова, как-то сразу сменив оживление, пала тень озабоченности. Несколько секунд он жестко потирал ладонью подбородок, приоткрыв энергично очерченный рот и показывая собеседнику два ряда безупречных зубов.

— Ничего он парень? Ты, Гаршин, и кандидат наук, и все мы тебя, конечно, уважаем, а я смотрю, в людях не очень-то... Взять этого косенького... Эксперта из Белоруссии. Скуратовича. Ну какой из него работник органов?! Не внушает! Особенно посторонним... И генерал об него вечно спотыкается в коридоре. Я бы на твоём месте набрал молодых ребят, энергичных, вроде Спартака Шубина — везучих. Я помню, как сам вертелся в его годы... Ух, разворотлив был!.. Молодость должна в человеке кипеть...

— Налегин, он тоже молод, — сказал Гаршин, подходя к вешалке за пальто. — В Шедшеме был незаменим. И студент был хороший, я его в институте заметил. Хороший студент — он и хороший работник.

Данилов его не слышал.

— Я работал, помню, на юге, дел было много: только поспевай — то карманная кража, то в магазин залезут. Киоски эти, палатки — табачные, продовольственные; мы на них и внимания не обращали, времени не было. Только уж если под руку подвернется... А то некогда! Начальником отделения был

у нас Салтыков, деятельный мужик, потом управлением командовал...

У Данилова и Гаршина всегда было так. В присутствии подчиненных полковник держался со своим заместителем сугубо официально, даже подчеркивая разницу в их служебном положении. А когда оставались одни, Данилова тянуло к дружеским излияниям. Он рассказывал об очередной рыбалке, о родственниках, показывал Гаршину фотографии...

Гаршин не принимал этой двойственности в отношениях: сам он не любил навязываться в друзья, а если дружил, то не скрывал от других ни при каких обстоятельствах.

— Я думаю, что с Налегиным мы не ошибемся!

Данилов неохотно поднялся. Разница в росте Данилова и Гаршина была столь велика и ощутима, что, если один из них вставал, второй предпочитал садиться.

— Да, молодость... Жаль, мотор не тот, — Данилов погладил китель.

— Квартирные кражи — это как эпидемия, — думая о своем, сказал Гаршин. — Если мы их в ближайшие дни не раскроем, надо ждать новых. Действительно, какие-то особенно подлые эти кражи... И хитрые!

Было совсем поздно.

— Вчера я не обратил внимания на одно обстоятельство, — встретил их утром Шатько. Было рано и за его спиной в большом замерзшем окне чуть обозначило пасмурный зимний рассвет, — обычно эти старые часы стоят в моем кабинете. А вчера оказались в прихожей. Видите? Преступник поставил их на телефонный столик: видно, хотел взять, но забыл.

Оперативники молчали. Вчерашнее ощущение таинственности того места, где было совершено преступление, исчезло, наступила пора утренней трезвой оценки, и теперь перед ними была просто большая тихая и немного пустая квартира, посреди которой стоял не какой-то загадочный собиратель букунистиче-

ческих редкостей, прячущий деньги в стеллажах, а обыкновенный маленький, наивный, в чем-то по-детски смешной человек.

— Я видел вчера эти часы, — сказал Гаршин, глядя на бронзовую, чуть позеленевшую пирамидку с острыми гранями, на одной из плоскостей которой светлел небольшой циферблат, — но не знал, что их место не здесь. Поинтересуйтесь, Александр.

— По всей вероятности, их брали перчаткой, — сказал эксперт, поворачивая пирамидку под разными углами к свету, — вот здесь просматривается характерный след ткани.

— Видно, преступник разбирается в часах, — с грустной улыбкой заметил писатель, — не взял ни «Славу», ни «Зарю»... Часы, которые вы, товарищи, держите в руках, хоть и неказисты на вид, работают удивительно точно. Это просто эталон... Я не помню случая, чтобы их ремонтировали. Честное слово!

— Удивительный механизм, — Гаршин подержал часы на ладони, — и увесистый. Между прочим: вчера днем в ваше отсутствие никто не мог к вам прийти?

Во время этого разговора Кравченко особенно внимательно осматривал стены прихожей.

— Как же, прибегала младшая сестра жены. Зоя. Я с ней говорил сегодня по телефону, расспрашивал. В подъезде и на лестнице она никого не встретила: ни водопроводчика, ни монтеров, ни «горгаза». Я понял, чем вы интересуетесь.

— Что за человек ваша свояченица? — спросил Кравченко, оторвав, наконец, взгляд от стены. — Сколько ей лет?

— Тридцать семь. Это серьезная, положительная женщина. Многодетная, видите ли, мать. Жена дала ей ключи от квартиры, но вчера она их забыла...

— Счастливая мать! — сказал Гаршин.

По окончании осмотра Шатько проводил их до лестницы.

— Да, счастливая мать, — сказал у машины Кравченко, оглядываясь на окна квартиры и понижая голос, словно Шатько мог его услышать. — Вы

обратили внимание на остроту граней? А вес? Один удар по голове...

— Этот вор — потенциальный убийца, — кивнул Гаршин, — а может, и убийца — в прошлом. Недавно меня не оставляет ощущение какого-то особого цинизма, с которым выбраны обе жертвы. Известная старая актриса. Писатель, собирающий редкие книги... Здесь не обошлось и без другого подлеца — наводчика, тонко втершегося в доверие... Кстати, мне кажется, наводчика нам будет найти легче, чем исполнителя.

**ЗА
МОНАХОМ!
глава 2**

Данилову было не по себе: шли дни, а кражи оставались нераскрытыми. На душе скребли кошки. Ему казалось, что Гаршин мало требует от своих подчиненных, не умеет «поднажать», что сам он давно бы раскрыл эти кражи, ес-

ли бы занимался только ими. Но у него, Данилова, забота не об одном Остромске. У него на руках вся область. Он должен «организовать работу», а не бегать сам за преступниками.

По несколько раз в день Данилов заходил в кабинет Гаршина, придирчиво выпрашивал, что он собирается делать дальше. Данилову хотелось отчитать майора, но вид усталых оперативных работников, их исписанные блокноты, выросший на глазах объемистый том розыскного дела, телефонные звонки, следующие один за другим почти без перерыва, не давали полковнику формального права на крутое вмешательство.

— Какую версию проверяете? — отрывисто спрашивает Данилов, наугад ткнув пальцем в сторону Ферчука, серой тенью прилипшего к большому испачканному чернилами столу.

— Проверяю причастность к кражам...

Лейтенант встает и называет известную воровскую кличку.

— А вы?

...Кравченко работает по установлению преступников-гастролеров, которые в день кражи могли находиться в Остромске. Это одна из наиболее трудных линий работы. Но особые надежды Данилов возлагает на деятельного Спартак Шубина, который занимается возможными наводчиками, то есть самой перспективной работой, — ведь Гаршин предсказал, что наводчик будет установлен раньше, чем тот, кто непосредственно совершил кражу, а у майора чутье есть, это Данилов понимает, как бы он ни относился к методам работы своего заместителя.

Работы у Шубина невпроворот. Он ходит по кабинетам, высокий, быстрый, поминутно поправляя двумя растопыренными пальцами свои массивные, в тяжелой роговой оправе очки, делающие его похожим на успевающего, занятого научной работой студента.

Шубин садится на столы, курит, стряхивая пепел куда попало, и бросает окурки издали, точно попадая в урны. Капитану Шубину около тридцати, но он не стремится к солидности, ему нравится, что все называют его просто Спартак, любят его легкость, бесцеремонность и верят в его звезду.

— Ну, как наши дела, Спартак? — спрашивает Данилов.

— Никуда он от нас не уйдет.

У Спартак в руках длинный разделенный надвое лист бумаги; слева он вписывает в него тех, кто посещал квартиру Ветланиной, справа — гостей Шатко. Пока еще ни одна из фамилий не появилась в этом списке дважды — в левом и правом, но зато их много, этих фамилий, и работа у Шубина спорится, поэтому успокоенный Данилов уходит к себе.

Через час он снова появляется в кабинете Гаршина.

— Константин Николаевич, я просил выбрать лиц, которые во время кражи искали ценности в книгах. Сделано это?

Услышав недовольный голос полковника, оперативники спешат удалиться, оставив майора и полковника вдвоем.

— Таких трое. Двое из них в заключении, третий живет в Камышине. Проверен. Из города не выезжал.

Черные глаза Гаршина — само спокойствие. Из-за этого вот непоколебимого спокойствия, сознания своей правоты, а не из-за оперативного опыта выбрал в свое время Данилов заместителя. Теперь же оказывалось, что для совместной работы этого недостаточно: настоящего понимания, дружбы между ними не было, как ни старался Данилов.

— МУР ничего нового не сообщил?

— Пока нет.

— Так-так... Вы дали указание подготовить отчет по новой форме?

Видя, что Гаршин ничего не упускает, Данилов переходит к менее значительным вопросам.

— Надо распорядиться, чтобы в отделение служебного собаководства поставили второй телефонный аппарат для прямой связи с дежурным по гор. отделу.

— Как решается вопрос о переводе к нам Налегина? Вы поддержали меня? — спрашивает Гаршин.

— Уже есть приказ. Райотдел сначала ни в какую, потом согласился. Если бы отдавали с радостью, тут я еще подумал бы... Кстати, раз уж мы коснулись вопроса о кадрах, — к нам на оперативную машину просится шофер начальника управления. Как ты на это смотришь?

— Калистратов? Я бы взял, раз просится.

— А я именно поэтому думаю его не брать: сегодня просится к нам, завтра просится от нас. Просится — значит, разборчив!

— Ну, это не так все, — Гаршин хмыкает углубляется в бумаги.

Перед майором несколько рапортов — результаты проверки тех, кто мог совершить квартирные кражи. В них только все «за» и «против», а выводов нет, Гаршин должен решить, проверять дальше этих людей или считать проверку законченной.

Уж этот вечный вопрос: причастен — не причастен, виновен — не виновен! Только в случае поимки настоящего преступника можно окончательно на него ответить. Но не находится же человеку под подозрением, пока преступление не будет раскрыто! Кто-то должен, поверив своему жизненному опыту и интуиции, вынести следовательский приговор: считать версию проверенной или нет.

— Этого нечего проверять, — взяв рапорт, лежащий сверху, говорит Данилов, — в промежутке между двумя кражами он не мог появиться дома и принести из школы ребенка.

— Согласен.

— А Никонов, говорят, в последнее время частенько выпивает, — в руках у Данилова другой рапорт.

— Выпивает, но, судя по всему, он на такие преступления не пойдет. Нет здесь той опасной совокупности: выпивка плюс низкая культура, склонность к насилию... На Востоке говорят: пьянство не порождает пороков, а лишь обнаруживает.

Перед обеденным перерывом неожиданно звонит по телефону Кравченко.

— Константин Николаевич, запишите, пожалуйста, это Монахов Сергей Алексеевич...

— Из Шедшемы? Знаю такого.

— Десять суток, восемьдесят восьмая ячейка, — Кравченко всегда докладывает коротко и только самое главное.

Но Гаршин понимает его с полуслова.

— Так. Скоро сам будешь? — спрашивает он.

— Через час.

— О чем речь? — интересуется Данилов.

— В автоматической камере хранения вокзала, в восемьдесят восьмой ячейке, более десяти суток находятся не востребованные вещи — пиджак, шарф, рубашка. Документов нет. В кармане пиджака колечко с пятью ключами, в том числе двумя от автоматических замков. Вещи эти принадлежат Монахову.

— Все?

— Эти два ключа, по-видимому, подходят к замкам квартиры Ветланиной.

— Так, чудесно, Николаич! — Данилов вдруг словно проясняется, он светится улыбкой, и Гаршину впервые приходит в голову, что домашние, наверное, знают только это лицо Данилова, лицо заботливого и благожелательного хозяина; этот Данилов, что стоит сейчас перед ним, любит порыбачить, попеть ночью песни у костра и, может быть, первый срывается с места, когда кто-нибудь просит поднести к костру веток или воды.

— Это может быть и случайностью, — объясняет Гаршин, — замки-то весьма распространенные. Лицо Данилова снова сурово и закрыто.

— Что представляет собой Монахов?

— О, это «наш» человек... Мы его арестовывали в мою бытность в Шедшеме. Как раз Налегин задерживал. Кличка Монах, ворует из квартир. Но кроме того, берет еще и все, что плохо лежит. Родом из Шедшемского района, там его многие знают, особенно в деревнях, как хулигана.

— Но все-таки он вор?

— Ворует.

— Поднимай всех! — Данилов возбужденно потирает руки и выходит из кабинета, чтобы доложить генералу.

Вскоре появляется сияющий Кравченко. Он узнал даже, где Монах останавливался в Остромске.

— Проспект Чернышевского, номер дома не известен. Двести сорок восемь строений, двадцать шесть учреждений и предприятий, шесть общежитий, — объясняет Кравченко.

— Надо просить подкрепление в школе милиции, — вслух размышляет Гаршин. — Так? Захотят ли?

— А вы им лекцию прочтите. О международной полиции. Они давно просили, — Кравченко щурит бровь, чуть ли не подмигивая майору: он сегодня в ударе, все удается.

Звонок телефона тих и прерывист — так звонит междугородная станция. У телефона скупой на сло-

ва, верный, незаменимый Лобанов, начальник Шедшемской милиции.

— Монахов? — удивленно переспрашивает он. — Мы его сами разыскиваем. Он в детдоме радиоприемник украл и скрылся...

— Наш шефский подарок?

— Да. «Фестиваль». Налегин с Платоновым уехали.

— Так... Налегин знает о переводе?

— Сегодня объявил. Вот Монахова привезет — и к вам.

Положив трубку на рычаг, Гаршин представляет себе утонувшее в снегу по самые окна деревянное здание Шедшемского райотдела милиции, начальником которого он работал более двух лет, уютную, оклеенную светлыми обоями маленькую дежурную комнату, треск поленьев в печи и окна в белом узоре, дежурного, в валенках, расстегнутом белом полушубке, и самого себя, у окна, похудевшего, с повязкой на горле после операции, вслушивающегося в привычный вой метели. Шедшема всегда вспоминается ему с метелями.

НАЛЕГИН

глава 3

К вечеру капитан милиции Налегин и проводник служебно-розыскной собаки Платонов отставали от Монахова всего на три часа. Однако их вороной Грачик уже выбивался из сил. Впереди темнели избы Косихи.

«Делать нечего, — подумал Налегин, — надо дать Грачику отдохнуть. Да и дорогу следует узнать».

Платонов направил сани к крыльцу. Огромный, черный, с желтыми подпалинами Ксанф первым выпрыгнул на снег.

...В избе уже успели убрать со стола, спрятать в буфет початую бутылку самогона, пару граненых стаканов и тарелку с солеными грибами. На скамейке, где несколько часов назад сидел Монахов, рас-

положился с книжкой беловолосый парень в очках — сын хозяина, а отец его, с подоткнутым правым рукавом сатиновой рубахи, инвалид, поставив на стол жестянку с табаком, одной рукой ловко закручивал сигарку. Мокрые следы на полу у двери были аккуратно подтерты.

Монахову было несравнимо легче, чем милиционерам. Он знал здесь все и всех сызмала. Правда, конь у него был похуже Грачика, но зато в санях он был один и гнал ходко. Монахов ехал не таясь, по умятой дороге, через деревни, и, хотя его здесь недолюбливали и даже несколько раз били за разные мелкие кражи, он не боялся, что о нем сообщат в милицию. Он был свой, деревенский, его отца здесь знали и деда. Да и кому это интересно — впутываться в чужие дела?

Налегин сразу оценил и подчеркнуто равнодушное лицо пожилого инвалида и ускользающий за очками взгляд светловолосого паренька с книгой. Что-то подсказывало Налегину, что Монахов не мог просто так, не останавливаясь, проехать мимо этой стоящей на отшибе, у большака избы. А у самого дома зоркий Платонов поднял окурочек сигареты «Прима», свежий, чуть запорошенный снегом, и на всякий случай положил в карман.

— Здравствуйте, — высокий, худой, скуластый Налегин принес в эту тихую, жарко натопленную избу другой мир — тревожный, тот мир, где завывала метель, где люди носили форменные полушубки и оружие и имели право разговаривать с незнакомыми людьми просто и требовательно.

— Добрый вечер. Проходите.

Налегин почувствовал, что здесь, в избе, все его тело покалывает острыми маленькими иголочками озноба. Хозяева ни о чем не спрашивали, давая гостям прийти в себя.

...Если бы погода улучшилась, они бы поймали Монахова еще до ночи. Они и так все время шли по верному следу. Но заманчивый в такую метельную погоду вид Косихи да окурочек, найденный Васькой, поселили в душе Налегина сомнения... Монахов мог

сейчас отсиживаться в одной из соседних деревень, чтобы утром податься в сторону или махнуть прямо на Большой Овраг, и тогда приемника им не видать. Того самого отличного приемника «Фестиваль», который с таким трудом удалось достать райотделу милиции для подшефного детского дома.

Но что делать — надо продолжать погоню, какой бы ни ждал конец, не ходить же по избам в каждой окрестной деревне.

Неужели Монахов, совершив две кражи в Остромске, мог, вернувшись, вот так просто решиться еще на одну? Трудно сказать. Радиоприемник достался Монахову легко — какая уж там охрана в детском доме! Еще не проданы вещи актрисы и писателя, а он уже крадет радиоприемник? А почему не проданы? Может, как раз проданы или спрятаны где-то в надежном месте на год или на два, а пока нужны деньги на водку...

Налегин вздохнул, попросил разрешения закурить и подошел к печке.

— Ну, папаша, метет! — пожаловался хозяину избы Платонов. — Невозможность!

Лицо у проводника было белое, улыбчивое, с ямочками на щеках. Желтая копна волос над хитрыми глазками напоминала развалившуюся соломенную крышу. Васька заметно устал, но в нем и сейчас безошибочно угадывался неунывающий деревенский заводила.

— По-старому у нас февраль, — коротко отозвался инвалид, — «Федоты-Заметоты»!

Парень на секунду оторвался от книги.

— Отец, здесь никто сейчас не проезжал? — спросил Платонов. — Монахов, скажем?

Парень снова был поглощен чтением.

— Погода, видишь, чудак, какая! Не до гостей!

«Наше дело — сторона. Конечно, Монахов порядочная скотина и на всякую гадость способен, — слышалось Налегину в его ответе, — но вы уж разбирайтесь сами, а нас не впутывайте».

Налегин взглянул на часы: еще минут двадцать можно посидеть в тепле. Из сеней время от времени

слышалось потряхивание Ксанфа и постукивание его когтистых лап по звонким от мороза половицам.

— Как себя чувствуешь, Слава? — спросил Платонов, видя, что Налегин прикрыл глаза рукой.

— Все в порядке, скоро едем.

Хозяева, казалось, впервые внимательно и пристально посмотрели в их сторону.

— Дело ваше, — сказал однорукий, продолжая дымить самокруткой, — а то можете заночевать. Если не побрезгуете. Вьюжит сегодня. А ночью метель кончится. Чувствую по своему барометру...

Внезапно он увидел, что Налегин смотрит на остаток сигареты, который Монахов бросил около стола. Перехватив взгляд отца, парень тоже взглянул на пол, а затем исподлобья на Налегина.

— Разлей чаю, — сказал хозяин сыну.

Окурок для криминалиста — неоценимый клад, но сейчас Налегин носком тихонько отшвырнул его, чтобы Васька не заметил и не принялся проводить дознание.

Парень встал и, обернув руку тряпкой, достал из печки чугунок с кипятком. Налегин смотрел, как он ногой еще дальше откинул окурок, потом незаметно поднял его и, ставя чугунок на место, уронил в тлеющую золу.

Налегин думал о том, что есть закон благодарности за гостеприимство, который не позволяет ему, гостю, обогретому в этот морозный вечер чужими, незнакомыми людьми, вдруг взяться за расследование и, предъявив окурок как улику, требовать ответа от своих хозяев.

Конечно, будь на его месте кто-то другой, более бывалый, более находчивый и расторопный, он, пожалуй, смог как бы в шутку, но настойчиво, задавая каверзные вопросы, добиться все-таки чистосердечного рассказа. Но Налегин знал — такая роль ему не под силу. Поэтому он принужден искать Монахова, действуя не самым лучшим, но честным методом — ночной погоней в зимних полях и лесах. Еще ему вдруг вспомнились слова Гаршина: «Если при расследовании были нарушены этические нормы, то

сколько следовательно выигрывает от быстрого и эффективного раскрытия преступления, столько же, если не больше, общество проигрывает потом! Преступники пре-сту-пают мораль, мы — на нее опираемся!»

— Вот чай. Вам, — сказал парень, подавая Налегину большую эмалированную кружку с изображением гор и надписью «Кавказская Ривьера».

Налегин поблагодарил, взял кружку в обе руки и стал не спеша прихлебывать, отогрская ладони. Чай был крепкий, свежий. Налегин пил, пока не за-светлело донышко.

— Ну что ж. Спасибо за чай, хозяева. Спасибо, отец, за тепло, за гостеприимство.

— Не на чем, — хозяин прокашлялся. — На что вам Монахов в такую пору?

— Радиоприемник украл у детей в Клюкинском детдоме.

Инвалид встал, коснувшись головой лампочки. Только сейчас Налегин разглядел его как следует: незапоминающееся землистое лицо, невыразительные глаза — не то серые, не то голубые, вылинявшие, как его старая сатиновая рубашка. И рука. Тяжелая, багровая, перетянутая десятками черных морщин, похожих на глубокие трещины.

— Из-за приемника! В такую погоду! Сколько же он стоит?!

— Да разве дело в этом?

— Нельзя, чтоб воровали у детей, — добавил Васька. Он любил ставить точки над «і», боясь, что не поймут.

— Как вы обычно ездите на Большой Овраг? — спросил Налегин, прислушиваясь к завыванию метели за окнами.

Сын хозяина смотрел в книгу, но Налегин знал, что, пока они с Платоновым были в избе, он не перевернул ни одной страницы.

— Справа, как выедете из Косихи, будет Крестовая Грива, — медленно, как будто вспоминая, начал инвалид.

Васька насмешливо взглянул на него. Налегин уже надевал полушубок.

— Ну что, отец, — сказал Платонов, — прикрой за нами дверь. Покрепче, а то снегу надует.

В сених, чувствуя дорогу, завозился Ксанф. Инвалид вдруг зло чмокнул языком.

— Эх! Ладно. Садись к столу. Не хотел я вмешиваться! Не надо сейчас ехать! Замерзнете к черту! Завтра утром я вас сам отвезу, напрямик. Раньше ни ему, ни кому другому все равно на тракт не выехать. Он в Ельшине заночует...

— Да?! А откуда вы все знаете? — спросил Платонов. — И про метель и про Ельшино?

— Следовательно! — проворчал инвалид и бросил на пол два овчинных тулупа. — Ложитесь.

Было все так, как предсказал инвалид: к утру метель затихла. Когда они выехали на старый тракт, то увидели нетронутый полозьями саней наметенный за ночь снег.

Долго ждать Монахова не пришлось. Со стороны Ельшина показались сани с запряженным в них маленьким рыжим коньком.

Ксанф поднял морду и наострил уши, словно понял, кто едет навстречу. Платонов отвязал конец поводка от саней и взял в руку. Рыжий конек Монахова бежал резво, далеко разбрасывая вокруг себя рыхлый снег. Скрипели на свежем, чистом снегу полозья.

Когда сани приблизились, лицо Монахова, с которого не сходила спокойная нагловатая ухмылка, вдруг напряглось и застыло: он узнал Налегина и Платонова.

Налегин завернул Грачика, перегораживая дорогу.

— Тпр-ру! Стой!

Монахов не был готов к этой встрече и молчал, выжидая дальнейших событий. Платонов подошел к его саням и, ничего не говоря, разворошил сено. В передке, трижды завернутый в заплатанные, но чистые мешки, лежал радиоприемник «Фестиваль»...

Задержанный лег поудобнее в сено и закрылся тулупом, словно заснул. Всю дорогу он ни о чем не говорил, и они его ни о чем не спрашивали, только однажды, когда Монахов приподнял голову, чтобы оглядеться, Налегин сказал:

— Вы в Остромске были двадцать шестого?

— Нет, — ответил Монахов, — чего мне там делать?

Это была явная ложь: область сообщила, что Монахов ездил в Остромск двадцать шестого, и, будь Налегин менее опытным работником, он бы обрадовался этой лжи, как еще одному доказательству причастности задержанного к кражам. Но, поработав в розыске под руководством таких учителей, как Лобанов и Гаршин, он уже знал, что такой вор, как Монахов, готов врать, хотя бы для того, чтобы отвлечь на себя силы работников милиции, чтобы кто-то там в Остромске, пусть даже не известный ему, совершал преступления и лишал спокойной жизни тех, кто сегодня отправлял его в тюрьму за кражу радиоприемника; а мог, впрочем, врать и просто потому, что боялся, как бы ему не пришли чужое дело.

Так что Налегин ничего больше не сказал Монахову, смолчал.

К обеду проехали самый скучный и монотонный участок пути — Кливяческий волок и у сельсовета встретили участкового уполномоченного с дружинниками, сторожившими здесь дорогу на случай появления Монахова.

Участковый уполномоченный поздоровался с Налегинным и передал телеграмму: «МОНАХОВ КРАЖАМ ОСТРОМСКЕ НЕ ПРИЧАСТЕН ВЫЕЗЖАЙ = ГАРШИН».

Налегин показал телеграмму Платонову. Тот покачал головой.

— Ну, радиоприемник мы детям вернули! — Васька был человеком точной, ясной мысли и должен был подвести итог. Но, судя по выражению лица, он был разочарован тем, что не смог сделать большего.

БУМАГИ. БУМАГИ...

глава 4

Гаршин откинулся к спинке стула. Его взгляд скользнул по знакомым, чуть толстоватым мальчишеским губам Налегина и рассыпавшейся по лбу короткой пепельной челке. Гаршину был симпатичен и понятен этот немного сутулый,

костлявый парень, слушавший его, по-ученически подперев кулаками подбородок и чуть приоткрыв рот.

— Теперь знакомься с делом, — сказал Гаршин. — Как видишь, это не просто вор, а убийца. Мы предполагали это сразу...

Он вздохнул и отвернулся. Налегин приступил к делу с той несколько тяжеловатой сосредоточенностью, которая была ему свойственна. Взяв в руки волосы и обхватил сплетенными пальцами лоб...

Постановление... Копии протоколов осмотра... Планы оперативно-розыскных мероприятий... Он любил и хорошо понимал сухой протокольный язык милицеских бумаг и за их формой видел кропотливую, энергичную, сложную и интересную работу своих новых коллег.

«...Установить слесаря, изготовившего внутреннюю щеколду в квартире Шатко, и провести проверку...»

«...Изъять у портнихи-надомницы Киселевой лоскуты шерстяного зеленого материала, оставшегося у нее после пошива платья для актрисы Ветланиной».

«...Образцы похищенных вещей и материалов поместить в витрине для обозрения всего личного состава милиции, членов народных дружин, комсомольского оперативного отряда».

Сбоку почти у каждого пункта неразборчивой скорописью Гаршина было помечено «выполнено», «изъято», «исполнено».

...Рапорты работников милиции... справки... докладные записки... ориентировки в другие области и города... Фотографии... спецсообщения...

В середине розыскного дела Налегин увидел лист

плотной бумаги, и этот лист он прочитал несколько раз, сморщившись и прикусив губу:

«Начальнику отдела уголовного розыска...

полковнику милиции Данилову, гор. Остромск

11 августа 1962 года на ул. Садовой, дом № 6/4 Усть-Покровска примерно в 12 часов на лестничной площадке, рядом с дверью своей квартиры был подобран соседями находившийся в бессознательном состоянии преподаватель Усть-Покровского педагогического института Лазутин С. М., который был тут же направлен для оказания срочной медицинской помощи в городскую больницу, где, не приходя в сознание, 12 августа скончался.

Осмотром места происшествия установлено, что из квартиры Лазутина С. М. был похищен ряд ценных вещей, список которых прилагается. Квартира была открыта неизвестным преступником с помощью подобранных ключей.

С места происшествия изъять следы преступников не представилось возможным.

Одной из наиболее вероятных версий происшедшего является следующая: Лазутин С. М. появился у себя дома неожиданно для преступников во время совершения кражи, и, когда он открывал дверь в квартиру, ему был нанесен смертельный удар тяжелым металлическим предметом по голове. По имеющимся у нас данным, Лазутин в дневные часы обычно был занят в институте.

Обращает на себя внимание факт, что в тот же день в Усть-Покровске ранее несколькими часами были совершены еще две квартирные кражи, сходные по методу совершения с кражей у Лазутина С. М., а также с кражами в Остромске у гр. гр. Ветланиной и Шатько, указанными в вашей ориентировке. Все кражи остаются до настоящего времени нераскрытыми.

Не исключено, что преступления в Усть-Покровске и в Остромске совершены одной и той же группой преступников-«гастролеров».

Начальник отдела милиции исполкома Усть-Покровского райсовета

полковник милиции Родин».

Налегин тревожно взглянул на Гаршина, тот поймал его взгляд и кивнул головой.

— Да. Так оно и есть. Читай дальше.

Это было сообщение из управления Московского уголовного розыска:

«3 марта с. г. в скупочный магазин № 167 гор. Москвы сданы золотые швейцарские часы марки «Аррпегио», механизм на 26 камнях, № 4278412, циферблат светло-серый, имеющий календарь. Часы сдала Тюренкова Маргарита Васильевна, жительница Москвы... Год рождения... работает... несудимая... материалами на нее не располагаем. Одновременно Тюренковой сдан черепаховый лорнет желтого цвета, на ручке изображены цветы, вставлены четыре бриллианта...»

Налегин облегченно вздохнул, перевернул страницу, ожидая, что сообщение это даст розыску новый счастливый поворот. Но дальше шли лишь планы мероприятий:

«...Для оказания практической помощи в раскрытии квартирных краж гр. гр. Ветланиной и Шатко создать бригаду работников милиции в составе... во главе со старшим следователем областной прокуратуры...»

«...Проверить причастность к краже вещей у Ветланиной ее бывшей домработницы Вертопраховой...»

И снова: «выполнено», «установлено», «проверено».

Наконец, синий московский бланк, протокол допроса свидетельницы Маргариты Васильевны Тюренковой:

«3 марта с. г. после работы я поехала по хозяйственным делам в центр и примерно в 16 часов находилась вблизи скупочного магазина, номер которого не помню. Когда я вышла из магазина «Электроприборы», ко мне подошла незнакомая женщина, которая спросила меня, живу ли я в Москве и есть ли у меня с собой паспорт. На мой недоуменный вопрос она ответила, что находится в Москве проездом из Караганды в Донецк, куда едет к отцу. По дороге она хотела сдать в скупку старинные золотые часы и уве-

личительное стекло в дорогой оправе, но от иногородних в магазине вещи не принимают, а в Караганде покупателей на них найти трудно. Еще женщина упомянула о том, что часы и стекло подарила мужу его мать, артистка. О своем отце в Донецке она сказала, что он болен — страдает старческим психозом. Я согласилась ей помочь и сдала указанные вещи в скупочный магазин на свое имя. Пока я сдавала их, женщина находилась на улице, а потом подошла ко мне. За оказанную ей услугу она стала давать мне 10 рублей, но я отказалась. Мы с ней вместе дошли до центра, где и расстались, предварительно обменявшись адресами. Она проживает в Караганде по улице Советской, 16, кв. 6, зовут ее Ниной, фамилию я не запомнила. Ее приметы: на вид 35—40 лет...»

«Остромск начальнику уголовного розыска полковнику Данилову

Караганда 9364 5363 1620 интересующее вас лицо Караганде указанному адресу не установлено = Севастьянов...»

«Проверкой семей лиц страдающих старческим слабоумием находящихся на учете психоневрологическом диспансере Донецке данных представляющих оперативный интерес не добыто = Афонин»

Здесь же была и телеграмма какого-то сверхдисциплинированного начальника поселкового отделения милиции, дававшего, видимо, одинаковые ответы на все получаемые им сообщения:

«На территории Вихровского поселкового отделения милиции преступники совершившие кражу вещей гр. гр. Ветланиной Жабко не обнаружены положительно в случае сообщим дополнительно = начальник Вихровского ПОМ Горецвет»

Отдельно были вшиты документы, касавшиеся проверки Монахова: протокол осмотра вещей, оставленных Монаховым в камере хранения, справка из вытрезвителя о том, что 26 февраля с 10 часов до 15 дня гр. Монахов занимал койку № 27 и не расплатился за место и медицинское обслуживание, и написанный зелеными чернилами, а потому особо выделявшийся рапорт курсанта средней школы милиции:

«Мною установлено, что Монахов ночевал в доме № 36 по проспекту Чернышевского у своих родственников и 26 февраля 1963 года вечером был отправлен в нетрезвом состоянии за их счет назад, в Шедшему. По объяснению родственников Монахова, последний говорил им, что в камере хранения на вокзале находятся его вещи, но ввиду опьяненного состояния номер ячейки вспомнить не мог. Прилагаю заявление родственников Монахова, поданное мне при посещении».

«Товарищ начальник в связи что после отъезда родственника по жене Монахова у нас пропали все ключи от дома, от сарая и от работы прошу дать указание участковому милиционеру чтобы принял меры охраны от родственника по жене Монахова до полной смены всех замков. Харин».

Синтаксис записки, не по умыслу автора близкий к телеграфному, не вызвал, однако, улыбки у Налегина, слишком озабоченного сутью дела, чтобы обращать внимание на форму. Он думал только о том, что надо удержать в голове и систематизировать все разношерстные сведения, содержащиеся в розыском деле.

«Проверкой по дому № 16 Советской улицы в Остромске лиц, схожих по приметам с разыскиваемой женщиной, не установлено. Никто из прописанных в доме лиц в начале марта с. г. вне пределов города не находился.

Оперуполномоченный ОУР капитан милиции Шубин».

Следующий документ был подписан бывшим оперативным уполномоченным, отлично знавшим когда-то весь остромский преступный мир и уже долгое время находившимся на пенсии. С этим удивительным стариком, ходячей энциклопедией уголовного розыска, Налегин познакомился еще студентом на практике. В милиции заслуженного оперативного работника называли коротко и уважительно -- «Чека».

«В 1953—1954 гг. аналогичным способом, то есть с поиском ценностей на книжных полках, среди книг, — писал Данилову «Чека», — совершались кра-

жи вором-рецидивистом Ряхиным, находящимся в настоящее время на свободе».

Налегин расцепил пальцы, поднял голову.

— Ряхина еще не проверяли, Константин Николаевич?

— Сегодня или завтра проверим. Он сидит дома, а Данилов хотел бы за ним еще немного понаблюдать.

— А протоколы по его прошлым кражам не поднимали?

Гаршин хмыкнул: Налегин так и остался примерным учеником и по строгой академичности мышления и по манере обращаться к старшим.

— Они здесь. — Майор позвонил по телефону. — Прошу вас, занесите дела.

Гаршин так и остался преподавателем, подумал Налегин, любимцем старшекурсников: все так же вежлив, предупредителен, суховат.

Еще несколько минут каждый молча занимался своим делом: Налегин читал, а Гаршин просматривал корреспонденцию на тонкой папиросной бумаге, колыхавшейся от его дыхания.

В одном из дел по обвинению Ряхина, пятьдесят шестого года, протоколы осмотров — и здесь Налегин узнал Гаршина — были заложены аккуратными белыми листочками, остро заточенным карандашом были подчеркнуты наиболее интересные для них места...

«Лежащие на третьей полке книги находятся в беспорядке. По заявлению потерпевшего Шидловского, неизвестные лица, проникшие в квартиру, вынули из шкафа, а затем вновь поставили на место в ином порядке тома Большой Советской Энциклопедии с двадцать пятого по тридцать первый».

Память действительно не подвела «Чека» — три другие кражи, описания которых имелись в деле, также имели эту особенность.

...Полковник Данилов вошел в кабинет, как всегда, быстро и неожиданно. Налегин поднялся как-то рассеянно, придерживая одной рукой пухлое дело, которое только что перелистывал. Гаршин заметил, что распрямлялся он не сразу, а словно тугое лезвие

складного ножа — сначала с трудом, будто неохотно и лишь затем бодро, даже энергично. Данилов не спускал глаз с нового работника.

— Вот что, Гаршин... Ты знаешь, я человек прямой и люблю говорить правду в глаза, — говорил Данилов через час, когда в кабинете, кроме него и заместителя, никого не было, — не нравится, как ты народ подбираешь. Какой-то научный кружок организовал, школу для одаренных! Все эти нейлоновые сорочечки, галстучки с заколками, шерстяные рубашечки, обручальные колечки! Наша работа требует других... Кравченко, докладывали, даже в такие напряженные дни подбирает факты для научной работы. Мне и вообразить такое трудно! Ты уже не в институте, Гаршин! Сейчас этот Налегин. Я его вижу впервые, но уже понял, пока он только подымался со стула... Ну, что ты скажешь?

— Вопрос трудный. Дело обстоит так: либо мы только ловим преступников, либо и ловим и, главное, боремся с преступностью, — Гаршин сделал паузу. — В зависимости от этого подбираем кадры. Во втором случае нужны люди вдумчивые, с аналитическим складом ума, в первом — бесстрастные, но сообразительные топальщики.

— Высокомерно, Гаршин! — Данилов вплотную подошел к столу, навис-над майором. — Эти топальщики не знали, что такое семичасовой рабочий день. В холод, в дождь, в стужу — всегда на ногах. Эти топальщики — простые люди. Они все отдавали, выполняя приказ! Поклониться им надо!

— Ты меня не понял. Я говорю не о том, хорошие эти люди или плохие, а о том, в каком качестве мы их используем, как учим работать. Вот в чем дело. И может, они не такие уж простые, это мы хотим видеть в них простых.

Данилов повел головой, словно пытаясь высвободиться из узкого воротничка.

— Всегда ты ускользаешь... Разве хорошо ловить преступников — не значит бороться с преступностью?

— Значит. Но это далеко не все. Преступников ловят более тысячи лет, а с преступностью мы по-настоящему боремся несколько десятилетий.

— Постой. Так это все понимают! Профилактика преступлений...

Данилов еще более насупился: в «теоретических» разговорах он всегда терялся и прибегал к первым попавшимся под руку аргументам.

— Как ты думаешь, когда впервые было высказано, что предупреждать преступления очень важно? — спросил Гаршин.

— Ну... В пятьдесят шестом? Пожалуй, раньше. Примерно в пятьдесят четвертом!

— Раньше! Радищев писал: «Лучше предупреждать преступления, нежели оные караты!» И Вольтер это утверждал, и Марат, и Добролюбов, а в наши дни даже буржуазные юристы... И все же лучше всех сказал Маркс: «Мудрый законодатель предупредит преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него». Однако только социализм даёт возможность действительно предупреждать преступления. Но с топальщиками этого не сделать!

Данилов хотел возразить, но тут в коридоре раздался топот ног, а через секунду в комнату без стука ввалился Шубин. Лицо его светилось румянцем, запотевшие очки он держал в руке.

— Ряхин на улице! Ребята стерегут его у крытого рынка!

— О! Хорошо! — полковник мгновенно поднялся со стула и повеселел. — Берите с новеньким мою машину и поезжайте. Сначала поводите его по городу, потом сюда! Ну, ни пуха ни пера! Топальщик!

Шубин выбежал.

— Налегин еще не знает всего дела, — Гаршин снова уселся за бумаги. — Рано его посылать... Не по душе мне вся эта операция...

— Его задача — задержать Ряхина. Для этого знание всего дела не обязательно, — отпарировал Данилов.

— Об этом-то и был у нас спор, — заключил Гаршин.

УЛИЦА ПОЛНА НЕОЖИДАННОСТЕЙ

глава 5

Шубин стоял в толчее рынка, у выхода из овощного ряда, и шелкал кедровые орешки. Ряхина не было довольно долго, и Шубин начал было беспокоиться, но, наконец, «объект» появился на высоких каменных ступенях, ведущих к

овощному ряду, и осмотрел внимательным взглядом прохожих. Закурил.

Ряхин был в том возрасте, когда в походке, в фигуре, в выражении лица начинают появляться невнятные еще, но все же заметные для опытного глаза признаки старости. Одет он был странно: теплая мохнатая потертая заячья ушанка контрастировала с прорезиненным легким плащом.

Налегин стоял по другую сторону улицы, за трамвайными путями, среди покупателей, столпившихся у табачного киоска. Он хорошо видел рябоватое невыразительное лицо Ряхина, на котором застыло выражение нерешительности и раздумья.

Справа из-за поворота показался красный двухвагонный трамвай. Он с лязгом и звонками подтягивался к остановке. Когда большинство пассажиров уже вошло, а точнее, втолкнуло друг друга в трамвай, Ряхин прыгнул со ступеней и помчался к остановке. И тут же вместе с другими людьми, бежавшими от ворот рынка и от табачного киоска, к вагонам устремились сотрудники угрозыска. Шубин, успевший к передней площадке раньше Налегина, замешкался там, не давая водителю закрыть дверь, пока его товарищ не оказался на второй подножке прицепа.

Проехав всего лишь одну остановку, все трое — Ряхин, Шубин и Налегин — вышли из трамвая с разных площадок, и пути их, казалось, должны были разойтись, но непонятная сила притяжения, действовавшая на них все это время, мгновенно нашла их в уличной суматохе, стремительно втянула в боковую улицу, построила трезубцем и погнала вперед.

По улице Ивана Сусанина Ряхин уже не шел, а почти бежал, и Налегин, поджав локти, как ходок-марафонец, с трудом продирался среди прохожих. Он не видел никого и ничего, кроме заячьей шапки, даже не шапки, а только серого клочка меха, то пропадавшего, то вновь возникавшего впереди, метрах в двадцати, в самой гуще людей.

— Слепой? — поинтересовался кто-то над его ухом и тут же исчез позади, как встречный катер.

Коричневая пыжиковая шапка Шубина со спущенными наушниками мелькнула слева и чуть впереди, она выплеснулась, словно рыба из воды, и тут же словно ушла в глубину, — стало ясно, что Шубин чувствует себя в толпе легко и свободно.

«Только бы не отстать, — подумал Налегин, — в Шедшеме я совсем разучился ходить в толчее».

Если бы Ряхин внезапно обернулся, то не мог бы не заметить, что из всех пешеходов они трое идут в одном ритме, в ногу, словно в незримом строю, непроизвольно пристраиваясь к направляющему, то есть к нему. Но Ряхин не оборачивался, он все шагал и шагал, не интересуясь ни витринами, ни прохожими, как будто задался какой-то чисто спортивной целью, и Налегин частил за ним и по-прежнему видел впереди только его — так начинающий шахматист, не в силах обзреть все шахматное поле, сосредоточивает внимание лишь на фигуре, которая должна ходить.

Улицу ремонтировали. Налегин заметил это, когда путь преградили деревянные щиты, выступавшие почти до половины проезжей части. Прохожие огибали препятствие и, минова крайний щит с красной предупредительной лампочкой, снова сворачивали на тротуар. Ряхин уже миновал эту теснину, исчез за щитами; Налегин, торопясь, тоже обогнул препятствие, и тут — в долю секунды — проезжая часть очистилась от прохожих. Налегин шестым чувством угадал опасность, отпрянул в сторону. Взвизгнули тормоза. Зеленый потрепанный ГАЗ-51, груженный мебелью, резко затормозил, и его мгновенно занесло, так что шкаф, стоявший в кузове, упал на стулья и раздался густой звон толстого зеркального стекла. Хлопнула дверца

кабины, и краснолицый верзила с влажными, хмельными глазами двинулся навстречу виновнику — перепуганному подростку, без шапки, с густой светлой шелухой. В руке верзила держал заводную ручку, и паренек, оцепенев и не пытаясь бежать, прикрыл голову руками.

Шубин прошел мимо, краем глаза заметил уличное происшествие и продолжал следовать за Ряхиным, пока лишь спустя некоторое время не почувствовал впереди какую-то почти ощутимую пустоту. Он остановился. Ряхина поблизости не было, Налегина тоже. Шубин обернулся и увидел, что его напарник стоит между шофером и каким-то пареньком, предостерегающе подняв руку. Его пальто поползло вверх, и ноги в мятых узких серых брюках казались особенно длинными и худыми, да и вся поза была немного смешной, недостойной оперативника, изучавшего приемы самбо и бокса. Прохожие наблюдали за сценой с тротуара, и среди них Ряхин. Он, прищурившись, смотрел на Налегина, не догадываясь о том, что сам играет не последнюю роль во всей этой истории.

— Дай им раз! — крикнул шоферу с тротуара какой-то любитель острых ситуаций. — Лезут небось под машину сами! А шофер отвечай!

Шофер был выше Налегина и, очевидно, гораздо сильнее, но он остановился в нерешительности, мрачно глядя на светловолосого паренька через голову неожиданного защитника.

— Да чего на него смотреть! — раздался с тротуара все тот же голос.

Но у мальчика нашлись и защитники:

— Поразрыли вокруг...

— Тут хочешь не хочешь, под машину полезешь!

— Да он же пьяный! На мальчишку замахивается...

Ряхин бросил на Налегина одобрительный взгляд и пошел дальше. Тут же исчез и Шубин.

— Тебе чего надо? — спросил шофер, поводя ручкой.

В это время неожиданно появился маленький, ростом в каких-нибудь полтора метра, шустрый старши-

на милиции в больших валенках с галошами, полушубке и с палочкой регулировщика, висевшей на кожаном ремешке, как сабелька.

— Ваши права и путевку! — крикнул он фальцетом и помахал палочкой.

Теперь Налегин смог обернуться. Ни Ряхина, ни Шубина не было видно.

— Вот такая вышла история, Константин Николаевич, — закончил Налегин свой рапорт из ближайшей телефонной будки. — Да, да, я все понимаю, все. Но могло произойти серьезное несчастье, шофер был пьян. Что? Шубин потерял Ряхина?

Он вышел из будки и остановился, стараясь собраться с мыслями. Шубин, ловкий, везучий Шубин, как мог он оплошать? Конечно, одному вести наблюдение трудно. Может быть, Шубин не видел задержки и понадеялся на него, Налегина?..

— Дяденька!

Налегин обернулся и увидел паренька с густой светлой шевелюрой, недавнего своего «крестника». Он курил, пряча сигарету в ладонь, как это делают школьники, не доросшие до права открытой сигареты, и улыбнулся той спокойной и вместе с тем застенчивой улыбкой, которая, как знал Налегин, отличает ребят, успевших близко познакомиться с «улицей», но и не порвавших еще с домом: такие могут быть и первыми учениками и первыми задирами.

Другой бы на месте этого подростка убежал, довольный тем, что все обошлось и никто не требует никаких объяснений и не грозит пожаловаться родителям, а этот вот пошел следом, подумал Налегин. Забавный мальчишка!.. А в доме у него не все ладно, это чувствуется. Отец пьет... Или его вовсе нет, отца. Такие парни всегда отличаются чем-то неуловимым от более счастливых сверстников.

— Ну что, гуляешь? — спросил Налегин.

— Гуляю, — сказал парнишка, отставив ногу.

— Ну, тогда проводи.

Они молча дошли до управления. Налегин шагал

размашисто и думал о том, как ушел Ряхин и какое это может иметь значение для исхода дела.

— Ну что, зайдем ко мне? — спросил Налегин, когда они остановились у серого трехэтажного здания милиции.

Парнишка присвистнул.

— Вы здесь работаете?

— Здесь, а что?

«Крестник» покачал головой.

— Ну и ну! Вот не думал...

— Так зайдешь?

— Нет! Чего я там потерял?

— Смотри... Как звать-то?

— Веренич Алька. Ну, спасибо, что выручили!

Он снова покачал головой в изумлении от нового знакомства и зашагал прочь. Вдруг остановился, крикнул:

— А как вас там отыскать?

— Спросишь Налегина из угрозыска.

— Может, и зайду...

Налегин посмотрел вслед: милиция ему, видите ли, не нравится. Ничего, после сегодняшнего дня он будет относиться к этой милиции лучше. Хоть маленькое, но приобретение в день большой потери.

Предвкушая неприятный разговор с Гаршиным, он медленно поднялся по ступенькам. Да, случайность, принявшая облик этого светловолосого мальчишки, который имел неосторожность сойти с тротуара в тот момент, когда рядом проезжал пьяный лихач, нарушила всю тщательно продуманную операцию.

Можно знать, даже не раз испытать на себе силу случайных совпадений, странной игры непредвиденных обстоятельств, но привыкнуть к этому нельзя.

Люди, ведущие борьбу с преступниками, стараются предусмотреть все. Но они не в состоянии предусмотреть случайности. Она может вмешаться в любую минуту и либо свести на нет усилия многих талантливых и трудолюбивых людей, либо, напротив, затмить мгновенным сиянием все великолепные планы, которые так и остаются на бумаге, упрежденные случайным открытием, неожиданным успехом.

...Вот и теперь, в день преследования Ряхина, дыхание случайности коснулось Налегина, и было оно отнюдь не радостным.

Но, поднимаясь к Гаршину, он не мог знать, что под горестным слоем неприятностей скрывается счастливая случайность иного рода — знакомство с Алькой Вереничем.

КАК ОПРОВЕР- ГАЮТСЯ ВЕРСИИ

глава 6

— Ряхина доставили! — шепнул Налегину маленький Ферчук. Он стоял в коридоре у дверей машбюро, незаметный на фоне серой стены, и сообщал работникам угрозыска одну и ту же новость.

— Да? — удивился Налегин. — Но ведь Шубин звонил, что потерял...

— А потом нашел! Потерял при посадке в автобус и позвонил Гаршину, а потом случайно встретил у «Гастронома». Думаешь, здесь что-то не так? — Ферчук пытливо заглядывал Налегину в глаза.

— Нет, не считаю...

...Спартак Шубин сидел у себя в кабинете на подоконнике и жадно курил. Рубашка на нем была расстегнута, худощавый, мускулистый, он чем-то напоминал хоккеиста, только что сбросившего спортивные доспехи.

После окончания института Налегин видел своего однокашника лишь дважды, мельком, и встречи эти были мимолетны: «Ну, как дела?», «Ну заходи!» В институте Налегин и Шубин не дружили. Не было между ними и вражды, они просто жили рядом. Их интересы не пересекались. Налегина вообще мало кто знал вне группы, а Шубин был известен всему институту.

С первых же дней учебы у него обнаружилась масса знакомых среди старшекурсников, особенно среди институтских знаменитостей. Его видели то с известным нападающим институтской сборной, то с выгнанным впоследствии с четвертого курса за драку саксо-

фонистом. Лишь на последнем курсе, лишившись старших приятелей и покровителей, вернулся он к «своим», но группа встретила его холодно.

При распределении Шубину неожиданно повезло: сразу в Москву, в главк. Через полтора года он внезапно вернулся в Остромск капитаном милиции, и вскоре в управлении только и стало слышно: Спартак обнаружил, Спартак задержал, Спартак считает. Говорили, что в главке он в чем-то проштрафился и зарабатывает право снова вернуться в Москву.

Налегин с любопытством смотрел на этого нового, незнакомого ему Шубина.

— Устал?

— Не говори! Как ты потерялся, он на такую рысь перешел — еле догнал.

— Я не потерялся.

— Я видел, ты парню хотел помочь, а Ряхин тебя на колот, и пришлось отстать. Я понял! Между прочим, не надо рассказывать Данилову эту историю. Лучше... Ну, скажем, ты пошел устанавливать человека, с которым Ряхин поздоровался на улице.

— Уж как было, так было... А где Ряхин?

— Его Данилов допрашивает. Ну как, со всеми у нас перезнакомился?

— Нет еще. Вчера вечером приехал.

— Познакомлю.

— Всем в кабинет Гаршина! — в комнату заглянула молоденькая секретарша. — Данилов собирает оперсостав.

Шубин потушил сигарету о подошву ботинка и бросил в угол, точно попав в урну.

— Пойдем, шеф не любит, когда опаздывают.

— Товарищи! — сказал Данилов, поигрывая карандашом. — Мы подошли к новому этапу — работе над одной из наиболее вероятных версий. Сделано много, выявлены очевидцы и подозреваемые. Опрошено много людей. С приметами преступницы, сбывавшей краденые вещи в Москве, ознакомлен актив. Из МУРа нам выслали ее фоторобот, — Данилов

взял со стола снимок, показал собравшимся. — Скоро каждый из вас получит несколько экземпляров. Кроме того, не все еще знают — товарищ Шубин, задержавший в довольно сложных условиях Ряхина, накануне с помощью участкового уполномоченного установил свидетеля Доброва, видевшего преступников у подъезда, где живет Шатько.

Шубин сделал серьезное лицо и еще ниже нагнул голову.

— Этому свидетелю Доброву будет предъявлен Ряхин!

Данилов, скрывая одобрительную улыбку, которая все же проскользнула в уголках полных губ, еще раз взглянул на Шубина и тут же на краснощекого, застенчивого лейтенанта из отдела кадров, который всегда присутствовал на важных оперативных совещаниях, выполняя свои важные инспекторские задачи. К нему привыкли, но о нем не забывали, и, одобряя поступок кого-нибудь из работников уголовного розыска, Данилов порой непосредственно обращался к нему, и лейтенант, чувствуя на себе взгляды оперативников, краснел, поправлял воротничок или галстук и поспешно понимающе кивал головой.

— Продолжаю. Ряхин, как мы знаем, в прошлом совершил ряд квартирных краж, за которые отбыл наказание. Характерная черта его способа краж то, что он всегда искал в книгах спрятанные деньги. В квартире Шатько преступник тоже просматривал книги. Если взять раскрытые и не раскрытые нами кражи последних лет, мы этой особенности не увидим. И тут нельзя не обратить внимание на то, что Ряхин вернулся в город недавно, к своей первой жене, и даже еще не прописался. Участие в краже он отрицает, проверить алиби нет возможности, так как в день кражи его жены не было дома. Наверное, всех интересует вопрос: «А как же кражи и убийство в Усть-Покровске?» Пока можно сказать одно — ничто не мешало Ряхину выехать туда для совершения преступления. Остальное предстоит проверить. Все!

— Надо проверить, не работал ли Ряхин на Голубиной горе. Может, он бывал в доме, где живет Шать-

ко, — поднялся рядом с Налегиным Ферчук. Он говорил очень тихо, почти шепотом. Ферчук считал своим долгом на любом совещании сказать хоть несколько слов. — И еще: нет ли у Ряхина родственников или знакомых в доме Ветланиной?

— Проверим. Пожалуйста, Спартак!

— Тут есть еще одна деталь: после того как товарищ Налегин был вынужден, — Шубин нахмурился, — был вынужден ввиду серьезных причин прервать наблюдение, Ряхин свернул в переулок и прошел к книжному магазину. И тут он замедлил шаг, явно рассматривая обложки книг. Думается, подобные психологические нюансы заслуживают внимания. Но, в сущности, я не об этом. Допрашивать Ряхина будет следователь прокуратуры, но, по-моему, было бы лучше, если бы вместе с ним участвовал в допросе кто-то из работников розыска или сам начальник. Все-таки опыта работы с уголовниками у нас больше...

— Учтем. Что скажет наш новый работник?

Налегин уже хорошо знал, что скажет. Эта мысль пришла к нему внезапно, когда он слушал Шубина, и настолько убедительно ниспровергала заманчивую версию, что казалась невероятной. Он встал и опустил руки, замком переплетя пальцы.

— Шубин говорил о том, что Ряхин проявлял интерес к книгам на витрине, это действительно очень интересная деталь. Для Ряхина книги, наверное, особый объект. Но это тем более доказывает, что он выбран нами совершенно случайно.

По кабинету прошел шумок.

— Не понимаю, — строго сказал Данилов и бросил быстрый взгляд на лейтенанта из отдела кадров.

Гаршин же, сидевший до того с опущенным к столу лицом и над чем-то напряженно размышлявший, поднял голову и заметно оживился.

— Мы знаем: Шатько прятал деньги в книги, так что преступник искал деньги на полке стеллажа не зря. То есть он знал, где должны быть деньги. Книги в другой комнате он не тронул — очевидно, у него были сведения, что там он ничего не найдет. Там действительно ничего не было. Преступник не тронул ни од-

ной книжки у Ветланиной, а Ряхин всегда искал ценности в книгах. Я прочитал все показания потерпевших по его последним делам — ни один из них никогда не прятал деньги в книги, но Ряхин все равно их искал там. Так, судя по приговорам, он поступал со времени своей первой крупной кражи, когда в третьем томе энциклопедии Брокгауза и Эфрона случайно обнаружил залоговый билет...

Наступило молчание. Новый оперативный уполномоченный ставил под сомнение главную версию.

И тогда на колеблющиеся весы легло замечание Гаршина.

— И еще одно обстоятельство, подкрепляющее сомнения Налегина, — сказал майор, — мы ищем преступника небольшого роста, а Ряхин высокий... — И, словно предвидя возражения, майор увеличил груз: — Характерной особенностью кражи у Шатько еще одна деталь — бумажная трубочка, обнаруженная в коридоре. Об этой уловке многие из нас знают только по ориентировкам других органов милиции. Свернутую трубочку преступник вставляет снаружи в замочную скважину, нажимает на звонок и удаляется. Если в квартире находятся хозяева, они открывают дверь, обнаруживают бумажку и выбрасывают ее, полагая, что это проделки школьников. Если хозяев нет, трубочка остается в замочной скважине... Как видите, способ проверки хотя и не нов, но довольно редкий. Так вот, Ряхин к трубочке раньше никогда не прибегал. Мое предложение: тщательно изучить «почерк» преступников, скрывающихся от следствия и суда. Скорее всего здесь мы найдем разгадку...

— Согласен, — сказал Данилов. Он успел уже взвесить силу доводов, высказанных Налегиним и Гаршиным. В конце концов это были его работники, частица созданного и возглавляемого им аппарата, и, соглашаясь с ними, он соглашался с самим собой.

— Товарища Налегина прошу остаться, остальные могут быть свободны, — сказал Данилов, закрывая совещание.

Шубин бросил Налегину сочувственный взгляд и исчез в дверях последним, блеснув стеклами очков, —

как всегда, легкий, спортивный, энергичный. Хотя со-
вещание закончилось не так, как хотелось бы ему, и
неожиданные доводы оппонентов как-то затемнили
роль Шубина в задержании Ряхина, капитан и не по-
дал виду, что огорчен. Прежде всего он был челове-
ком действия, готовым признавать все сложности и
противоречия работы и следовать новым путем.

Данилов с удовольствием проводил Шубина
глазами.

— Садитесь ближе, — полковник показал Налегин-
у на стул и, взяв тяжелую папку, постучал ребром
по настольному стеклу. Посмотрел на своего сотруд-
ника и снова постучал. — За сегодняшний случай во
время наблюдения за Ряхиным я вас накажу, — ска-
зал он наконец.

Налегин кивнул головой.

— А если бы преступник сбежал?! Если бы Шубин
упустил его?! Или вы уверены, что Ряхин не замешан
в кражах?

— Нет. Не уверен.

— Дело по этим кражам на контроле в Москве.
Вас послали на задержание, и надо было выполнять
приказ. Без вас бы обошлось с этим шофером, народу
было много.

Не так и не о том говорил полковник, но Налегин
и не пытался возражать, потому что сам осознавал
свою вину. Если бы Ряхин действительно оказался
вором и убийцей и если бы он ускользнул от угрозы-
ска, то наделал бы немало дел. Может быть, поступок
Налегина, по-человечески понятный и естественный,
даже благородный со стороны, стал бы причиной ги-
бели других людей... Было важно именно это.

Конечно, его, Налегина, следовало наказать, но
все-таки... все-таки те люди, чью жизнь, возможно,
он спасал, охотясь за Ряхиным, были фигурами умо-
зрительными, далекими, а мальчишка, прикрывший
светловолосую голову руками, был реальным, живым,
близким.

— ...У нас бывает: иной работник простейшего по-
ручения выполнить не может, как начнет рассуждать...
Куда там! Тут же во всем найдет изъяны!

Данилов говорил громко и несправедливо — наконец-то можно было сорвать на ком-то зло и раздражение этих последних недель неудач и растерянности.

Налегин понимал это, и ему было стыдно за своего начальника.

СТРЕЛЯНАЯ ПТИЦА

глава 7

Человек стоял в подъезде и прислушивался. В руке его была туго набитая потертая хозяйственная сумка.

Убедившись, что на лестнице тихо, человек быстро поднялся на пятый этаж и дважды коротко нажал кнопку звонка у одной из квартир, затем дал еще один длинный звонок.

Снизу кто-то хлопнул дверью. Человек с сумкой бесшумно метнулся к противоположной двери и замер, подняв руку к звонку. Освещенная кабина лифта проплыла рядом, и человек, оглядевшись, теперь уже не спеша вернулся к прежней квартире.

Наконец громко щелкнул внутренний замок.

— Ну и серьга у тебя — на весь дом слышно! — зло сказал гость, тихо прикрыв за собой дверь.

— Зато ф а й н ы й!

Женщина была несколько полноватой и грузной, но, каждый раз встречаясь с ним, колючим, хитрым, выглядевшим гораздо старше своих сорока семи лет, она снова чувствовала себя девочкой — той бойкой, худенькой, с тоненькими косичками девочкой, которая умела находить общий язык с пестрой, необузданной блатной компанией, собиравшейся у ее старших братьев.

— Все в порядке? — спросила она.

— Вроде все. У дома только какой-то парень уж очень глазел.

— Говорила — помылся бы в ванной! Нет, ему, видите ли, парная требуется.

— Ничего! Меня не просто взять! — Лицо у него было темное, сухое, загорелое под нездешним, щед-

рым солнцем, широко посаженные серые глаза смотрели зорко.

— Ладно. Что ты все таскаешь в сумке?

— Так, вместо документа.

— Ишь ты... Ну, проходи в комнату.

Но он остановился в дверях кухни и с интересом наблюдал за ней. Она открыла холодильник и достала бутылку «Российской», с непривычной глазу новой этикеткой и золотистым станиолевым горлышком. В ослепительно белой глубине холодильника на решетчатых полочках стояли мелкие тарелки с ветчиной и другой закуской, какие-то баночки, бутылочки с разноцветными ярлычками...

— Обзаводишься? — сказал гость с одобрением и тут же добавил, уже с усмешкой: — Видно, сто лет собираешься прожить.

— Женщины живут долго! — стуча тонкими, на металлических стерженьках каблуками, она понесла водку и закуску в комнату. — Медицина утверждает: на десять лет дольше, чем мужчины. Садись.

— И ты тоже. Постой, — сказал он, взявшись за бутылку. — Достань вон те маленькие рюмки с полки. Хрусталь? — он ущипнул ногтями край рюмки, прислушался к звону. — Хороши. Ну, как живешь?

— Обычно... Как мать родила, с тех пор и мучаюсь.

— По тебе не видать.

Они чокнулись. Гость спокойно вылил содержимое рюмки себе в рот, не поморщившись, так, как переливают жидкость из меньшего сосуда в больший, и взял корочку черного хлеба.

Выпили еще, и глаза у хозяйки стали молодыми и блестящими. От третьей рюмки гость отказался.

— Больше двух не пью.

— Да, ты все такой же...

Тогда она выпила одна. Гость отодвинул в сторону бутылку, как предмет, уже ставший ненужным, и приготовился слушать.

— Живут на улице Володарского, дом десять. Улица шумная, самый центр. На втором этаже. Дом большой, но тихий. Народу в нем мало. Я там три раза была, и никого на лестницах нет. Два замка стандартных.

Семья — три человека: муж работает на заводе конструктором, приходит домой поздно, она — учительница. Оба пожилые. С ними живет ее мать, пенсионерка. Каждое утро уходит по магазинам. Напротив один сосед, олигофрен... Как тебе проще объяснить? Ну, идиот... Инвалид с детства. Одеваются хорошо. Куш здесь верный.

— А деньги?

— Во второй комнате в шкафу старая дамская сумочка. В ней золотой заем. Пачка приличная. Старуха при мне из сумочки удостоверение пенсионное доставала. И еще что-то там брякало, как кольца.

— Может, просто ключи?

— У меня на золото слух тонкий: трамвай не услышу, а рыжее и за тремя стенами учую.

— Что верно, то верно. Завтра покажешь дом.

— Я не ручаюсь, что пенсионерка проторчит все утро в магазинах...

— Тебе беспокоиться нечего. Пенсионерку я беру на себя. Знаешь, как это называется у юристов?

— Нет, — она пододвинула бутылку, налила себе водки и, не закусывая, выпила.

— Экссесс исполнителя. Запомни. Это когда один из соучастников делает что-то, не посоветовавшись с остальными. Он за это один и отвечает. Запомнила? Экссесс исполнителя.

— А я думала, как-нибудь пострашнее, — женщина была уже пьяна.

— Соседи твои из сто четырнадцатой квартиры все еще не приезжали? — делая вид, что не слышал ее последних слов, спросил гость.

— Алексеевские? Нет. Они на полгода уехали. А что?

— На всякий случай. Тип этот у дома уж очень на меня глазел.

Она снова потянулась к рюмке, но, встретившись с его суровым взглядом, остановилась, медленно отвела руку.

— Не думай ни о чем. Не дурмань голову. У меня свидетелей не бывает. Поняла? Нет свидетелей! Ни одного! И не будет!

...— Ты мне, Калистратов, в четвертый раз рассказываешь, что был в бане, — сказал Шубин, — два раза по телефону рассказал и два раза вот, лично. Ну, был ты в бане, попарился, увидел мужчину с наколками, поехал за ним. Ну и что? Ты меня срочно вызвал, а время-то ограничено, пойми!

— Ты меня просил, если что подозрительное замечу, чтоб сразу тебе звонил, даже дежурному не докладывал, — обиделся Калистратов. — Если ты мне не веришь, я могу и другого оперработника найти. Я даже к Гаршину могу сходить...

— Ну, чем же все-таки этот человек показался тебе подозрительным? — спросил Шубин уже мягче: ссориться с шофером начальника управления было неблагоприятно.

Они разговаривали у угла большого семиэтажного дома рядом с остановкой троллейбуса. Уже зажглись уличные фонари. Оттепель окружила огни влажным желтым ореолом.

— Посуди, зачем ему было ехать в баню на проспект, если он здесь живет? Ведь, наверное, пошел бы в баню, которая ближе к дому?! Подумаешь, какой римлянин выискался!

— Ты мне свою начитанность не показывай, Калистратов. Может, та баня лучше?

— Не лучше, а хуже! Это уж точно!

— Ладно, это ты потом установил, откуда он приехал... А сразу чем он тебе «показался»?

— Он в бане мылся — загар такой, просто как в тропиках побывал... Там у него один спрашивает: где, брат, загорал — на юге, что ли? А он говорит: на сенокосе...

— Ну-и что?

— Так где ж на сенокосе ноги загорят? Косцы в портках ходят... Ну, ежели какой в трусах дурень — так не в плавках же! А у этого плавки были... И наколка у него — таких у деревенских не бывает.

— Это уж зависит от того, кто его колол. Иной для форса кожи не пожалеет...

— Ладно. Еще одно: если он считает, что баня на проспекте лучше, значит, ездил уже... Почему же

маршрута не знает? Тут прямо девятнадцатый троллейбус ходит, а он поехал сначала седьмым, а потом перешел на девятнадцатый, уже на площади. Крюку какого дал! А может, он нарочно путал, а?

— А ты никогда не ошибался троллейбусом? — миролюбиво сказал Шубин. — Знаешь, сколько за день таких «подозрительных мелочей» можно рассмотреть в Остромске? На сто уголовных розысков хватит!

— Почему же он не вошел в подъезд, как все люди, с улицы? А обогнул дом и вошел со двора. Да еще постоял в подъезде ни с того ни с сего! И пешком потопал!

— Откуда ты знаешь, что он в подъезде делал?

— А я с улицы в этот же подъезд вошел. Открыл дверь и тоже стою слушаю. Он стал пешком подниматься, а я на лифт — гляжу, он стоит на пятом этаже, звонит в сто четырнадцатую квартиру.

— Ну ладно, — махнул рукой Шубин, — я ведь не отказываюсь: проверю его. Ладно.

Шубин с самого начала понял, что человек, которого увидел Калистратов, действительно интересен, хотя вряд ли может иметь отношение к кражам, совершенным в Остромске. Установление личности неизвестного «гастролера» было делом трудоемким и при сложившейся оперативной обстановке в городе прошло бы не замеченным начальством — этого никак не мог уразуметь честный и простодушный Калистратов. И чтобы поставить точку, капитан спросил уже другим, чуточку извиняющимся голосом:

— Весна-то как наступает? Чувствуешь, старик?

Калистратов не ответил: сегодня вечером он хотел подготовиться к контрольной по тригонометрии, очень важной контрольной, особенно для выпускников вечерней школы. Пришлось оставить: как же, «не проходите мимо»... Не прошел! А вместо благодарности — недоверие, усмешка...

«Ладно, проверю, быстренько... Не ко времени, правда. Но что делать? Главное, раскрыть бы эти кражи, — думал Шубин, переминаясь с ноги на ногу: он понадеялся на мимолетность проверки да на насту-

пающую весну, надел демисезонное пальто и теперь мерз, — тогда не буду торчать вот так на улице. Заместитель начальника отдела уголовного розыска капитан Шубин! Звучит! Главное — идти прямо к цели, не отвлекаться на пустяки. В следующий раз, если Калистратов еще о чем-нибудь сообщит, нужно отдать другому. Себе оставлять такое, чтобы наверняка, «в цвет». Да... А если этот тип, чего доброго, до утра из дома не выйдет?! Ну и влип! Если Калистратов вообразит себя сыщиком, проходу больше не даст. Надо бы его отшить — красиво, чтоб придирок не было...»

Троллейбусы приходили уже полупустыми. Людей на улице становилось меньше, но окна в домах светились в полную силу.

— Вот он! — сказал вдруг Калистратов.

Сухощавый немолодой мужчина с хозяйственной сумкой в руке подходил к остановке.

Шубин сделал несколько шагов навстречу, даже не пытаясь скрыть чувство радости.

— Извините. Из уголовного розыска. Разрешите ваши документы.

Мужчина, ни слова не говоря, подчинившись просто, без возмущения, поставил сумку на тротуар, растегнул пуговицу за пуговицей пальто и полез во внутренний карман пиджака.

— Пожалуйста! Вот-та, справка из колхоза.

Шубин скользнул глазами по потрепанной, износившейся бумаге, разорванной в местах перегиба.

— А в сумке что?

— Эх! Чего же у нас в сумке! — сказал мужчина и, нагнувшись, с каким-то ожесточением стал выкладывать прямо на тротуар один за другим небольшие белые батоны, именуемые покупателями просто «по тринадцать».

— Я вижу, вижу: хлеб, — остановил его Шубин.

— Нет уж, все смотрите, до конца, — он выложил еще с десяток белых батонов, начатую буханку черного хлеба, надкусанный кусок соленого огурца, завернутый в мокрый кусок газеты, и, наконец, показал на дне сумки пустую четвертинку.

— Прячь, хватит, — сказал Шубин, не оглядываясь на Калистратова.

— Приехал я к Алексеевским, они деревенские, оттуда, от нас, в сто четырнадцатой квартире живут, — продолжал колхозник, не дожидаясь расспросов, — их никого дома нет! Съездил в баню, помылся, вернулся, опять никого нету. Подождал-подождал в коридоре. Ну, надо назад собираться.

— Сейчас я сбегаю в сто четырнадцатую, — сорвался с места Калистратов. — Пусть он побудет здесь.

— Спрячьте хлеб, — сказал Шубин. Ему не нравилось, что прохожие останавливались, с интересом поглядывая на необычную сценку.

Мужчина не спеша, аккуратно стал укладывать батоны.

— Действительно, нет их никого дома, — уныло сказал Калистратов, вернувшись. — Я с соседкой разговаривал... Уехали.

— Ну что, поведете меня куда-нибудь? Пожалуйста, я с вами пойду! Я-то на рынке остановился, в Доме колхозника, в коридоре вторую ночь буду ночевать: местов нет...

Калистратов как зачарованный смотрел на белые батоны в сумке.

— Ладно, — сказал Шубин, — поезжайте. Вот ваш троллейбус подходит.

— Ну, так покудова! Извините, если что не так.

— До свиданья.

Они прошли несколько шагов, глядя вслед отъехавшему троллейбусу.

— Колхозник, а хлеб на грязный тротуар клал, — сказал вдруг Калистратов. — И куда ему столько батонов? Вроде уж не то время. У нас в деревнях сейчас пекарни понастроили — будь здоров дают продукцию...

— Ладно. Пока, — сказал Шубин.

— А насчет загара что он сказал?

— Слушай, — сказал Шубин, — ты парень наблюдательный — это хорошо. Учишься нашему делу — тоже хорошо. Но ни один повар не любит, когда

заглядывают в кастрюли... Понимаешь? Я проверил его и отпустил. Тебе спасибо. В общем заходи!

— Зайду, — сказал Калистратов, но по тону его голоса понятно было, что не зайдет.

Из управления Шубин позвонил в Дом колхозника.

— Чего? — спросила какая-то старуха. — Нету тут никого... На ремонт закрылись... Летом приходите!

— Пройдоха какой-то! — сказал Шубин, бросив трубку. — Черт с ним.

В отделе Шубин об этом случае докладывать не стал. Он никогда не докладывал о своих промахах.

— Богато жить стали! — сказал на следующее утро дежурный по горотделу, принимая забытую кем-то сумку, наполненную белыми батонами. — Раньше бы никто никогда хлеб не забыл.

— Стучат, как поленья, — сказал помощник, — наверное, дней десять назад купали.

— А где нашли сумку?

— В троллейбусе. Около вокзала.

— Ну ладно. Пиши акт на списание.

ИЗДЕРЖКИ СЛЕДСТВИЯ глава 8

— Вам кого? — спросила соседка Ряхина. Она открыла дверь ровно настолько, что Налегин смог увидеть только седой клоч волос, очки и маленький сухонький носик.

— Нужно поговорить. В домоуправлении сказали, что вы можете помочь. — Налегин поборол в себе искушение поставить ногу на порог, чтобы дверь не захлопнулась.

Старушка еще плотнее прикрыла дверь. Из узкой щелки донесся голосок:

— Кто вы будете?

— Работник милиции, — он протянул в щель красную книжку.

Женщина взяла удостоверение и исчезла, прихлопнув дверь. Налегин слышал, как в глубине квартиры

раздался мужской скрипучий голос. Наконец дверь широко распахнулась.

— Заходите. Я проведу вас к мужу... Я не могу решать дела без мужа...

Она повела его через полутемный коридор к маленькой двери, чуть слышно поскребла ее пальцами и неожиданно громко закричала:

— К тебе можно, Леонидик? Он слышит плохо, — тут же пояснила старушка.

Они вошли в небольшую комнатку, выходившую окнами во двор. Верхняя фрамуга окна была приоткрыта, а на софе, сбоку от двери, закутавшись до самого подбородка в теплый плед, лежал человек по имени Леонидик. Налегину были видны только голубые глаза, не по-старчески острые.

— Прихворнул немного, — кивнула женщина в его сторону, — в кухне простудился. Он сам готовит, мне не доверяет. Инженер, в пищевой промышленности работал! — добавила она с гордостью и тут же представилась сама: — А я бывший библиотечный работник.

Голубые глаза чуть улыбнулись.

— Скажите, когда можно застать дома вашего соседа?

— Днем он всегда дома, — ответила женщина, — только сегодня его нет. Вчера ушел около десяти и больше не возвращался.

Вторая половина ответа соответствовала положению вещей — в этом у Налегина сомнений не было.

— А в другие дни, ну, например, двадцать шестого февраля, он был дома?

— В другие дни он вообще не выходил днем из дома. Я же вам говорю.

— Но почему вы так уверены?

Старушка улыбнулась.

— Когда вы будете в моем возрасте и соседи будут вашим единственным обществом, поймете, почему я уверена. Мы ведь с мужем никуда не ходим... Иван Данилович с тех пор, как приехал, все время днем находится дома, а без пятнадцати шесть идет встречать жену.

Это «Иван Данилович» в отношении Ряхина, известного в угрозыске под многими кличками, но никак не по имени-отчеству, странно резало слух.

— У вас с этой датой ничего не связано? — зашел Налегин с другого конца. — Вам когда пенсию приносят?

— Двадцать шестого февраля? — старушка задумалась, подняв брови над проволочной дужкой очков, потом подошла к мужу и, наклонившись, громко крикнула в самое ухо: — Леонидик, давай посмотрим в твой реестр, мы Машеньку Комиссарову не двадцать ли шестого поздравляли с днем рождения?

Она достала откуда-то из-под старичка толстую тетрадь в дерматиновой обложке, водрузила на нос мужа свои очки и стала переворачивать страницы перед его глазами. Она могла бы, без сомнения, посмотреть сама, но, видимо, по установленному в их маленькой семье порядку «реестром» ведал только он, глава семьи.

Налегин ждал, оглядывая комнату: подшивка журналов «Здоровье», старомодная соломенная шляпка с украшениями на проволочках, горка промытых и просушенных станиолевых крышечек от молока и кефира. На гвоздике у двери было наколото несколько бумажек, исписанных аккуратным почерком, настолько мелким, что Налегин не мог разобрать ни слова.

Наконец старик нашел нужную запись и безучастно прошептал:

— Двадцать седьмого у Машеньки был день рождения, телеграмму мы давали накануне.

— Ну вот! — обрадовалась старушка, сворачивая тетрадь. — Совершенно верно. Я ходила давать телеграмму в Томск и оставляла мужа на присмотр Ивана Даниловича... Сами понимаете, такой у нас возраст.

— Сколько же вам лет?

— Догадайтесь.

Он задумчиво дернул себя за мочку уха.

— Вам шестьдесят пять, мужу, наверное, столько же...

— Вот и не угадали! — обрадовалась старушка и подошла к кровати. — Слышишь, Леонидик, товарищ уполномоченный говорит, что мне шестьдесят пять лет.

Леонидик слегка подморгнул Налегину голубым глазом.

— Мне, молодой человек, семьдесят четыре года, а моему мужу восемьдесят пять.

...Уходя, Налегин все же прочитал надписи на бумагах, висевших у двери: «11 марта. Простокваша без пос., 2 бутылки 32 коп., булочка городская 7 коп., сырки 30 коп.»

Да, на показания этих людей можно положиться!

...Но все же по дороге он зашел на почту и отыскал квитанцию.

Все было верно: в 11 часов 23 минуты 26 февраля жена бывшего специалиста пищевой промышленности отправила телеграмму из двадцати двух слов в город Томск, подруге детства Комиссаровой М. Я.

Версия о Ряхине была близка сердцу Данилова: она позволяла надеяться на быстрое раскрытие преступления. Поэтому, выслушав сообщение Налегина, Данилов послал к супругам-пенсионерам более приткого и везучего Шубина, чтобы тот еще более глубоко и настойчиво потолковал со старичками, которых мог попросту запугать сосед-уголовник...

Гаршин же, ни минуты не мешкая, снял всех оперативников с проверки этой версии и тут же безжалостно снова разбросал по городу с иными, более сложными заданиями.

Весь этот день Данилов и Гаршин не виделись и не разговаривали друг с другом. Наконец уже вечером Данилов, усталый, но не сердитый, не нервный, как в последние дни, а словно бы внутренне успокоившийся, пришел к своему заместителю.

— Да, Николаич, Добров Ряхина не признал, а Шубин подтвердил сообщение Налегина... Так-то... Но ведь ничего в том нет, а? Не слишком ли мы все драматизировали? Сами на себя нагнали страху! А?

Не раскрыты две квартирные кражи в Остромске. Почему мы решили, что они обязательно связаны с убийством в Усть-Покровске? Конечно, плохо, что кражи не раскрыты. Но ведь и раньше какие-то кражи мы не раскрывали, или раскрывали не сразу... Почему мы решили, что наш вор — убийца?

— Не надо успокаиваться, — покачал головой Гаршин. — Думаю, все обстоит так, как показалось нам с первого раза.

— Это интуиция тебе говорит?

— Интуицию можно рассматривать как анонимное сообщение. Оно может быть и правильным... Обстоятельства кражи у Шатько еще до получения сигнала из Усть-Покровска предупредили, что мы имеем дело с убийцей.

— Хм... Но с прошлого года у нас остались три нераскрытые кражи. Если бы мы стали тогда поднимать вокруг них такой же шум, как в этот раз, мы бы наверняка нашли аналогичные преступления и в том же Усть-Покровске и где-нибудь в Могилеве. А может, и на Сахалине.

— Может быть... Но мы должны удвоить усилия, а не расслабляться. Первое — это поиски наводчика, второе — самого преступника. Я не могу отделаться от мысли, что это кто-то из скрывающихся от следствия, прожженный, опытный...

— Я видел: ты истребовал из архива дело Кокурина. Кому думаешь его поручить?

— Если у тебя не будет возражений — Налегину.

— Я буду рад, если ему удастся что-то сделать, — добродушно ответил Данилов и усмехнулся. — У нас в отделе, кажется, нет сотрудника, который бы в свое время не занимался розыском Кокурина. Ну ладно. Как у нас с беседами на предприятиях, Гаршин? Я в последнее время как-то упустил их из виду.

— Все идет по графику, я слежу, — успокоил Гаршин.

— А с ночным дежурством оперсостава?

— Нормально.

— Молодцом, — Данилов не мог не оценить кипуче-

чую натуру Гаршина: усилиями заместителя отдел продолжал действовать целеустремленно, четко, дисциплинированно. — Со свидетелем Добровым не забывают ходить по городу?

Последующие дни не принесли никаких изменений: Кравченко разыскивал своих «гастролеров», Налегин сидел над делом Кокурина, Ферчук и другие оперативники по очереди ездили со свидетелем Добровым по городу, отыскивая следы неизвестных мужчин, выходивших в день кражи из дома Шатько.

В субботу с утра по распоряжению Гаршина Шубин и Кравченко выехали с Добровым в соседний городок Агатурово и весь день безрезультатно слонялись по его похожим друг на друга улицам.

Городок был деревянный, выросший из лесного рабочего поселка. От вокзала через центр шла улица длиной в пять или больше километров. Она была длинная и узкая, как небольшая речка, и, как речка, свободно извивалась среди домов и магазинов. По обеим ее берегам, как набережные, тянулись тротуары.

Оперативники ходили пешком. Сначала они входили в каждое кафе, каждый магазин — все трое, потом стали входить только Добров и Кравченко, а еще позже — один Добров. Выходя, он, не глядя на Шубина и Кравченко, пожимал плечами, и все трое шли дальше.

К вечеру они уже знали Агатурово как свои пять пальцев и свободно ориентировались в его извилистых улочках и переулках. Ближе к центру людей на тротуарах становилось все больше, а сам тротуар был полон деревянным гулким стуком по всей своей длине от вокзала до фанерного комбината.

У проходной комбината было много народу. То и дело подходили маленькие комбинатовские автобусы. У зеленых ворот стояла охранница — молоденькая девушка с высоким начесом волос над белым крахмальным воротничком и с карабином на худеньком плече. Вокруг нее толпились агатуровские ребята.

Оперативники пропустили мимо себя две смены — кончившую работу и заступавшую в вечер, но лицо Доброва, вглядывавшегося в каждого проходящего мимо человека, было по-прежнему непроницаемо.

— Надо еще на танцплощадку пройти, — сказал он, отходя от проходной. С тех пор как он из счетовода Доброва благодаря случайности превратился в свидетеля Доброва и стал принимать участие в розыске, мнение его о своих сыскных способностях сильно повысилось и он уже посматривал свысока на разъезжавших с ним оперативников.

Городской сад в Агатурове оказался неожиданно большим, густо заросшим деревьями и кустарником. В одном из уголков, у забора, приютилась танцевальная площадка, огороженная высоким штакетником. Танцующих было мало, и по возрасту никто из них не подходил.

На вокзал пришли задолго до отхода местного поезда. Пассажиров в вагонах было мало: дачники, несколько одинаковых одетых мальчишек — кеды, спортивные брюки и голубые испанские шапочки с кисточками. Добров остался курить у справочного бюро, а Шубин и Кравченко прошли в вагон.

Здесь была довольно большая компания молодежи.

— Садись, — мигнул Шубин Кравченко, устраиваясь неподалеку от них.

Молодые люди вели себя шумно. На их скамейках громко смеялись. Потом тянули жребий, кому бежать за мороженым. Кравченко незаметно наблюдал за полной голубоглазой девушкой. Она смотрелась в маленькое квадратное зеркальце и что-то напевала, забыв об окружающих. Поймав на себе взгляд Кравченко, девушка вынула из сумочки шоколадную конфету и начала есть, держа конфету прямо перед собой и откусывая маленькими кусочками. Кравченко отвернулся.

— Валька! Саломатин! — крикнула тут же девушка в середину вагона. — Приветственную речь приготовил?

Чернявый паренек в полосатой шерстяной кофте поднялся и заговорил громко, легко, без всякой иронии. Томной, вялой рукой он помогал своей декламации.

— Боги туризма! Отцы геологии! Текст вашего пригласительного послания, отлитый в бронзе, будет навечно выставлен нами у порога шестой лаборатории...

Кравченко почувствовал вдруг у себя на плече чью-то руку и обернулся. Добров стоял сзади, одновременно подавая знак обоим оперативникам.

— Вот они! — показывая на Саломатина, прошептал Добров. Он вел себя так, как будто не получал ни от Данилова, ни от Гаршина никаких инструкций на случай встречи с преступником. — Вот они! — повторил он пронзительно свистящим шепотом.

Паренек в полосатой кофте продолжал репетировать, голубоглазая девушка время от времени искоса поглядывала на Кравченко.

— Ты только не ври, Саломатин, — раздался из тамбура громкий и звучный бас, — ты говори по жизни: все как есть! — Энергичный короткорукий толстяк в массивных очках двигался по проходу между скамьями, раздавая пачки с мороженым. — Ты скажи, что находящиеся в отпуске сотрудники некоего института, получив приглашение посетить Клуб путешественников...

Шубин метнул на Доброва недобрый взгляд.

В это время тихо, а потом все быстрее и громче застучали моторы. Электричка плавно двинулась с места под задорную туристскую песню. Толстяк отбивал такт на скамейке, и от его полновесных ударов на сверкающих никелем полочках для багажа еще сильнее подрагивали рюкзаки, палатки, штор-мовки.

Кравченко не сразу сообразил, что от него хочет чернявый паренек, которого все называли по фамилии — Саломатиным. Он стоял перед ним с какой-то брошюрой и авторучкой, а голубоглазая девушка смеялась. Вся компания с любопытством наблюдала за ними.

— Он хочет подарить вам свою работу. С автографом, — смеясь, крикнула девушка, — на память о встрече! Он проиграл мне пари.

— Спасибо, — неловко улыбнулся Кравченко.

— Кому? — бесстрастно, выполняя каприз дамы, спросил Саломатин. Кравченко на минуту замялся.

Шубин привстал и посмотрел название брошюры — «Еще раз к вопросу о параметрах космических кораблей». В. Саломатин».

— Напишите: «Славному сыщику А. И. Доброву», — сказал он.

Саломатин удивленно качнул густыми бровями, но ничего не сказал.

— Пожалуйста.

— Гора родила мышь, — подвел вечером Данилов итог этой поездки.

Налегин повесил пиджак на спинку стула и снова пододвинул к себе розыскное дело Кокурина в обложке зеленого, порванного уже в нескольких местах картона. С внутренней стороны обложки рядом с записью «подшито и пронумеровано триста (300) листов» был приклеен большой из грубой шершавой бумаги конверт с фотографиями. Их было немало, этих фотографий, сделанных по всем правилам опознавательной съемки — в одну седьмую натуральной величины. Кокурин был снят в фас и в профиль, сидящим на специальном стуле, который, как утверждали специалисты, обеспечивал «правильное положение головы и непринужденную позу».

Но были в конверте и другие снимки. Налегин — в который раз — присматривался к трем мальчишкам, изображенным на желтом плотном листе матовой фотобумаги. Каждый из мальчишек, жестко и прямолинейно поставленных перед объективом, держал в руках какое-либо вещественное доказательство совершенного преступления — кто пачки папирос стопкой, кто бутылки вина, кто кульки с конфетами. Под снимками можно было разобрать выцветшую подпись:

«Воровская группа Бубна, совершавшая кражи из палаток».

Кольку Кокурина поставили в этой группе посредине. Как знак отличия главаря шайки, как скипетр или гетманскую булаву, он держал металлическую фомку, видимо тяжелую и ржавую, с раздвоением на конце. Воришек сфотографировали после допроса, когда они уже во всем признались, и на их лицах были написаны стыд и недоумение: они не знали, зачем понадобилось фотографировать их в таком виде. Наверное, не знал и тот, кто фотографировал. А может, он считал, что унижение — один из видов борьбы с уголовной преступностью.

Вот еще любительский снимок: Кокурин и несколько ребят, возможно его будущих соучастников, рядом с военным легчиком. У летчика открытое, смелое лицо и большой лоб...

А вот Кокурин во весь рост у шаткого, на трех тонких ножках столика, рядом с высоким фикусом. Он делает вид, что разливает по стаканам вино из большой бутафорской бутылки. Рядом с ним еще двое молодых парней, а за ними белая шапка рыночного Эльбруса и сбоку вытисненный золотом штамп: «Госфотография № 2».

Налегин любил эти редкие часы в отделе уголовного розыска, после дневной суеты и спешки, без телефонных звонков, без шарканья подошв в коридоре, без стрекота пишущих машинок.

Ты остался один в своем кабинете после работы. Часть лампочек в коридоре из экономии выключена, шуршит шторой ветер, прорываясь в форточки. Непривычно тихо вокруг, полумрак... Ты листаешь старое розыскное дело, закладываешь нужные листы нарезанными тобою же аккуратными полосками бумаги, делаешь пометки. Устав, пересаживаешься на старый диван и откидываешься на его холодную спинку. Из зеркальной черноты окна на тебя смотрят знакомые, резко, контуром, очерченные в стекле молчаливые свидетели твоих бесконечных усилий — настольная лампа с изогнутой птичьей шеей, матово поблескивающий графин, стопка книг... И два ли-

ца — то, что охвачено квадратом рамки, длинное, большеглазое, со впалыми щеками, остренькой бородкой, и второе — твое собственное, в общем не такое уж знакомое, неизученное лицо; лицо человека, которого ты склонен поругивать, в ком готов находить изъяны.

Ну подумай же! Догадайся! Итак, взрослый уже человек, не парнишка, находится в тюрьме, с ним часто разговаривает работник оперчасти, опытный чекист. И этот работник пишет, что заключенный Кокурин, кажется, начинает прислушиваться к его словам. Бубен берет в библиотеке книжки! Какие? Вот их список: «Маугли», «Жизнь леса», «Рассказы натуралиста»...

Конечно, легче всего предположить, что Кокурин стремился вырваться из того круга людей и понятий, в котором он заточил себя с детства, о его стремлении к чистоте, искренности, правде, прибежищем которых виделся ему мир природы. Но разве не могло быть и по-другому? Вот если бы ему, Налегину, удалось встретиться с людьми, которые лично знали Кокурина! Где, например, сейчас Телятник? Может, его не так уж трудно будет разыскать? И все-таки этот список книг — в пользу Кокурина...

Но недолго пробыл Налегин в одиночестве, несуетно размышляя над старыми бумагами. В кабинет, внеся с собой сырой, по-весеннему тревожный запах улицы, вошел Шубин и с размаху бросил свое сухощавое, крепкое тело на диван, так что пружины заскрипели.

— С Ряхиным ты был прав... Давно не ворует. Оказывается, в леспромхозе даже в дружине состоял. Порядок наводил в дни получек. Представляешь, с красной-то повязкой!

— А ты еще на него нажимал!

— Это мой метод. — Шубин сел поудобнее и с удовольствием потянулся. Когда он разговаривал с Налегиним наедине, покровительственно-снисходительное выражение словно исчезало с его энергичного худого лица, украшенного очками в модной оправе. — Я сам его разработал. Я прикидываюсь чуть

глупее, чем есть, недоверчивым, подозрительным. И такой вот Ряхин, человек неглупый, дорожающий свободой, начинает меня опасаться. Он решает мне помогать. Он рассуждает так: «Черт его знает, вобьет себе такой Шубин в голову, что я совершил преступление, — не за это, так за другое посадит! Скорее бы этот дубак нашел настоящего виновника!»

— Зачем тебе это? — искренне удивился Налегин.

— Чудак! Он-то лучше нас знает преступников!

— Я не о том. Какого он будет мнения о работах уголовного розыска?

— Не обязательно плохого. В конце концов что важнее — мнение Ряхина или поимка убийцы, то есть спасение чьей-то жизни, даже жизней?

— Да разве уважение к милиции не играет никакой роли? Разве оно не останавливает преступников? — Налегин снова стал похож на примерного ученика, разъясняющего соседу по парте то, что говорил классный руководитель и что пролетело мимо ушей.

Шубин откровенно усмехнулся: все, о чем говорил Налегин, звучало слишком абстрактно.

— Я уже несколько краж так раскрыл. Это дороже благих побуждений.

— Пойми: ты растрачиваешь моральный капитал, который нажит до нас. Ты ставишь подножку тем, кто придет на твое место после...

— Ох, Налегин, смотри ты на вещи проще! Не хочется мне с тобой ссориться сегодня. Как говорится, пусть время рассудит. А время многое прощает победителю. Все-таки людям нужны практические достижения. Слушай! Какие у тебя еще соображения по делу?

— В обоих случаях преступник точно угадывал места хранения ценностей. Это самая характерная деталь в аналогиях. Тут зарыта собака.

Примерный ученик не должен делать тайны из того, что знает его первая заповедь...

— Ты считаешь, что в обоих случаях был один наводчик?

— Да. Учти, что и в Усть-Покровске «работа» такая же тонкая... Матерый преступник вообще обходится минимальным числом сообщников. А как поживает твой свидетель Добров?

— А, Добров! Он видел двух людей, выходивших в тот день из подъезда, где живет Шатько. Приметы их, сказал, хорошо запомнил. Стали проверять — запутался. В общем ходим пока с ним по городу, но надежд уже нет...

Когда Шубин ушел, Налегин просидел еще с час, подготавливая запросы по Кокурину. Интересно, каким способом он совершал свои наиболее удачные квартирные кражи? Не находили ли при осмотре мест происшествий бумажных трубочек, как в квартире Шатько? Надо истребовать уголовные дела прошлых лет, решил Налегин. Почему, кстати, оперативники так редко ими интересуются? Спешка?

Но после Шубина кабинетная работа как-то не клеилась, что-то нарушилось в ее ритме. Налегин отправился через коридор в комнату Кравченко, который занимался проверкой преступников - «гастролеров».

— Давай съездим к Ветланиной, — предложил Налегин товарищу, — ты уже знаком с ней, а то неудобно — поздно!

— Она раньше и не освобождается. А ты что хотел?

— Показать фоторобот. Еще раз. А заодно и фото Кокурина.

Они уже собирались выехать, когда в кабинет без стука заскочил какой-то совсем немислимый в эту пору, обгорелый, облупившийся на солнце паренек лет шестнадцати, в тесном пальто и грязных кедах. Он бойко обвел глазами кабинет.

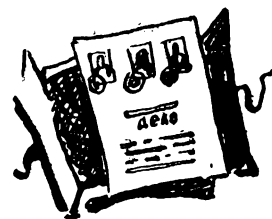
— Спартак нет?

— Нет.

— И сегодня его больше не будет?

— Нет. Может быть, у тебя что-нибудь срочное? Мы все вместе работаем.

— Нет, — категорически отказался парень, шмыгая носом и притопывая кедами, — мне Спартак ска-

зал: «Прямо ко мне». Вы просто передайте, что приходил его Юный Друг.

Кравченко и Налегин переглянулись.

— Юный Друг?

— Мы с ним так договорились. Он поймет.

И, сверкнув веснушками, гость растаял.

— Проворный юноша, — сказал Налегин.

— Они оба проворные, — вздохнул Кравченко, взъерошив свою каштановую шевелюру, лучшую шевелюру в Остромском угрозыске. — Показатели у меня хуже шубинских, раскрываю хуже, но вот таким мальчишкам заданий по розыску я не даю. Пусть учатся в школе, читают книжки, занимаются спортом. Уголовщина не поле деятельности для тимуровцев. Причем обрати внимание: он служит не делу, этот Юный Друг, а определенному лицу!

— Мне уже показывали эту фотографию, — сказала Ветланина, прищурившись и держа фоторобот в вытянутой руке далеко от глаз, — по-моему, женщину, похожую на эту, я где-то видела. Но где? В магазине? В поликлинике? А этого никогда не встречала.

И Налегин и Кравченко были убеждены, что именно Ветланина могла дать ключ к раскрытию преступления, что в ее памяти под пока не известным ни ей, ни им девизом хранился портрет соучастника или соучастницы преступления. Но фоторобот — портрет слишком условный, чтобы вызвать поток прямых ассоциаций. Сотрудникам угрозыска оставалось только задавать наводящие вопросы в надежде на случайную случайность.

— Может, какая-то женщина ошибалась номером квартиры, спрашивала какого-то Иванова, Петрова, Сидорова?

Ветланина отрицательно качала головой. Налегин сидел в уютном кресле задумчиво, и вид у него был такой, словно он по рассеянности может просидеть здесь до утра.

**ГОСТИ ИЗ
ШЕДШЕМЫ**
глава 9

Капитан Лобанов и Василий Платонов приехали в Остромск рано утром. Лобанов — на комиссию в поликлинику, оформлять пенсию, а Платонов — на совещание проводников служебного собаководства.

С поезда они прошли не к городскому автобусу, а к синей милицмейской машине, стоявшей под часами, у выхода из вокзала: с десятичасовым поездом, как правило, приезжал кто-нибудь из начальников райотделов, посыльных, поверяющих, и дежурный подсылал к его прибытию вместительную синюю линейку.

Молодой белобрысый шофер — это был Калистратов, — сидя на высоком сиденье, орудовал пилочкой для ногтей. Он мимоходом взглянул на Лобанова и Ваську.

— Слушай, друг, мы из Шедшемы, из райотдела, — сказал капитан Лобанов шоферу, — подвезешь до управления?

Калистратов, не глядя, кивнул на кузов.

Лобанов и Платонов поставили свои чемоданы в кузове, рядом с лежавшим посередине запасным колесом, и снова подошли к кабине.

— Гаршин как? Работает? — спросил Лобанов, предлагая шоферу папиросу. — Он оттуда, от нас. И Налегин, старший оперуполномоченный.

— Ничего, оба работают. А курить не курю, — сказал Калистратов, — в одной папиросе яда больше, чем на целую лошадь! Я как раз позавчера лекцию об этом слушал.

— Зачем же ты слушал, если не куришь? — удивился Платонов.

Шофер еле удостоил его взглядом.

— А затем слушал, что хотел начать курить. И подумал: все-таки надо перед тем, как курить начинать, сходить на лекцию — узнать, к чему это привести может. Переживания у меня были, вот и хотел закурить.

Причину своих переживаний Калистратов не объяснил, но и Лобанов и Платонов поняли, что шофер перед ними не совсем обычный и, следовательно, лежит эта причина скорее в сфере служебной, нежели личной.

Вскоре к машине подошли пожилой капитан с чемоданчиком и еще двое из связи.

— Садитесь, — кивнул Калистратов капитану, — а ты, Штураков, — он обратился к тому из работников связи, что был помоложе, — если пользуешься библиотекой, существующей на общественных началах, то будь добр книги в срок сдавать, потому что в такой библиотеке все на сознательности должно быть. А нет — запишись в массовую библиотеку, — пилочка Калистратова все еще быстро скользнула вокруг пальцев, образуя многочисленные касательные к окружности, — пусть тебя там потом открытками вызывают.

— Чего он? — поинтересовался Васька в кузове у обиженного шофером Штуракова.

— В уголовный розыск его на машину не взяли. Вот он и злится, а как выбрали библиотекарем на общественных началах, так от него совсем никакой жизни не стало. То принеси в срок, то отсрочь в срок, то подклей... А где я ему подклею, если мы с ним вместе в общежитии живем и у нас там никакого клея нет, а то он не знает? Я и в самом деле лучше в другую запишусь... Теперь вот взялся в институт готовиться, так, веришь ли, ночами сидит, все конспектирует.

— Поехали! — крикнул Калистратов из кабины и нажал стартер.

— Надо было Налегину телеграмму дать, чтобы встретил, — немного громче, чем следовало, сказал Платонов.

Лобанов, подумав, кивнул. Он сидел на деревянной лавке бочком, глядя в окно, и Ваське вдруг бросилась в глаза густая сетка морщин на твердом, словно вырезанном из дерева, лице старого начальника. Морщины, сужаясь, сходились к углу глаза, как меридианы к полюсу на географической карте. В при-

вычной обстановке, у себя в Шедшеме, Платонов вряд ли бы обратил на это внимание. «Совсем постарел», — сочувственно подумал Васька.

Машина шла быстро и плавно. Чувствовалось, что шофер знает свое дело, а кроме того, ему, возможно, не терпится скорее вернуться к своей пилотке, о которой он очень просто мог тоже услышать на какой-нибудь популярной лекции.

Прямо за вокзалом начинался заводской район — корпуса цехов перемежались с высоченными трубами, огромными металлическими резервуарами, подъемными кранами. Виднелись мачты высоковольтных электрических линий. Мимо окон машины бежали закопченные кирпичные заботы, лязгающие железные ворота с круглыми башенными часами у заводских проходных. Машина то и дело чуть подпрыгивала, пересекая железнодорожную колею на переездах.

— Сильно понастроили! — с уважением вздыхал Лобанов. — Не узнать.

Вскоре замелькали новые корпуса областных Черемушек, магазины, овощные и промтоварные палатки. Наконец машина остановилась.

На здании управления, по обе стороны высоких массивных дверей, висели две одинаковые черные вывески с крупными золотыми буквами. Двери не оставались закрытыми ни на минуту: то и дело в подъезде появлялись новые люди в форме и в гражданской одежде, козыряли вахтеру или показывали пропуска.

И, с уважением поглядев на эти черные доски, на спешивших вокруг сотрудников, Лобанов и Платонов как-то сразу подтянулись, по привычке поправили на себе одежду и, в чем-то разом неуловимо переменившиеся, сосредоточенные и даже чуть-чуть торжественные, прошли в здание.

— Налегина? — переспросил тихий, незаметный человек, сидевший за крайним столом. — Сейчас придет.

— Ну, как он здесь? — спросил Лобанов. — В Шедшему назад не просится?

— Может, и попросится... Данилов как-то сказал...

В это время дверь неожиданно открылась, и в коридоре показался Налегин. Разговорчивый оперативник не замедлил снова углубиться в бумаги.

— Какими судьбами? — Налегин с удовольствием оглядывал обоих шедшемских работников, принарядившихся, серьезных, с одинаковыми узкими галстуками из индийской парчи. — Как вы живете? Надолго сюда?

— У меня сборы недельные, с завтрашнего дня, — ответил Васька, отыскивая на лице Налегина печать недавних переживаний, — а Александр Иванович в понедельник назад.

— Сегодня свободны вечером?

— Я в Остромске давно не был, — сказал Лобанов, — можно сходить куда-нибудь. Вам виднее. Но только не в ресторан, а то мне завтра с утра к терапевту.

— У нас сегодня как раз хороший концерт в Доме культуры. Сейчас я закажу билеты через одного товарища, а то вечером не достанешь. Ну, как жизнь? — он подмигнул проводнику.

— Все хорошо.

— Как Ксанф?

— Он здесь. В питомнике. Был у него весной острый катар, но все благополучно. Приедешь его повидать?

— А как же! Но сначала позвоним насчет билетов. — Налегин набрал номер и, чтобы не мешать Ферчуку, прикрыл ладонью трубку. — Мамонова, пожалуйста.

Услышав знакомую фамилию, Ферчук на секунду обернулся: Мамонов был знаменитым в области фельетонистом. Особенно часто и с удовольствием писал Мамонов на темы, связанные с работой милиции. О том, что Мамонов был еще и институтским товарищем Налегина, Ферчук не знал.

— Привет! У меня к тебе большая просьба. Попробуй достать еще два билета в Дом культуры для моих друзей из Шедшемы. — Внезапно он замолчал, заметив обернувшегося к нему Ферчука. — Пойдешь, Илья Евграфович?

— Спасибо, не пойду, — Ферчук как-то поспешно собрал бумаги и тихо выскользнул из кабинета.

— Два, Женя!

— Итого, три, — отозвался на другом конце провода Мамонов, — Спартак тоже звонил.

— Значит, договорились!

— Слава, — спросил Васька, от внимательных глаз которого никогда и ничто не ускользало, — что это за человек, — он кивнул на стол Ферчука, — ты его зовешь Ильей Евграфовичем, на руке у него написано «Вова»? И вообще?

— Толком, пожалуй, я и сам не объясню. Думаю, что сначала было написано на руке какое-то женское имя, а потом, когда женился, он его переправил на первое попавшееся мужское, чтобы не травмировать жену...

— Наверное, «Зоя»? — быстро сообразил Васька. — А вообще?

— Я его сам не пойму... Способности у него есть; ты не смотри, что он такой тихий и незаметный, от него ничего не ускользает, он за три стены слышит. Память какая! А вот раскрывать преступления совсем не может.

— Ну, вот ты его и охарактеризовал, — спокойно вошел в разговор молчавший до этого Лобанов, — он главного в своей работе не умеет...

Платонов и Лобанов опаздывали. Налегин, Мамонов и Шубин ждали их на аллее у входа в Дом культуры.

Мамонов, плотный коренастый крепыш, которого за сходство со знаменитым боксером называли в институте Джо Луисом, чувствовал себя неважно — у него ныл зуб.

— Где же они? Скоро двадцать пять минут!

Шубин хладнокровно посматривал на часы.

— Вон они бегут.

— Сели не в тот автобус, — улыбаясь, объяснил Васька. Он поправил сбившийся набок галстук. Помятый воротничок сорочки выбивался сзади из-под

воротника пальто. Платонов чувствовал себя в Остромске неуверенно — Налегин уловил это еще утром.

— Знакомьтесь.

— Платонов Василий.

— Лобанов.

— Мамонов. Здесь три билета вместе. Можете сесть рядом в партере, а мы со Спартакoм пойдем на балкон.

— Нет, нет, — запротестовали Платонов и Лобанов, но Мамонов только похлопал Платонова по плечу и тут же скривился: больной зуб, видимо, давал о себе знать.

Когда они входили в зал, звенел третий звонок и билетеры уже закрывали двери. В темноте кое-как протиснулись на свои места в третьем ряду. Сцена была видна отсюда хорошо.

Конферансье начал программу с фокуса: он несколько раз торжественно разорвал афишу со своим именем, переложил обрывки из одной руки в другую, смял в комок, дунул и тут же вытащил ее из комка, мятую, но совершенно целую.

— Это очень просто делается, — сказал конферансье, — сейчас я вам все объясню. Только смотрите внимательно. Тогда вы запомните и сможете показывать фокус своим родным, знакомым, соседям. Вы все, дорогие товарищи, понимаете, что у меня в руке две одинаковые афиши, одну из которых я вот так рву на части... Видите? — он показал. — А вторую, целую, которая была у меня в руке с самого начала, я показываю вам вместо разорванной. Понимаете? Это очень просто сделать! Возникает, правда, другой вопрос: куда деть разорванную афишу? Очень просто: ее нужно склеить! Как? Показываю: дунуть, и вот! — Из кулака конферансье показалась еще одна целая афиша. Больше в руках у него ничего не было. Зал весело зааплодировал.

Васька смеялся и хлопал так громко, что конферансье взглянул в его сторону и тоже засмеялся, и те, кто сидел рядом, тоже обернулись и засмеялись.

Потом выступали певица, лауреат большого конкурса, солист одного академического театра, хорео-

графическая группа — дипломант другого конкурса, артист столичного театра...

— У нас на старте, — сказал конференсье, — эстрадный оркестр под управлением заслуженного артиста Белорусской ССР...

Голос его потонул в аплодисментах.

— ...Но! Как поется в популярной песне: «У нас еще в запасе четырнадцать минут!» Ан-тракт!

В перерыве они отыскивали Шубина и Мамонова. Мамонов щелкнул зажигалкой. Все закурили.

— Ну как?

— Здорово! — громко говорил Васька, еще разгоряченный смехом, обращаясь то к Мамонову, то к Шубину. — Конференсье — в порядке. Законный конференсье. Точно?

Налегин слушал его с удивлением. Васька никогда не прибегал раньше ко всем этим «законно», «в порядке» — штампованным и избитым словечкам. Теперь он буквально сыпал ими. Видимо, здесь, в Остромске, находясь в компании малознакомых ему образованных людей, Васька стеснялся быть самим собою и хотел быть другим — находчивым, бывалым и непринужденным.

— Бутербродов с рыбой никто не хочет? — спросил Васька, увидев девушку, продававшую бутерброды. — Правда, самая лучшая в мире рыба — колбаса.

Мамонов поморщился и незаметно оглянулся.

— Возьми мне один, — разрешил Шубин.

— Слушай, Налегин, — спросил он, когда Платонов отошел. Лобанов в это время стоял в стороне, у афиши. — У вас в Шедшемском райотделе лошади были?

— Были, — ответил Налегин, еще не представляя, куда Шубин клонит.

— А конюх был?

— Был.

— Он к тебе в гости не собирается?

Яснее выразить свою мысль было трудно.

— А я сейчас спрошу. Александр Иванович!

Лобанов повернул к ним спокойное темное лицо и, видя, что все трое смотрят в его сторону, кивнул.

Откуда-то сбоку появился Платонов с бутербродами. Неожиданно они оказались с осетриной, о которой в Остромске забыли даже думать. На сдачу Васька купил конфет и тут же разделил их между присутствующими.

— Спасибо, — отказался Шубин. Мамонов только молча приложил ладонь к щеке и сделал страдальческое лицо. Васька положил конфеты ему в карман.

— Жену угостите! — А Шубину пригрозил: — Обидишь!

— Как поживает там наш главный конюшенный Илья Алексеевич? — спросил Налегин у Лобанова. — В Остромск не собирается в гости?

— Плохо ему, — сказал Лобанов и обвел всех серьезными, не привыкшими лукавить черными глазами. — Ты его старшего сына знал? Он с моим в Институте международных отношений учился. Только Витьку в аспирантуре оставили, а его направили дипломатом в Мали... Ну вот. А недавно самолетом в Москву привезли из Бамако. Тропическая лихорадка... Плохо Илье Алексеевичу, — повторил он, — боится, чтобы в хроническую не перешла. А парень — золото!

Шубин не подымал головы.

— Я слышал, Слава, — Лобанов подбирал нужные слова, — Данилов недоволен тобой...

Они сидели в маленькой комнате Налегина на четвертом этаже, готовясь ко сну. Платонов уже лежал на диване-кровати, у стены и негромко похрапывал.

— Тут все не просто, Александр Иванович. Сейчас такая пора в милиции, когда все изменяется: и стиль, и методы, и люди. Она наступила, собственно, давно. Но окончится не скоро...

— Я тебе так скажу. Борьба с преступностью — дело серьезное и постоянное. Не на год, не на два. Хронические болезни общества лечим, и штурм здесь быть не должно. А как в медицине, постоянная профилактика, наблюдение, экстренная помощь на дому, лечение, словом. Когда необходимо — хирургическое вмешательство. Данилова я, слава богу, знаю — он

одним ударом все сделать хочет: «Сегодня с преступностью покончим, а завтра будем отдыхать!» Я ведь тоже так считал, только мне тогда лет двадцать пять было...

Внезапно в дверь постучали. Налегин встал и пошел открывать. Вернулся он через минуту.

— Вызывают? — спросил Лобанов.

— Спите. Я поехал. Наверное, хорошая новость. Гаршин из-за пустяка никогда не подымет ночью. А ключ завтра отдадите дежурному. Ну, счастливо.

В большом кабинете вокзальной милиции за тесно сдвинутыми столами сидели несколько оперативников. Их рабочий день уже закончился, но они сидели в плащах за своими столами и говорили о разных пустяках.

— Это что! — поздоровавшись кивком с Налегиным, начал очередной рассказ высокий майор с маленьким пухлым ртом и по меньшей мере тремя свисающими на галстук подбородками. — Мы работали тогда по грабежу на станции Юхо. Потерпевшая мне говорит: «Я преступника узнаю в лицо из тысячи — он мне во сне снится!» И что же? Приезжаем мы в станционный клуб... Ты знаешь, где там клуб? — кивнул он одному из своих слушателей.

Тот молча наклонил голову.

— Прошли пару раз по фойе — она меня хватает за руку: «Вот он!» Смотрю, идет баскетболист, рост — сто девяносто, а может, больше. «Вы уверены?» — спрашиваю...

Повествование доставляло самому рассказчику, несомненно, большее наслаждение, чем слушателям: чувствовалось, что он повторяет его не в первый раз, аранжируя по ходу живописными деталями.

— А когда раскрыли, оказалось, — майор сжал свой маленький рот и устремил глаза на Налегина, угадав в нем внимательного и благодарного слуша-

теля, — грабеж совершил преступник ниже среднего роста, мне до пояса... А сожительница, медсестра в прошлом, ворованные вещи продавала. Потерпевшая его в жизни не опознала бы.

Молоденький оперативник, чертивший до этого что-то на листе бумаги, подошел сзади к рассказчику и стал незаметно подсовывать ему бумажную ленточку под воротник плаща. Тот, не оборачиваясь, добродушно отстранил его рукой.

В кабинет вошли Гаршин и начальник вокзальной милиции.

— Я вижу, что домой никто не собирается, — сказал начальник, — хорошо. Я вам сейчас всем найду работу.

— Уходим, уходим! — сказал толстый майор, подмигивая Налегину.

Все стали сразу же подниматься из-за столов. И по тому, как они один за другим подымались и уходили, Налегин понял, что все они до чертиков усталые и еле плетутся. Только молоденький опер уполномоченный спросил у начальника:

— Что-нибудь интересное намечается, товарищ старший лейтенант?

— Иди, Юра, иди отдыхай, — сказал начальник.

Дверь за ними он не закрыл, и было еще слышно как они и в коридоре дурачатся и подталкивают друг друга.

— Как все-таки быть с этим чемоданом?

— Наш дежурный рассуждает как Швейк: «На вокзалах всегда крали и будут красть!»

— Так рассуждать — дело нехитрое.

— Вот этот милиционер, — сказал начальник вокзальной милиции Гаршину. — Рассказывайте, товарищ Ниязов.

Смуглый, костистый, с плоским невыразительным лицом старшина принадлежал к людям, возраст которых определить чрезвычайно трудно. Еще труднее их запомнить. Гаршин, однако, сразу раскусил в Ниязове опытного, наблюдательного постового. Уже по

тому, как старшина, прежде чем начать говорить, взглянул на стенные часы, Гаршин понял, что для этого ветерана стало привычным отмечать точное время любого события, даже разговора с начальством.

— Это было в начале двадцатого часа... Точнее, в девятнадцать десять. Иду по улице Софьи Ковалевской, смотрю — он идет! Сворачивает прямо в калитку. Я подумал, какой идет знакомый человек! Кто — не помню. Часов до двадцати двух вспоминал... Вдруг вспомнил — он! Который на фотокарточке...

— Она, товарищ Ниязов! — серьезно поправил его начальник. — Женского рода!

— Я сказал — он? — Ниязов смутился. — Она! Женщина, которого нам на фотокарточке показывали. Тот, который в комиссионный магазин в Москве часы приносил. Очень похожа. Навстречу ему шла другая женщина. Они поздоровались: «Здравствуй, Анка!»

— Какая из них назвала имя?

— Наша сказал тому: «Здравствуй, Анка!»

— Что ж, — сказал Гаршин, — мы сейчас с товарищем Ниязовым съездим, посмотрим это место, а утром пораньше начнем проверку.

— Хорошо бы вам найти: смотришь, я и отблагодарил вас за ту помощь, осенью, — сказал старший лейтенант. Он казался совсем юным в своем недавно сшитом, жестком еще мундире с красным ромбиком Высшей школы милиции.

— Еще отблагодарите не раз.

— Товарищ Ниязов, сейчас проедете с майором.

— Хоп! — сказал Ниязов и снова посмотрел на часы.

— С пяти часов утра нами были перекрыты все улицы и автобусные остановки микрорайона, но ничего положительного пока не добыто: женщин, которых накануне видел Ниязов, мы не установили. Вечером, в часы «пик», операцию придется повторить, — совещались из-за недостатка времени прямо в машине

на улице Софьи Ковалевской, но Гаршин и здесь держался так, будто перед ним был преподавательский стол и за длинными столами сидели студенты. — Налегин начнет с ЖЭКа. Он выпишет из домовых книг всех женщин по имени Анна. Остальные распределят между собою корпуса квартала и займутся личным сыском. Итак, женщина, изображенная на фотороботе, и вторая — тридцати — тридцати трех лет, по имени Анна. Первая для нас предпочтительнее.

Данилов не вмешивался в его распоряжения, он сидел в машине, шурясь от ярких лучей солнца. Настроение у всех было боевое.

— Словом, шерше ля фем! Хотите раскрыть преступление — ищите женщину!

Гаршин улыбнулся и махнул рукой.

Домоуправление находилось совсем рядом. Налегин предъявил удостоверение, паспортистки оживились, словно обрадовавшись сотруднику уголовного розыска, и через десять секунд на столе появились пухлые, расползающиеся на листки, издававшие виды домовые книги.

— «Дондукова Аграфена Гавриловна, тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года рождения», — прочел Налегин, раскрыв книгу наугад. — Исключить Аграфену Гавриловну по возрасту.

Затем он вернулся к первому листку. Женщин по имени Анна оказалось не так много, однако Налегин не спешил составить выписку. Он углубился в книгу, которая вопреки мнению многих вовсе не была скучным документом, напротив, здесь каждая страница давала богатую пищу любознательному уму.

Страница за страницей книга повествовала о том, каково в городе с жилой площадью, кто получает новые квартиры, какая профессия чаще всего встречается, сколько детей в среднем в каждой семье, и даже отвечала на вопрос, правда ли, что мужской век короче женского.

Налегин по своему характеру не мог над этим не задуматься. Со стороны глядя, он занимался ненужной, несоответствующей конкретному заданию работой, бил баклуши, но сам-то он знал, что эта «лишняя

информация» вовсе не пустой балласт, как любая информация, что самым неожиданным образом она может помочь в его профессии, хоть и не сейчас и не в ближайшие дни...

Еще он обратил внимание на то, что за Валериями, рожденными в основном в середине тридцатых годов, при жизни или сразу же после гибели Чкалова, двинулись Сергей, Владимиры... Светлаными называли девочек перед войной. А Аннами? В основном до революции или в начале двадцатых годов. Затем имя вышло из моды. А жаль... Красивое имя.

«Лукьянчикова Анна Максимовна, 1908 года рождения, ткачиха».

«Грех Анна Куприяновна, 1922 года рождения...»

Он наткнулся на несколько семейств, только что получивших квартиры, и задержал внимание на этой странице. Инженер... рабочий... рабочий... медсестра...

«А сожительница, в прошлом медсестра, продавала краденые вещи». Где-то в глубине сознания всплыли слова толстого майора из вокзальной милиции. На всякий случай Налегин выписал на чистую страничку блокнота: «Горпсихоневрологический диспансер — Чернова Зинаида Сергеевна, дом 26, кв. 3, медсестра».

В домоуправлении хлопнула входная дверь, и показался Шубин. Он лаконичным жестом выдвинул на два пальца, не более, красную книжечку из верхнего кармана. Техник-смотритель, женщина средних лет, кивнула ему и поправила прическу, а молоденькая паспортистка уставилась на него и смотрела до тех пор, пока Шубин не подмигнул ей. Тогда она уткнулась в свои бланки.

— Слава, ты скоро? — повернулся Шубин к Налегину. — Данилов велел нам идти вдвоем.

Налегин заложил чистой бумагой лист, закрыл книгу и молча вышел вместе с Шубиным. Пошел дождь, и асфальт на улице словно пророс тысячами сверкающих побегов ливня. Напротив ЖЭКа был керамико-плиточный завод, и из-под его ворот вдоль тротуара текли молочно-белые ручьи какой-то краски.

— Кисельных берегов не хватает, — усмехнулся Налегин.

— Ага... Ты не корпи больше над бумагой, — сказал Шубин, похлопав товарища по плечу. — Помо-ему, я ее нашел.

— Анну?

— А кого же? Я с ней уже разговаривал. Сейчас пойдем к той, которую Ниязов засек. Ее фамилия — Нерытова.

— Здорово! — должен был признать Налегин.

— Есть один прием. Действует почти без осечки. Ну, пошли. Здесь недалеко.

Он придержал ладонь на плече товарища, словно утешая его. Дождь чуть ослаб, из всех подъездов на улицу потянулись люди. Они осторожно обходили молочные ручьи, которые еще текли вдоль тротуаров плиточного завода.

— Вот здесь она живет, — весело сказал Шубин сворачивая во двор, где за спиной каменных громад мирно жил старый деревянный барак с двумя десятками телеантенн на крыше.

Они молча поднялись по скрипучей лестнице на верх.

— Под каким предлогом войдем? — спросил Налегин.

— Предоставь это мне! Сюда!

За неплотно прикрытой дверью оказался тамбур и лишь вторая дверь вывела их в широкий коммуналь-ный коридор, уставленный тумбочками, столиками ящиками, с узкими проходами напротив дверей. В квартире было тихо, только в конце коридора монотонно, на одной и той же низкой ноте, звучал сердитый женский голос.

Шубин направился на звук этого голоса и, остановившись у крайней двери, намеренно громко постучал.

— Разрешите?

— Кто это? — оборвав себя на полуслове, сердито спросила женщина. — Входите же, открыто!

Они вошли. В глазах сразу же зарябило от разноцветных вышивок, накрахмаленных узорчатых салфе-

точек, накидушечек, подзоров. Посредине комнаты стояла невысокая женщина с фигурой метательницы диска.

— Что вам? — подозрительно спросила она и, качнувшись, как-то перевалившись набок, двинулась навстречу. — Чего надо-то?

Но находчивый, верткий Шубин молчал: Нерытова хромала. Налегин, как и его приятель, не мог оторвать взгляда от ортопедических, на несоразмерных каблуках, ботинок женщины.

— Извините, — наконец сказал Шубин, — я вижу, мы не сюда попали.

В это время из второй комнаты, держа в руках отглаженное белье, показался не вполне трезвый мужчина с квадратным лицом и свежими царапинами на подбородке. Выражение лица у него было виноватое, даже испуганное, но, увидев незнакомых людей, он тут же воспрянул духом, словно при встрече с союзной армией, пришедшей на помощь осажденному гарнизону.

— Как не туда попали? Пришли — так давайте говорить начистоту! Зачем же так? — Мужчина положил белье на стол и подошел к Шубину вплотную. — Я вас знаю: вы из милиции. Садитесь за стол, поговорим. Может, я действительно где-нибудь сфальшивил, не так поступил. Объясните — постараюсь понять... Моя фамилия Нерытов. А то, может, по стопочке... Перед серьезным разговором... А?

— Я тебе дам из милиции! — женщина буквально задохнулась от гнева. — Собутыльников уже начал водить домой! С утра набрался! А ну, проваливайтесь, пока участкового не позвала!

Данилов был у Гаршина, когда доложили, что его спрашивает женщина с улицы Софьи Ковалевской.

— Пропустите, — сказал Данилов.

Посетительницей оказалась миловидная блондинка, причесанная под «бабетту». Она тут же напустилась на Гаршина. Майор, очевидно, показался ей более удобной мишенью, чем внушительный Данилов.

— Надо во всем хорошо разобраться! — затара-

торила блондинка. — Почему ее не проверили и отпустили? А если она завтра человека убьет и назовется моим именем? Прикажете садиться за нее в тюрьму?

— Начинайте с начала, а не с конца, — посоветовал Гаршин.

— Ну как же? Ко мне пришел ваш работник, сказал, что одна женщина была задержана на рынке при продаже вещей, назвалась моей фамилией, а потом убежала. Он мне приметы ее обрисовал: русая, в Москву ездила... Это только Нерытова могла сделать! Кто больше? Когда мы с ней в одной квартире жили, она тоже...

— Вас Анной зовут? — спросил Гаршин, начиная понимать, в чем дело.

— Иванцова я, Анна Ивановна.

— Не беспокойтесь, Анна Ивановна, — Гаршин поднялся и проводил ее до дверей, — ваше имя ничем не будет запятнано. Мы разберемся. Идите спокойно.

— Я ведь в учреждении работаю, — Иванцова, казалось, нервничает еще больше оттого, что Гаршин ей сочувствует, — не какая-нибудь спекулянтка по комиссионным магазинам бегать. Восемь лет в школьном буфете без всяких замечаний. Вам и директор может подтвердить...

— Не беспокойтесь, — повторил Гаршин, — это ошибка.

Тут Иванцова, заподозрившая в отзывчивости и вежливости милицейских чинов какой-то особый, пока не понятный ей подвох, пустила в ход самое сильное оружие. Она расплакалась.

— Я ребенка жду, — говорила она сквозь слезы

Гаршин как мог успокаивал ее, но утихла женщина, лишь когда Данилов властно посоветовал ей взять себя в руки и вести себя достойно в учреждении. Услышав, что с ней разговаривают именно так, как она и ожидала, Иванцова вытерла слезы и позволила Гаршину вывести себя из кабинета, к дежурному.

— Видал? — усмехаясь, спросил Данилов. — Вот так...

— Да, — согласился Гаршин.

— Ты понял, что она хотела?

— Она — Анна.

— Ну и что?

— ...Мы сейчас расспрашиваем всех Анн об их знакомых, которые недавно ездили в Москву. Но это не значит, что нам охотно дадут сведения, сам понимаешь... И вот Шубин — кто, кроме него, еще мог? — сказал этой Анне Иванцовой, что какая-то гражданка, задержанная на рынке, назвалась ее фамилией и скрылась. Он сообщил приметы разыскиваемой... Если бы Иванцова была той Анной и знала преступницу, она испугалась бы и тут же ее назвала. Но у Иванцовой, видишь ли, довольно сложные отношения с некой Нерытовой. Она и не подумала ни о ком другом. Видимо, Шубин сейчас находится с напрасным визитом у этой Нерытовой.

— Но почему он пришел именно к этой Анне?

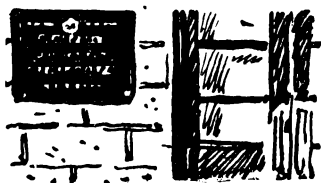
— Почему к одной этой Анне! Скорее к десятку Анн! Где-нибудь, он надеялся, клюнет...

— Да!.. Ловок! Хотел, значит, заставить Иванцову вместе с нами искать преступницу, так сказать «в темную»! Хитер!

Гаршин поднялся со стула, пересек кабинет мелкими шажками. Туда и обратно, туда и обратно, заложив руки за спину, воинственно вскинув голову. Данилов подумал, что его заместитель злится, но он ошибся: Гаршин не просто злился, он был вне себя.

— Это оперативная комбинация, — пророкотал полковник. — Не для себя же Шубин ищет преступницу! Хорошо, пусть что-то не так, согласен. Но он делает это во имя общества! Во имя этой же Иванцовой, которая пришла на него жаловаться! — Данилов повысил голос, чувствуя, что слова его не достигают цели, наконец, поднялся во весь рост, разорвав диагональ, по которой сновал Гаршин. — У нас такая работа, что мы не можем оборачиваться ко всем светлой стороной... Здесь важно — во имя чего...

— Во имя чего?.. Ты подумай: Шубин обманул человека, заставил его переживать за свою репутацию, — сказал Гаршин с горечью. — Обман дискредитирует нас перед людьми, во имя чего бы он ни

совершался. Да, мы не святые. В борьбе с преступниками нам приходится пускаться на всякие уловки. Но эти уловки направлены только против преступников, только! А не против Иванцовых...

В кабинет заглянул Ферчук, но, услышав громкие голоса, тут же растворился в полумраке коридора.

— Ты выступаешь против Шубина, — тихо сказал Данилов, — потому что твои хорошо подготовленные ученики ничем себя не проявили. Все показатели твоего отделения — это в основном показатели одного Шубина. Или ты думаешь, можно работать без показателей, на одних добрых намерениях?

У Гаршина вдруг нервно задергалось колено — такое уже бывало с ним в моменты наибольшего волнения. Он прижал ногу к тумбочке стола.

— Раскрытия такого рода приносят вреда обществу больше, чем те преступления, которые без этого остались бы нераскрытыми.

Данилов даже ахнул.

— Вот бы услышал тебя генерал! — он покрутил головой, как бы не в силах сразу усвоить всю крамолу, всю абсурдность мысли, высказанной заместителем.

— Дай мне спичку! — попросил он. — И давай сядем. Да, взгляды у нас разные. Было бы лучше, если бы мы работали врозь. Но мы работаем вместе, надо как-то притираться...

Гаршин поднес Данилову зажженную спичку, стараясь расслабить пальцы, чтобы не дрожал огонек.

— Мы разъедемся — Налегин с Шубиным столкнутся! Не они, так Кравченко с Ферчуком. Разве дело в нас?

Вечером секретарь отдела, пожилой младший лейтенант, принес Налегину целую кипу корреспонденции — ответы на запросы по Кокурину.

— Вот работенка, — сказал он участливо и, уже выходя, неожиданно приостановился. — Да, чуть не забыл... Тут вас парнишка какой-то спрашивал...

Секретарь достал из отвисшего кармана большой блокнот и прочитал:

— Веренич Алик.

— А, Веренич, — с трудом припомнил Налегин. — Да-да... Спасибо. Если зайдет еще, скажите, что сейчас свободного времени совсем нет...

И он углубился в чтение срочных бумаг. В них, как и ожидал Налегин, содержались важнейшие сведения. Оказалось, что двадцатилетний, то есть уже освоивший многие тонкости «ремесла», Кокурин использовал трюк с бумажной трубкой, когда перед кражей хотел убедиться в том, что хозяев нет дома. Так цепочка аналогий потянулась от преступления, совершенного в квартире Шатько, к тем далеким дням, когда Кокурин «ходил» с Амплеем...

«Значит, это Кокурин, — подумал Налегин, но тут же поправил себя: — Или его друзья. А возможно, и третьи лица, знающие об этом способе...»

...Очень интересным документом в полученной почте оказался и протокол допроса мастера швейной фабрики из Фрунзе Владимира Хандогина, носившего много лет назад неблагозвучную кличку «Телятник». Бланк протокола был заполнен самим Хандогиным, а не допрашивавшим его следователем, и поэтому это был не обычный милицкий протокол на одиннадцати листах, а подробная история юности трех подростков с судовой версией, изложенная человеком, много пережившим и много осмыслившим заново.

«...Читаю я сейчас в газетах, — так заканчивал Хандогин свою исповедь, — сколько разных мер применяют к несовершеннолетним правонарушителям и школа и общественность; комиссии по делам несовершеннолетних есть при райисполкомах и комиссии по трудоустройству; вот мне и думается, что сейчас человека легче на правильный путь поставить... Конечно, мне бы в ту пору нынешние глаза, а то виделось все, как будто в книжке вверх ногами».

Показания Хандогина были до некоторой степени ответом на давно уже тревоживший Налегина, как следователя, вопрос: можно ли через много лет установить подлинные обстоятельства жизни так называемого «рядового гражданина» и методы работы того или иного «рядового следователя»?

И вот теперь, читая эту бесхитростную исповедь, Налегин воочию видел перед собой и расчетливого, безжалостного, тонкого подстрекателя Удава, сыгравшего роль злого гения в судьбе трех подростков, и не заглядывавшего далеко, равнодушного лейтенанта Салтыкова, проводившего немудреное расследование по кражам из палаток и приписавшего своим несовершеннолетним обвиняемым качества, которые делали их похожими на неисправимых, опасных уголовников.

«Формальные обстоятельства — в пользу Кокурина, — продолжал размышлять Налегин. — Он высокий, а мы имеем дело с преступником, рост которого меньше метра шестидесяти... Быть может, Удав? Да, тот мог бы... Любопытная деталь: Удав никогда не уносил краденое в чемоданах, а брал с собой неприметные авоськи или хозяйственные сумки...» Но дальше мысль не шла.

Налегин знал, что мешает ему сосредоточиться над материалом розыскного дела: медсестра с улицы Софьи Ковалевской, неожиданная версия, появившаяся после посещения квартиры медсестры.

Когда Налегину необходимо было собраться с мыслями или, наоборот, развеяться, он заходил к эксперту Саше, один вид которого действовал успокаивающе и непреложно свидетельствовал, что мир стоит на месте и преступный элемент, как и положено, занимает одну из дальних полочек на задворках бытия.

Налегин вошел в коридор оперативно-технического отдела, пустой и ярко освещенный, и услышал за дверью фотолаборатории покашливание Саши. Он постучал, скользнул, осторожно отодвинув шторы, в душную комнатку и с минуту постоял, ожидая, когда глаза привыкнут к красному свету.

— Не нашел еще своего Кокурина? — спросил Саша.

Он печатал с помощью большого, пузатого, как самовар, увеличителя, а в свободные секунды перелистывал под лабораторным фонарем страницы какой-то попавшейся ему на глаза брошюры. Это была потрепанная старая книжечка о Мексике, выпущенная Географиздатом и неизвестно как оказавшаяся в фо-

толаборатории. Впрочем, в оперативно-техническом отделе благодаря Саше можно было встретить и еще более старые и еще более потрепанные, а главное, еще более далекие от криминалистики книги.

— Не нашел, — и Налегин присел на стул рядом с экспертом.

— Ничего новенького не появилось? — спросил эксперт, по инерции отметив про себя удивительную сухость климата внутренних областей Мексики, обусловленную малочисленностью рек.

— Кое-что появилось. На улице Софьи Ковалевской недавно получила квартиру медсестра гор псих... не выговоришь! Нев-ро-логического диспансера... Чернова Зинаида Сергеевна. Я не могу тебе толково объяснить, почему она вызвала у меня подозрение... Дома ее не было — оказывается, ушла обследовать больных на своем участке. Я заинтересовался этими обследованиями: в медицине их называют *котибами*...

— Котибами? — Саша оторвался от книги: незнакомое, таящее в себе некий высокий научный смысл словечко заинтересовало его. — Очевидно, от каутио — осторожность, осмотрительность...

— Осмотрительность? — в свою очередь, заинтересовался Налегин. — Это слово подходит, хотя на самом деле все прозаичнее: это только контрольное обследование труда и быта больного. Короче, они приходят к соседям, расспрашивают обо всех мелочах быта больных, всем интересуются...

— Ну и проверь ее! — сказал Саша, снова уткнувшись в книгу и перевертывая страницу.

— Наводчиков у нас Шубин проверяет, а я сам — по линии скрывающихся, бежавших... Но все-таки справку о Черновой я написал.

— А с какой целью?

— Помнишь, преступница в Москве соврала, что едет в Донецк к отцу?..

— Который страдает старческим психозом? Между прочим, точнее было бы сказать — предстарческим или пресенильным...

— Преступница не придумала более привычную

для окружающих болезнь, какую-нибудь там гипертонию, атеросклероз, — Налегин привычно уперся локтями в стол и уронил подбородок в ладони. — Назвала старческий психоз не задумываясь, как если бы речь шла о насморке... Заметь, это не показалось ей чем-то бросающим тень на старика или на нее саму... Нельзя ли предположить, что она имеет дело с этой отраслью медицины?

Эксперт Саша был книголюбом-гурманом. В отличие от обычного элементарного книголюба он считал, что хорошая книга должна все время идти вместе с хорошей музыкой или интересной мыслью. Он отбросил брошюру о Мексике и, пока Налегин развивал идею дальше, открыл первый попавшийся под руки журнал и прочел наугад: «От запаха рыбы, от вида красных, обветренных рыбаков становится вкусно дышать и смертельно тянет в харчевни, расположенные напротив базара, в которых, без сомнения, жарится эта камбала и макрель...»

Городской психоневрологический диспансер находился почти на самой окраине города в старом двухэтажном здании, обнесенном полуразвалившимся и заросшим травой кирпичным забором. Шубин был здесь впервые.

Решительно раздвинув плечами очередь у регистратуры, он нагнулся к окошечку.

— Чернова Зинаида Сергеевна работает?

Голос его прозвучал так громко и решительно в этом наполненном шепотом и унынием доме, что вся очередь встrepенулась, а регистраторша тут же ответила:

— В седьмом. На втором этаже.

У седьмого кабинета разговаривали две немолодые женщины в белых халатах; брюнетка крашенная и брюнетка естественная, широколицая, с узким разрезом глаз, добродушная, даже немного ленивая.

— Типичный алкогольный делирий, — говорила она. — Главное, что он с участка Кантура, а Кантур свою сестричку отпустил...

— Пусть теперь сам и возится!

— Зинаида Сергеевна! — Тощий долговязый субъект уже несколько раз привставал со стула, чтобы привлечь внимание медсестры.

— Ответ на мой запрос еще не пришел. Вы когда его отправили?

Шубин запоминающе метнулся глазами в направлении его взгляда. Значит, брюнетка с естественным цветом волос — это и есть Чернова. Нет, не она ездила в Москву сбывать драгоценности, не она... Снова они заявили не по адресу... Но не мешает все-таки проверить до конца!

— Дня три, не меньше, — ответила Чернова больному и мягко, вперевалочку зашлепала по коридору. В диспансере весь персонал щеголял в домашних туфлях.

— Я ее не узнал, — доверительно сказал Шубин долговязому. — Это же Чернова! Она зимой в белой шубке ходила?

— Нет, в белой шубке — Галина. Старшая. А Чернова — в серой, под каракуль...

Шубин мрачно вздохнул и пошел отыскивать начальство.

Главным врачом диспансера была строгая сухошавая женщина лет пятидесяти пяти, с болгарской сигаретой во рту. Комочки пепла от сигарет лежали на складках ее халата, на столе, на стопке карточек, которые она просматривала. Волосы у нее были тоже пепельного цвета. Маленькое блюдце, стоявшее на краю стола, было доверху заполнено древесно-желтыми фильтрами выкуренных сигарет с неяркими ободками губной помады.

— Нет, — сказала она Шубину, просмотрев принесенные из регистратуры карточки, — Ветланина Нина Федоровна в наш диспансер не обращалась. На фамилию Шатько тоже нет ни одной карточки. Какие еще вопросы вас интересуют?

Но от Шубина, хоть и не пришедшего еще в себя

после очередной неудачи, отделаться было не так-то просто.

— Посмотрите еще по Голубиной горе, дом двадцать восемь, Петросян Людмилу Евгеньевну, — он назвал фамилию дочери Шатько.

Молоденькая сестричка внесла несколько папок с золотистыми корешками.

— Золотистой бумагой мы оклеиваем карточки этого микрорайона, так легче искать, — пояснила главный врач. — Так... Так... Нет Петросян! В этом доме у нас всего один больной и живет, он... Простите, Петросян живет в какой квартире?

— Четыреста одиннадцать.

— А это в четыреста двенадцатой.

— Разрешите взглянуть? Посещение на дому? — в глазах у Шубина мелькнул нетерпеливый охотничий азарт. — Кто проводил обследование?

— Медсестра Сочнева.

— Сочнева? Гм. Я думал... — он замолчал. — Неважно.

Чернова не имела к Голубиной горе никакого отношения. Перспективная версия Налегина лопнула, как и многие предыдущие. На очереди — следующие... Шубин мог с чистой совестью возвращаться в управление, но именно теперь, уходя от Налегина к нему, к Шубину, меняя, так сказать, авторство, сама эта идея о причастности медсестры приобретала особую ценность.

— Сочнева... Сочнева... Она где раньше работала?

— Приехала к нам из Тулы. Стаж работы у нее небольшой.

— Она живет в районе улицы Софьи Ковалевской?

— Нет, совсем в другом конце города.

— Да... А курсы медсестер где закончила?

— Далеко. По-моему, в Усть-Покровске. Я могу сказать точно, если вас интересует.

Название города, где преступник, за которым они охотились, совершил такие же кражи, как и в Остромске, прозвучало в устах главного врача как естественное продолжение, как развитие его, Шубина, потаенных мыслей, и капитан тут же понял — ошибки

быть не может! Сочнева из Усть-Покровска! А значит — победа! Он, Шубин, раскрывает преступление!

— Возьмите трудовые книжки, но только на целую группу сестер, чтобы никто ничего не заподозрил.

Это был уже приказ.

Пока с первого этажа, «из кадров» доставляли трудовые книжки сотрудников, главврач занимала своего напористого гостя рассказом о трудных днях, переживаемых диспансером в связи с переездом в новое помещение, и постепенно вошла во вкус.

Шубин хмурился, делал вид, что слушает. В действительности он направлял все внутренние усилия на то, чтобы не дать появиться на лице наполнявшей все его существо самодовольной улыбке, которая уже давала о себе знать в подергивавшихся уголках губ и сощуренных сияющих глазах.

— Новое помещение, вы знаете сами, тысячи хлопот: крючки, гвозди, петли...

— Стекла, занавески, карнизы, — кивал Шубин, пряча лицо.

«В доме, где живет Ветланина, тоже должен быть больной, состоящий на учете в диспансере, — думал он. — И Сочнева должна посещать его соседей, расспрашивать их... И таким образом она может собирать сведения о своих будущих жертвах. Как это писал Налегин? Котибы?»

— А натиранье полов? — продолжала главврач. — Впрочем, я, наверное, надоела со своими заботами?

— Что вы! Я вас хорошо понимаю... Дайте мне с собой карточку этого больного. Мы вернем. И давайте найдем еще одного человека. Его, видимо, тоже обследовала Сочнева.

Через час после визита Шубина в диспансер портрет Сочневой направили по фототелеграфу в Москву на опознание, и в отделе уголовного розыска впервые за долгое время наступила тишина.

Сочнева — полная бойкая блондинка лет тридцати пяти, с малоподвижным мучнисто-белым лицом и круглыми плутоватыми глазами — была уже взята

под наблюдение оперативной группой из трех работников. На восемь часов утра следующего дня Данилов назначил оперативное совещание.

После обеда Гаршин приказал уйти отдыхать тем, кого он поднял ночью в связи с операцией на улице Софьи Ковалевской и кто проработал все воскресенье.

Один из первых ушел из отдела Шубин.

Когда он вернулся из диспансера, его все поздравляли, Ферчук даже предлагал качать.

— Хорошо сделано, — похвалил Шубина Гаршин, — грамотно.

«Других слов у него не нашлось», — заметил про себя капитан.

Данилов приветствовал его громко и радостно:

— Вот так надо работать! Вот так! — и, как всегда это у него получалось, похвала одному работнику прозвучала укором для всех остальных. Но на этот раз никто не обиделся, даже не обратил внимания. Все улыбались и поздравляли друг друга с победой. Она и в самом деле была общей, потому что каждое раскрытие крупного преступления было и будет не результатом труда талантливого одиночки, а делом всех, кто с первого и до последнего дня наилучшим образом выполняет всю черновую, порой дьявольски неинтересную работу.

И Шубин это признавал, может быть, больше всех, говорил, что заслуга тут не его одного, а всего крепкого, дружного коллектива отдела уголовного розыска, каждого, кто работал над раскрытием преступлений. Но при этих словах на его лице появлялась все та же исполненная особого, скрытого, обидного для других смысла торжествующая улыбка, с которой он так и не мог весь день справиться.

Одно омрачало настроение Шубина — воспоминание о человеке с хозяйственной сумкой, наполненной батонами. Этот жилистый, небольшого роста человек был связан с Сочневой — Шубин понял это сразу, еще в диспансере, в ту же минуту, когда увидел в личном деле медсестры ее домашний адрес.

«Может, рассказать, ознакомить всех с его примерами? — подумал он. — Но тогда скажут: «Почему

так долго молчал?» А-а... Ладно. Не надо портить людям праздник. Победителей не судят! Как только арестуют Сочневу, наверняка она сама его назовет!»

Налегин собрался домой вместе со всеми. Он тоже переживал минуты спокойной радости за все отделение, за Гаршина, за уголовный розыск, хотя к этому чувству примешивалась и досада оттого, что он не сумел найти верное решение, сразу выдвинул слишком прямолинейную версию. Уже уходя, он последний раз взглянул на забытую Шубиным историю болезни, привезенную из диспансера.

На серых, с давно уже обтрепавшимися краями шершавых листах бумаги выцветшими фиолетовыми чернилами с самого начала заглавными буквами был дан ответ на задачу, которая показалась такой трудно-разрешимой вначале и такой несложной теперь. Налегин раскрыл акт обследования и прочел вслух под-пись:

— Сочнева.

Сотрудники угрозыска никак не могли нащупать прямой связи между кражами в квартире актрисы и писателя, а между тем такая связь была. И надо было брать исходным пунктом не самих Шатько и Ветланину, а их соседей. В обоих домах жили люди, состоявшие на учете в психоневрологическом диспансере, на участке Сочневой.

Наблюдая за течением тяжелой, трудноизлечимой болезни одного и другого, Сочнева регулярно навещала дома, в которых жили Ветланина и Шатько, наблюдала, интересовалась подробностями жизни жильцов, расспрашивала соседей, делала выводы. И старая домработница Ветланиной, и жена Шатько, и их ближайшие соседи привыкли к визитам словоохотливой медсестры и не находили в ее любопытстве ничего странного...

Да, нехитрая схема: больные — медсестра. И не надо сложных версий, проверки Монахова, Ряхина...

Как говорится: «Хочешь писать как Пушкин, — пиши просто!»

**ЗАКОН
ПАРНЫХ СЛУЧАЕВ**
глава 12

— Разрешите? — дверь в кабинет тихо приотворилась.

На пороге стоял мальчуган лет пятнадцати, со светлой шелвурой, давно не знавшей ни ножниц, ни гребенки, и ясными серыми глазами злобно-го нарушителя школьной дис-

циплины. Он удивленно глядел на Налегина.

— Не узнаете? Я Веренич Алька, — изрядно потрепанные джинсы Веренича были неловко, на две складки отглажены, а воротник рубашки сверкал белизной. — Шофер еще на нас с заводной ручкой... На улице... Зимой...

— Веренич... Веренич... — «Это когда Ряхина я упустил!» — Здравствуй! Заходи.

— Спасибо, — Веренич, заметно смущаясь, прошел к столу и сел, — я уже как-то заходил к вам.

За окном слышались по-весеннему громкие голоса — там милиционеры, сбросив кителя, размечали площадку для соревнований по волейболу.

— Хорошо, спасибо, — сказал Веренич. — Я ненадолго. Нужно посоветоваться.

Веренич нащупал пальцами пуговицу на рукаве и принялся вертеть ее.

— Как вы думаете, можно помочь одной старушке найти сына, если они больше десяти лет не виделись?

Что-то подобное Налегин предполагал: женщина могла спросить о розыске неплательщика алиментов, мальчишки — об отце или дяде.

— Попыаться можно. Сначала нужно ее подробно расспросить, в каком городе раньше жили, где он работал. Нужна и фотокарточка. Найти вообще-то можно.

— Фотокарточка, наверное, у нее есть...

Глаза у мальчишки горели. Воображение его уже рисовало радостную встречу матери и сына, и он, Алька, был участником и виновником торжества.

— Как ее фамилия?

— Кокурина.

— Кокурина?! Откуда ты ее знаешь?

— Один знакомый попросил меня передать ей деньги...

Пуговица, наконец, отлетела и поскакала по паркету, но Алька не обратил на это внимания, так же как и Налегин, который потянулся к телефону и, набрав три цифры, сказал:

— Зайдите, пожалуйста, ко мне, Константин Николаевич. Разговор интересный. Послушай, Алька, ты сейчас расскажешь нам все по порядку, — попросил Налегин. — Важно, чтобы ничего не пропустил.

Гаршин не заставил себя ждать. Он неслышно появился на пороге, окинул комнату внимательным взглядом живых, близко поставленных глаз, подобрал белую пуговицу, отдал ее Альке и уселся на диване, в самом углу, уютно прижавшись к круглому валику.

Веренич помялся. Ему не хотелось рассказывать про свой зимний поход с ребятами на товарную станцию за апельсинами.

— Я с ним познакомился в тот же день, что и с вами, на станции.

Товарная станция была большой. Пространство, где скрещивались и расходились во многих направлениях рельсы, было уставлено вагонами, платформами, цистернами, жилыми домиками на колесах, подъемными кранами; здесь все свистело, шипело, лязгало, скрежетало, орало хрипылыми металлическими голосами динамиков. В этом лабиринте рельсов и вагонов их атаман Колька разбирался прекрасно. Он провел всю ватагу по каким-то боковым, заснеженным путям, осмотрелся, бросил небрежно:

— Здесь нет, подадимся к восьмым шатрам!

И юркнул, следуя малоприметной тропинкой, под состав.

Восьмые шатры оказались самыми обычными деревянными складами. Вдоль их дверей стояли белые, удивительно чистые среди царства тусклой железно-

дорожной охры и пятнистого, припорошенного угольной пылью снега вагоны-ледники.

Тишина и безлюдье, царившие у складов, наводили на Альку страх. Будто по волшебству исчезли куда-то все люди, которые, казалось, только что убирали с путей снег, прокладывали тропинки, чистили и мыли вагоны, пересчитывали хранящиеся здесь богатства. Но ведь так же таинственно и внезапно они могли объявиться вновь. А может быть, они никуда и не уходили, а просто наблюдали из-за тяжелых складских дверей?

Колька подбежал к одному из ледников, вскочил на стремянку и, сорвав пломбу, сильным рывком отбросил задвижку. Дверь, повизгивая роликами, словно сама собой отъехала в сторону и открыла ряды аккуратных небольших ящиков. Колька мгновенно схватил верхний ящик — у самой двери ряды были ниже — и сбросил его на землю.

Ребята оторвали тонкие из темного, незнакомого дерева планки и принялись набивать апельсинами карманы. Тонкий щекочущий ноздри аромат наполнил воздух. Скомканные ярко-красные бумажные салфетки, в которые были завернуты плоды, падали на снег и застывали, как пятна крови.

— Стой! — услышал вдруг Алька. — Стрелять буду!

Краем глаза он захватил сбоку песочного цвета шинель, желто-зеленый кант и большие черные валенки с литыми галошами.

— Под вагон! — крикнул Колька.

Они прокатились по шпалам, вынырнули с той стороны состава и побежали куда глаза глядят. Сзади где-то глухо хлопнуло, словно ударили молотком в фанерный ящик, и, догадываясь о страшном смысле хлопка, они бросились под новый состав, колеса которого уже начали медленно вращаться. Сзади доносились свистки, топот, и за колесами какого-то одинокого вагона они увидели еще одни валенки, такие же большие и черные, с литыми галошами. Эти валенки притаились и ждали.

Остальные ребята, и в их числе Колька, мгновенно

но метнулись в сторону, а Алька бежал, петляя, как заяц, поперек рельсов, нырял под составы, всхлипывая и задыхаясь. Электровоз вдруг дохнул на него чем-то горячим и влажным, и Алька упал на землю, задохнувшись от испуга, осознав инстинктом близость смерти...

— Лезь в вагон! — вдруг услышал он чей-то приглушенный голос. — По доскам, ну!

По каким-то узким дощатым мосткам он вбежал в полутемный вагон и распластался между тугими, округленными боками мешков.

— Мамочка! Больше не буду, — зашептал Алька, глотая сладкую сахарную пыль, мгновенно осевшую на губы в этом душном вагоне. — Честное слово! Не буду больше...

Никогда в жизни — ни до, ни после — ему не было так страшно. Он лежал, слышал рядом голоса женщин, считавших мешки, грохот тяжелых тележек грузчиков.

Наконец стало темно, шум стих. Свет переносной лампы обозначил на потолке вагона острый угол.

— Жив? — спросил все тот же грубоватый, низкий, приглушенный голос. — Иди сюда.

Алька вышел. Перед ним стоял высокий, средних лет грузчик с перебитой черной бровью и мрачным лицом. Рядом с ним стоял еще один человек, бородастый, с невероятно широкими плечами, раздиравшими запорошенный белой пылью ватник.

— Вот, бригадир, — сказал высокий, — видал?

— Мать, отец есть? — спросил бригадир.

— Мать...

Вопросы сыпались один за другим: где и как учишься, и сколько мать зарабатывает, и есть ли братья, сестры, — и на все вопросы Алька ответил честно, утаив лишь, что пришел сюда не один.

— Ну ладно, — заключил бородастый бригадир. — Пусть идет... Вот сукин сын, из любопытства, видите ли, поворовать решил... Ладно, авось урок пойдет в пользу, если не дурак. Обещаний с него брать не будем. Что в обещаниях толку... Апельсины выкладывай — придется сдать в проходной.

Алька с готовностью выложил содержимое своих карманов: несколько плодов. Остальные он потерял при бегстве.

— Проводи его, Павел, — сказал бригадир, улыбувшись одними глазами. — Вот черт, чего им не хватает в эти годы?.. Чего ищут?

Алька пошел за высоким грузчиком, которого звали Павлом. Он шагал, стараясь не отстать, чувствуя вялость во всем теле, глаза были наполнены слезами, но зато ему было спокойно за сутулой спиной грузчика, и он уже не боялся ни охранников с винтовками и свистками, ни электровозов, ни вращающихся, поблескивающих, страшных, как лезвие занесенного топора, колес.

Павел посадил его на электричку, они молча проехали одну остановку, так же молча вышли, и тут Павел сказал, показывая на небольшой бревенчатый домик:

— Вот и мой дом. — И добавил: — Ты, конечно, не один был сегодня... Ну, что товарища не выдал, правильно. Но только если он подбивал воровать, то это тебе не товарищ.

Если бы это сказал кто-нибудь другой и не сегодня, Алька усмехнулся бы. Но грузчик, который его спас и который, оказывае~~т~~ся, давно уже понял, что Алька был не один, а с приятелями, и что именно один из них подбивал на воровство, этот грузчик казался ему человеком совершенно особенным, стоящим сотни Колек.

Между тем Павел в упор, оценивающе разглядывал Альку и, наконец, сказал, протягивая бугристую ладонь:

— Ладно. Давай дружить. Ты мне тоже в одном деле можешь помочь.

Разумеется, для такого друга Алька был готов на все.

— Зайдем, — предложил Павел. — Я тут как раз байдарку выклеиваю... Как, а?

Рассказ Альки неожиданно был прерван скрипом медленно, словно бы от сквозняка, приоткрывшейся

двери. В темноте образовавшейся щели неожиданно засветилась, как солнышко, веснушчатая, облупившаяся физиономия Юного Друга, пришедшего к своему покровителю. Не замечая Гаршина, посетитель с любопытством обвел глазами кабинет.

— Спартак не приходил, — сказал Налегин и поморщился.

За последние дни Юного Друга часто можно было встретить в коридорах управления, но Налегину не нравился этот ретивый маленький сыщик. Поэтому он добавил сухо:

— Прикрой, пожалуйста, дверь.

Юный Друг закрыл дверь. Еще несколько минут в коридоре слышались его тихие шаги, поскрипывание половиц, потом все стихло.

— Ты у Павла много раз бывал дома? — спросил Налегин.

— А как же... Мы байдарку строили. Он у бригадира своего живет, у Василия Васильевича..

Алька опять смолк. Он чувствовал, что разговор принимает какой-то иной характер, и это настораживало, даже пугало его. Налегин понял это.

— Ну, так расскажи, как ты встрёпился с Кокуриной, — сказал он.

— Оля, я пройду с Алькой! — крикнул Павел дочери Василия Васильевича, нахлобучивая на лоб кепку, с которой никогда не расставался.

Неторопливо спускаясь переулками к набережной и потом поднимаясь к Новому шоссе, Алка, как это часто у них бывало во время прогулок, рассказывал об учебных полетах по кругу. Он знал о них все: как, получив команду «взлететь», надо прожечь свечи, дать полностью газ и некоторое время удерживать самолет на тормозах; как при разбеге летчик должен распределить свое внимание — на работу двигателя, на выдерживание правильного направления в момент отрыва от земли переднего колеса...

Павел слушал терпеливо, он знал, что приемным отцом Веренича был военный летчик-испытатель Ни-

китаев, который хотел сделать Альку выдающимся летчиком, с детства воспитывая в нем страсть к авиации.

— Самое главное — не дать самолету уйти в набор высоты без запаса скорости, — объяснял Алька, как будто Павлу предстояло с минуты на минуту уйти в свой первый учебный полет. Немногочисленные прохожие, слышавшие отдельные фразы, с удивлением на них оглядывались. — Поднявшись метра на полтора от земли, летчик почти незаметным движением ручки от себя прижимает самолет к земле, пока не достигает скорости сто сорок — сто пятьдесят километров в час...

Своих детей у Никитаева не было, и пасынок рос его кумиром. Возвращаясь из далеких командировок, он привозил Альке модели воздушных гигантов, списанные шлемы, мудреные куртки, зажигалки. Как равный, поздно вечером садился Алька за стол рядом с летчиками и сидел с ними за полночь, слушая рассказы о воздушных маневрах, о долях секунды, которые длятся дольше жизни, о жизнях, которые ломаются в доли секунды. Так жил Алька до того самого дня, пока не пришло известие, что Никитаев разбился. И каждый Алькин рассказ об авиации заканчивался одним и тем же — тяжелым, не мальчишеским вздохом.

— Пойдем здесь по улочке, — сказал Павел, когда Алька грустно прервал свой рассказ.

Крутая, нешумная, эта улочка сбегала с холма к монастырским облезшим воротам, огибала щербатые стены со следами то ли древней смолы, то ли просто дождей на кирпичках, и снова устремлялась вверх, к Новому шоссе.

Алька давно заметил, что Павлу нравится эта тихая улочка, и каждый раз, отправляясь с Алькой погулять, Павел обязательно выбирал ее.

Рядом с воротами монастыря стоял тоже старый, длинный кирпичный дом с множеством застекленных террас и галерей, а у дома на выщербленной деревянной лавке постоянно грелись на солнце несколько старух, всегда в теплых пальто, с поднятыми тяжелы-

ми воротниками, опираясь на палки. Было в этих старухах что-то древнее, будто они здесь испокон веку сидят, у монастыря, будто нет над ними телевизионных антенн.

Тротуар в этом месте был узкий, и прохожие шли, почти задевая одеждой колени и палки старух. Но прохожих было мало, и женщины не обращали на них внимания. В холодное или дождливое время года они перебирались с лавки на террасу и там стояли молча в своих теплых пальто, застегнутых до самого верха. И с улицы были видны их прижатые к стеклам неподвижные тусклые лица.

— Посмотри во-он на ту женщину, — Павел показал головой на высокую худую старуху, сидевшую не на скамейке, а особняком, на вынесенном из дому красном самодельном табурете, — я тебе сейчас расскажу ее историю. Муж ее бросил, укатил на север за длинным рублем, алиментов не платил, писем никогда не писал... Осталась она вдвоем с четырехлетним сыном, тянула как могла. Всю жизнь она, Алька, проработала на судоверфи. По нескольку лет не брала отпусков — получит отпускные деньги, и все. Жила для сына... А вот теперь кончает жизнь одна.

Алька оглянулся и внимательно посмотрел на женщину — ее испещренное морщинами лицо было по-старчески глухо и непроницаемо.

— А сын что, погиб?

— Хуже, — отрывисто ответил Павел, — стал преступником... Ладно, — он оборвал себя на полуслове. — В общем парня этого я знал... Он уехал, скрылся, стыдится, что был вором... Давай, Алька, сделаем доброе дело. Передай ей денег от меня. Приди сюда, когда она будет сидеть одна, и отдай. Скажи: «От товарища вашего сына». Не потеряй! — Павел протянул пачку новеньких десятирублевых.

— А ты почему не передашь? — спросил Алька.

— Не любит она меня. Не возьмет. Я ей и на глаза не хочу показываться...

На следующий день рано утром Алька уже был на месте. Ему повезло: женщина сидела на своем старом, выкрашенном красной масляной краской табурете, за-

думчиво глядя перед собой. Оглянувшись по сторонам, Алька свернул с тропинки.

— Вот вам, это передал один человек. Он знал вашего сына. Товарищ его.

Женщина не успела опомниться, как Алька сунул деньги ей в руку и быстро, не оборачиваясь, пошел дальше.

Только метрах в двадцати, у угловой башни, Веренич оглянулся: женщина бежала за ним, тяжело припадая на одну ногу. Идти дальше не было смысла, Алька остановился.

— Где Коля? — шепотом выдохнула женщина.

Вдали, за угловой башней, побросав свои битки и камешки, стояли дети и внимательно наблюдали за происходящим.

— Я его не знаю, — объяснил Алька, — и никогда не видел. Эти деньги передал Павел. Он знал вашего сына.

— Это нечестные деньги! — женщина тяжело ловила ртом воздух. — Отдай их тем, кто тебя послал. Мне ничего чужого не нужно... Из-за них и Коля пропал... — Она вдруг с надеждой заглянула Альке прямо в глаза. — Может... тебя Коля послал? Он? Скажи ему: «Хватит скрываться!» Пусть сам придет в милицию, повинится! Тогда суд сделает ему скидку... Все равно, скажи, найдут. Хуже будет. Я об этом уже тысячу раз думала... Пора ему человеком стать! Кроме этого, мне ничего не надо... — Она, так и не вздохнув всей грудью, заплакала, махнула рукой и, припадая на ногу, тихо побрела вдоль стены назад.

Один из мальчишек, стоявших у башни, поднял с земли камень и запустил им в Веренича.

...Алька достал из джинсов пачку десятирублевки и показал Налегину и Гаршину. Потом снова глубоко засунул в узкий с белыми наклейками карманчик.

Налегин открыл сейф. Два толстых зеленых тома розыскного дела с черной надписью «Хранить вечно!» лежали на самом верху, особняком. Он развязал тесемочки, достал фотографию и передал Альке.

— Похожа?

— Она! — удивился Веренич.

— А это кто? — Налегин положил на стол сначала одну фотографию, потом другую, уже открыто празднуя вторую подряд победу уголовного розыска. — Он?

Удача, как и беда, одна не приходит: вчера — Сочнева, сегодня — Кокурин. Таинствен и непонятен закон парных случаев!

— Это Павел, Павел Леганов, — подтвердил Веренич и даже как будто обрадовался, увидев портрет знакомого человека, — правильно. Но подождите, — он тут же опомнился, — выходит, что Павел жулик? А он-то хороший работник, честный! Их бригада на Доске почета висит. Мне сам Павел показывал. А Василь Васильич — лучший бригадир станции. И Павел у него как родной...

— Эх, Алька! — сказал Налегин и подошел к скрипяющей двери, чтобы, наконец, прикрыть ее. Налегин понимал двусмысленное положение, в котором неожиданно оказался Веренич, обратившись к нему за помощью. — Хорошо, если бы было так...

— Мы должны тебя, Алька, огорчить: тот, кого ты называешь Павлом, — Гаршин на секунду помедлил, подыскивая слова, которые не могли бы внезапно ошеломить его юного собеседника, — на самом деле не Павел. Он сын Кокуриной. Николай. Мы его давно разыскивали...

Веренич, казалось, готов был разреветься.

Гаршин поманил его к себе на диван.

— Успокойся. Понимаешь, если ты прав и Павел стал хорошим человеком, то ты сегодня ему помог. Честное слово. Он отбудет наказание, зато сможет жить спокойно, ни от кого не скрываясь. И от своей матери тоже. Ну, а что, если все эти годы он занимался преступлениями? И тогда ты пожалеешь, что пришел к нам?

— Я думал старушке помочь, когда шел сюда, — тихо сказал Алька, — а Павел не мог заниматься преступлениями... Если бы видели, как он байдарку клеит! У него же дочка маленькая есть... Василь Васильича внука... Он ее так любит!

— Дочка? — удивился Налегин.

— Ну да!

Алька запнулся, не зная, какие еще привести доводы в пользу своего друга. Лицо его вдруг просветлело:

— А если бы Павел сам пришел в милицию, а?

— Это было бы лучше для него...

— Но вы сейчас не поедете за ним? Я успею поговорить? О том, что я был здесь, не скажу, честное слово! Просто передам, что мне сказала мать!

— Ты в волейбол играешь? — вместо ответа улыбнулся Гаршин. — Спускайся во внутренний двор, там сейчас начнутся соревнования. Посмотри за игрой. Мы тебя позовем. Только — чур! — болеть за команду милиции!

Гаршин и Налегин вернулись из погрузочно-разгрузочной конторы станции весьма озадаченные теми сведениями, которые удалось получить о Леганове.

В тот день, когда были совершены кражи у Ветланиной и Шатько, Леганов, как выяснилось, был на станции. В двенадцать часов он выгружал пульман с мукой. Выгрузка была комиссионная, в присутствии охраны и железнодорожной милиции.

— Да, тут уж не отлучишься ни на минуту, — признался Гаршин, — к нашим кражам Леганов отношения не имеет. Точка.

Бригаду, в которой работал Леганов, и ее бригадира хорошо знал оперуполномоченный, обслуживавший товарный парк, — «за эту бригаду ручаться можно!».

Гаршин не стал разочаровывать: «Можно так можно». Впереди у оперуполномоченного был по меньшей мере выговор за потерю бдительности.

— А может, в самом деле дать Кокурину возможность явиться с повинной? — спросил Налегин, когда они вошли в кабинет. — Это ведь будет таким примером для других, кто еще пробует скрываться от закона! И кроме того, Алька. Ему надо вырасти человеком... с верой в людей...

Позвонили дежурному по управлению.

— Результатов опознания из Москвы нет?

— Рано еще.

Гаршин сел на свой любимый, уже изрядно продавленный диван и, закрыв глаза, откинулся к спинке. Налегин молча ждал его решения.

— Значит, Кокурин, — сказал Гаршин. — Ну что ж... Попробуем изменить угол зрения, к которому привыкли. Разрушим, так сказать, стереотип... Мы еще смотрим на Кокурина как на рецидивиста Бубна, а теперь посмотрим на него как на грузчика Павла Леганова. Что в прошлом у этого грузчика? Через месяц после побега он под липовыми документами, но впервые в жизни устраивается на работу. И не только устраивается — главное, работает, и хорошо работает. Бригадир берет его в свой дом... Да... Что ж, подождем до вечера, я посоветуюсь с руководством, и решим. На Веренича, я думаю, положиться можно.

— Вы не опасаетесь, что Кокурин убежит?

— Предоставь это дело мне. Не беспокойся. Сегодня, по-моему, в ресторане «Остромск» встреча студентов бывшей сорок пятой группы?

— Да.

— Большой привет всем от Старика...

Гаршин поднялся с дивана, но когда Налегин уже в дверях обернулся, то увидел, что Гаршин все еще стоит, прислонившись плечом к стене, и задумчиво смотрит в окно, черноглазый, твердый и доброжелательный.

ПРОПУЩЕННАЯ
ГЛАВА
глава 13

Побег Кокурина был слишком дерзким и непродуманным, чтобы оказаться удачным. Побег был замечен по крайней мере с двух внутренних постов, в своей первой начальной еще стадии. Тревогу в тюрьме объявили до того, как

ноги беглеца коснулись горячего уличного асфальта.

При таких обстоятельствах преступник должен быть обнаружен в первый же час, даже в первые ми-

путь побега, и поэтому ориентирование соседних областей и железных дорог было намеренно задержано. Стоило ли давать телеграммы, звонки, подымать на ноги столько людей, если Кокурин — вот он, здесь, рядом с тюрьмой! Он не успел еще добежать до троллейбусной остановки, находящейся метрах в семистах от стены.

Однако верный, основанный на экспериментах расчет работников тюрьмы был опрокинут одним из тех незначительных обстоятельств, которые почти невозможно предусмотреть.

Кокурину вовсе не пришлось бежать к троллейбусной остановке. Завернув за угол, он увидел впереди себя пустую грузовую машину как раз тогда, когда шофер, садясь, закрывал за собой дверцу кабины.

Секунда — и Кокурин, лежа на дне кузова и испытывая жесткие толчки в спину, смотрел вверх, в голубое небо. Город, пролетавший за дощатыми бортами, жил обычной рабочей жизнью, словно ничего и не произошло. Кокурин слышал отрывки разговоров, гудки... На центральной улице грузовик обдало вихрем брызг от проезжавшей рядом поливальной машины. Боясь поверить в удачную примету, Бубен не стер с лица воду...

Начальник тюрьмы, еще не старый человек, с красным ромбиком на кителе, в своем кабинете руководил ходом поисков.

Пятнадцать минут... Семнадцать... Вот уже кольцо улиц среднего радиуса перекрыто. Через несколько минут будет перекрыто второе кольцо и начнется их сужение. Сейчас беглеца должны будут привести. Глупая, обреченная на неудачу попытка побега!

— Сообщить по железной дороге? — спросил заместитель.

— Еще подождем. Не будем паниковать.

Оба телефона на столе начальника молчали.

— Через десять минут уйдет московский поезд...

— Я послал человека по кольцу с заездом на вокзал. Все равно раньше чем через пятнадцать минут Кокурин туда попасть не может. Во сколько часов следующий поезд?

— Через полтора часа.

— Направьте с этим поездом оперативную группу.

...У железнодорожного переезда машина остановилась. Кокурин выглянул из своего убежища. Тяжелый брус шлагбаума мерно покачивался вверх-вниз у самого радиатора. Два круглых больших фонаря, как глаза спрута, мерцали при дневном свете тускло и безжизненно. Слева, в ста метрах, был вокзал. Отправление пассажирского поезда задерживалось. На низкой платформе суетились пассажиры. День был на редкость жаркий и безоблачный.

Кокурин подбежал к последнему вагону. Маленькой проводнице было не до него: ее окружили молодые моряки в жарких, застегнутых на все пуговицы и крючки форменках. Рядом стояла еще группа молодых мужчин, они громко подтрунивали друг над другом. Кокурин сразу определил, что они едут куда-то на сельскохозяйственные работы, скорее всего трактористы или шоферы. Вместе с ними Кокурин беспрепятственно поднялся в вагон и пристроился на нижней боковой полке.

— Время! — сказал кто-то, поглядев на часы.

— Почему не едем?

— Расписание не изменилось?

Кокурин сидел потный и бледный. Задержка поезда лишала его всякой надежды, а без надежды это был уже не тот находчивый и ловкий человек, который полчаса назад смело прыгнул с одной крыши на другую, птицей перелетев серую, выложенную камнем полосу тюремного двора.

— Может, в картишки? — спросили рядом.

— Можно, — сердце его стучало.

— Какие козыри будут?

— Постоянные, крести.

— А где буби! Я помню, ездил в Шарью...

Еле-еле слышный стук буферов далеко, за несколь-

ко вагонов впереди, вдруг почудился Кокурину. Стук быстро передавался от вагона к вагону, становясь все явственнее и громче.

— Наконец-то!

— Ну, вот и поехали!

— Пора! — мрачно сказал начальник. — Больше ждать не будем. Действуйте! Час прошел.

Он еще раз взглянул в окно, словно ожидая увидеть там пойманного Кокурина. Но во дворе было пусто.

Первая ориентировка о побеге заключенного была составлена как положено, с учетом всех данных его словесного портрета. Однако именно поэтому в ней, по существу, не содержалось ничего такого, что позволило бы сразу выделить Кокурина среди других людей...

«Совершил побег Кокурин Николай Иванович, 1924 года рождения. Осужденный по статьям... На вид 35—36 лет, высокого роста, нормального телосложения, лицо овальное, спинка носа вогнутая, основание носа горизонтальное; подбородок слегка скошенный. Особая примета: шрам на правой брови... Примите меры розыска».

Девять десятых встречных имеют овальные лица, наделены, к счастью для них, нормальным телосложением, характеризуются вогнутыми спинками носов, то есть они попросту курносы. Что же касается шрама, то его не так просто заметить, если не представляешь себе облик человека и не знаешь особенностей самого шрама. След от нанесенной когда-то раны был у Кокурина небольшой и находился у глаза, ближе к виску; синеватый, выделявшийся на светлой коже, как правило, в морозные дни, он был почти незаметен летом.

Наверное, большие результаты дала бы попытка не внешнего, а психологического портрета Кокурина: «Выражение лица отчужденное, часто курит, докуривая сигарету почти до конца, придерживая ее ногтями, взгляд холодный, дерзкий, ведет себя независимо,

молчаливо, необщителен, при волнении поднимает правую бровь и закусывает нижнюю губу...» И так далее. Может быть, это дало бы лучшие результаты? Трудно сказать.

...До ближайшей станции был час езды. Там, знал Кокурин, его будут искать по-настоящему. Он думал об этом, сидя на боковой полке посередине вагона, а руки, словно управляемые автономно, из центра, находящегося вне его, Кокурина, привычно скидывали крупные очки на взятку партнеру и безошибочно били чужого туза козырной десяткой. Играть в карты он умел. Это было, пожалуй, единственное, что он умел делать хорошо, потому что даже в воровстве он особенно не отличался.

Среди партнеров по вагону оказался и любитель игры в «очко». Бубен сел играть, не имея в кармане ни копеек, и выиграл. Выиграл дважды и трижды. Партнеры проигрывали беззлобно. Деньги у них были.

Сбоку у окна висела старая, выдавшая виды синяя куртка из кожзаменителя, на которую Кокурин время от времени поглядывал. Он знал, что должен завладеть ею любым путем.

— Что, куртка моя понравилась? — со смехом спросил ее владелец, сидевший тут же на лавке.

— Ага! Может, продашь?

— Зачем тебе рвань такая? Смотри на подкладку!

— А мне такая нужна. Сколько?

— Ну, сколько? Давай на две бутылки! Только смотри не обижайся потом!

...Когда оперативники линейного отдела в Борисовке шли по поезду, они видели мужчин, ехавших на уборку урожая. Чем-то похожие друг на друга комбайнеры, прицепщики перебрасывались крепкими шуточками, перекликались громкими, привычными к большим просторам голосами. Кокурин среди них не выделялся.

Не выделялся прежде всего потому, что у него теперь была ярко-синяя куртка — необычная, невольно привлекавшая к себе внимание окружающих, а потому казавшаяся немыслимой на беглеце. Документов

у Кокурина никто не проверил. Он вышел из поезда в Остаповке, на попутной машине доехал до Вицева и оказался вне зоны розыска по горячим следам.

В Остромск Кокурин приехал утром. Шел мелкий моросящий дождь. Плаща у беглеца не было. Он вышел из вагона якобы только за тем, чтобы купить газету. Без чемодана, без вещей, он постарался побыстрее покинуть вокзал и смешался с людьми, ожидавшими автобус на площади.

Он ничего не ел до самого вечера. Деньги, выигранные в карты, кончились, но какое-то чувство удерживало его от воровства. Бубен знал, что кражи, совершенные вот так, под влиянием голода, большей частью заканчиваются неудачами.

Но дело было не только в этом.

О чем он думал, решаясь на побег? Хотел ли он, оказавшись на свободе, совершить крупную удачную кражу, погулять, потом снова сесть в тюрьму — уже на очень-очень долгий срок? Нет... Хотел ли он исправиться, начать честную жизнь на воле? Тэже нет.

Просто он ощутил внезапно, после всех разговоров с оперуполномоченными, после книг, стремительный бег уходящего времени. Вдруг он понял то, о чем ему твердили сотни, даже, пожалуй, тысячи раз следователи, работники милиции и колоний, — что дни уходят, что оставшегося времени может уже не хватить на то, чтобы начать иную жизнь — какую, толком не мог себе и представить.

И сейчас Кокурин бродил по городу в нерешительности, отдавшись мыслям бесполезным и даже опасным для бежавшего преступника. Он думал о том, что рано или поздно ему придется пойти на воровство, и тем не менее не делал ничего, чтобы подготовиться к этому.

Так люди, бросившие курить и не кутившие в течение длительного времени, решившись вдруг поднести ко рту сигарету, оттягивают минуту первой затяжки, хотят продлить хотя бы еще немного ставшее привычным ощущение чистоты.

Несколько раз Кокурин подходил к рекламным щитам:

«ШКОЛЕ ТОРГОВОГО УЧЕНИЧЕСТВА — МАГАЗИНУ № 87 «ГАСТРОНОМ» ТРЕБУЮТСЯ УЧЕНИКИ ПРОДАВЦОВ. СРОК ОБУЧЕНИЯ...»

«НА РАБОТУ В ОТЪЕЗД ТРЕБУЮТСЯ...»

Он водил пальцем: «ГЛАВНЫЕ БУХГАЛТЕРЫ ИНЖЕНЕРЫ-ЭКОНОМИСТЫ, ПЛАНОВИКИ СПЕЦИАЛИСТЫ ГОРНО-ОБОГАТИТЕЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ». Нет, здесь не было строчки «ЛЮДИ БЕЗ ДОКУМЕНТОВ И СПЕЦИАЛЬНОСТИ».

Женщина на троллейбусной остановке читала книгу, он заглянул через ее плечо.

«— Ты уходишь, Морис?»

— Ну, ты же знаешь, что мне не получить работы!

Николь заплакала».

Маленькая дамская сумочка была небрежно положена сверху в хозяйственную, украсть ее было нетрудно. Но, постояв рядом с женщиной и заглянув к ней в книгу, Бубен отошел в сторону.

Под вечер узкими улочками вновь вышел к вокзалу и вновь миновал его такими же маленькими переулками и улочками. Потом Кокурин неожиданно оказался среди двухэтажных деревянных бараков в районе, где пахло теплой железнодорожной гарью.

Под окнами в маленьких, отвоеванных у тротуаров садиках сидели люди, разговаривали или играли в домино. В глубине окон матово серебрились экраны телевизоров.

— Оля! — крикнул кто-то из палисадника. — Я до магазина, пока не закрыли!

Солнце опускалось за водонапорную башню, затейливо сложенную из желтого и белого кирпича.

Пожилой, но крепкий еще человек вышел из калитки навстречу Кокурину. У него было добродушное загорелое лицо работяги и необычные, стремительные, взметнувшиеся ко лбу черные брови. Старая фетровая шляпа была сдвинута на затылок.

Кокурин повернул вслед за этим человеком.

Голодному Бубну магазин показался сказочно красивым. На одной из его не слишком освещенных витрин были выложены пирамиды из рыбных консервов, банок со свиной тушенкой. Но Кокурина больше привлекла другая, где маленький веселый поваренок нес впереди себя на гигантской вилке такую же гигантскую котлету.

— Сейчас сделаем! — раздался вдруг неподалеку негромкий голос, и Бубен вздрогнул. В особых, непередаваемых интонациях голоса он почувствовал «свое», давешнее, уголовное...

Двое парней шли к магазину. Тот, что сказал «сейчас сделаем», казался энергичным, жилистым, под его светлой рубашкой, заправленной в чуть расклешенные брюки, чувствовался мускулистый торс атлета.

— Брось,— заплетающимся языком сказал второй.— Нам хватит.

В эту минуту из магазина вышел человек в фетровой шляпе.

— А-а! Папаша! — двинулся к нему первый парень, оглянувшись по сторонам.

В отличие от своего дружка он не шатался и не глотал слова. Со стороны казалось, что он навеселе. Но у Кокурина был наметанный глаз, он сразу понял, что парень пьян, что он давно уже не отдает себе отчета, где он, что делает, и потому дик и страшен в этом своем неведении. Его более слабый товарищ, видимо зная об этом, тотчас стал отходить назад. Он еле держался на ногах, но сознание не покидало его.

Одолжи-ка денег! — сказал первый парень возбужденно. — Живо, папаша! Нужда пришла!

Кроме Кокурина и этих двух, у магазина никого не было. Но мужчина спокойно качнул густыми бровями, он отнюдь не был трусом.

— Я, по-моему, тебе не должен...

— Живо,— сказал парень,— моментом!

— Живо только мухи летают.

— Вон что! — чуть слышно сказал парень и сунул руку в карман.— Издеваешься!

— Постой! — крикнул Кокурин, бросаясь к пьяному.

Глупая улыбка лунатика мелькнула на лице парня. Он медленно, как бы для того, чтобы поздороваться, повернулся к Кокурину и тут же, молниеносно развернувшись и продолжая улыбаться, ударил его по голове чем-то тяжелым, затем ловко увернулся от рук мужчины и побежал по тропинке в сторону железной дороги. Кокурин прижал ладонь ко лбу и присел на тротуар. Ладонь стала липкой и горячей.

— Больно? — спросил человек в старой шляпе. Он поддерживал Кокурина, не обращая внимания на то, что капли крови падают ему на белую новую рубаху. — Ты где живешь? Сейчас я «Скорую» вызову...

— Не надо «Скорую»... Я посижу и пойду. Я нигде не живу, проезжий...

— Никуда ты не пойдешь... Я тебя не оставлю! Переночуешь у меня, а завтра разберемся.

...Еще не зажигая сигареты, он почувствует ее запах, от которого чуть заноет в груди, а потом горьковатый сильный аромат властно расширит кровеносные сосуды и сладостная ватная слабость медленно заполнит тело. Он сядет на стул или просто на камень и снова затянется. Постепенно исчезнет слабость, голова станет особенно ясной и трезвой, но воздух уже не будет казаться в груди таким легким и бесшумным, как раньше, и злость на себя, на свое безволие, на неумение навсегда отказаться от проклятого порока отравит радость существования. Он будет курить, проклиная ту минуту, когда, уже успев привыкнуть обходиться без наркотика, снова взял в рот сигарету.

Кокурин знал все это. Хорошо знал, что будет, когда он возьмется за старое, и поэтому, сидя на крыльце магазина с окровавленной головой, радовался тому, что жизнь словно бы сама, без его участия решила важнейший вопрос, доверив его судьбу незнакомому хорошему человеку. И он, Бубен, был готов ему повиноваться.

КОКУРИН
глава 14

Ответ из Москвы, которого так ждали Данилов, Гаршин и все работники угрозыска, пришел только поздно вечером. Из трех фотографий, предъявленных Тюренковой на опознание в МУРе, она уверенно выбрала одну. И это

была фотография Сочневой, тихой незаметной медсестры из Остромска.

Следователь, заверивший своей подписью показания Тюренковой, человек, должно быть, молодой, настроенный решительно, крикнул в трубку:

— Задерживайте Сочневу! Тюренкова опознала ее твердо! — Голос у него был по-мальчишески звонок. — Ни пуха ни пера!

Быстро записав телефонограмму, пожилой дежурный по управлению, славившийся неиссякаемым оптимизмом, добротой и мастерской игрой на гитаре, тотчас позвонил в кабинет Гаршину.

— Поздравляю, Константин Николаевич! От всей души! Мне кажется...

Гаршин выслушал дежурного, которому дальнейший розыск преступников казался теперь делом быстрым и легким, и поблагодарил за поздравления и советы.

— Вас, говорят, можно поздравить и с другим успехом? — басовито пророкотал дежурный. — Я ведь тоже его розыском занимался...

Гаршин настороженно хмыкнул.

— Слишком много успехов. О чем вы?

— О задержании Кокурина.

— Об этом еще рано...

— Как рано? Мне уже звонили из КПЗ: он там!

Гаршин отвел трубку от уха и, положив ее на стол, несколько секунд постоял неподвижно. Дежурный продолжал что-то рассказывать.

— Кто его задержал? — наконец резко спросил Гаршин.

— Как кто? Шубин! Еще вечером... Поедете в КПЗ?

— Выхожу,— Гаршин быстро собрал бумаги, погасил в кабинете свет и захлопнул дверь со стуком, чего обычно никогда не делал.

«Что случилось? Почему никто из тех, кто наблюдал за домом Кокурина, ничего не доложил? Может, они считали, что арест произведен с моего согласия?» От хорошего настроения, с которым Гаршин встретил сообщение из МУРа, не осталось и следа.

Камера предварительного задержания находилась в двадцати минутах езды от управления. Машина шла по опустевшим улицам. Ночная быстрая езда по городу всегда действовала на Гаршина успокаивающе. За рулем сидел какой-то странно притихший и растерявший большую часть своего детективного рвения Калистратов. Он ждал, когда Гаршин повернется в его сторону.

— Как, товарищ майор, не поймали еще того... у артистки...

— Еще нет. Но скоро должны.

— Понимаю, — сказал Калистратов и без всякой связи добавил: — А я документы в заочный юридический послал,— после этих слов шофер, казалось, перестал дышать, чтобы уловить малейшую реакцию Гаршина.

Но тот не отвечал. Так они проехали несколько перекрестков. Потом майор сказал:

— Завтра зайдите ко мне. Поговорим подробно. Нужно подумать о переходе в наш отдел.

— А ваш шофер куда? — встрепнулся Калистратов.

— Я не о том. Вам пора переходить на оперативную работу, раз вы так серьезно взялись. Чтобы теоретические знания не оставались мертвым капиталом.

— Я понемножку практикуюсь! — Калистратов, оживившись, хотел рассказать, как однажды в течение нескольких часов следил за одним человеком и как этот человек смутил его и Шубина тем, что выложил к их ногам на тротуар с десятков белых батонов. Но, пораздумав, Калистратов не стал рассказывать: «Подумает, хвастаюсь».

Оставив машину метрах в пятидесяти от КПЗ, Гаршин пошел дальше пешком.

«Как же все-таки Шубин разыскал Кокурина? Что произошло?»

Он открыл железную калитку и прошел длинный коридор между двумя высокими заборами. Впереди была еще одна калитка, со звонком и круглым окошечком.

— Кто идет? Удостоверение, — потребовали в окошечке, когда Гаршин нажал на кнопку звонка.

Потом два раза щелкнул замок.

Отношение следователя к преступнику всегда претерпевает изменение с того момента, когда этот преступник пойман и взят под стражу.

Безымянный символ преступления, значок зла, не имевший до этого плоти и крови, вдруг приобретает черты конкретного живого человека.

Этот живой человек входит в кабинет, заложив по давнишней лагерной привычке руки за спину, останавливается перед Гаршиным, вежливо просит разрешения налить себе из графина воды...

Он пьет жадно, словно исстрадавшись от жажды, и прозрачные капли остаются на губах. Бессознательно, обыденным жестом человек смазывает их на ладонь.

Как просто сейчас Гаршину забыть обо всем, пожалеть, простить! Как приятно сознавать себя великодушным, большим, незлопамятным!

Но в то же время во много раз благороднее, хоть и тяжелее, ничего не забывая и ни о чем не умалчивая, помочь этому человеку одолеть все трудности сознанием безграничности своих душевных сил.

...Кокурин ставит стакан на место и благодарит Гаршина.

Гаршин не думал о том, с чего он начнет разговор с Кокуриным: у каждого следователя в общем-то одна манера допроса, хотя ему и кажется, что он ее меняет в зависимости от характера допрашиваемого.

Кокурин был еще слишком ошеломлен своим арестом: ни о чем не жалел, не думал о том, что ждало его впереди, а просто смотрел на следователя.

— У вас Веренич был? — спросил Гаршин сразу, чтобы Кокурин не подумал, что ему, Гаршину, необходимо что-то выпытывать. — Алька?

— Был, — Кокурин вздохнул.

— По-моему, хороший парнишка. Во всяком случае, он ценит сделанное ему добро. Ну ладно. Собственно, о вашей жизни я знаю почти все. Скажите, как вы встретились с Василием Васильевичем, с бригадиром?

— Да так... Случайно помог ему... Потом неделю лежал у него дома с сотрясением мозга. Делать нечего было, лежал и думал обо всем... Конечно, сейчас, когда я арестован, вы мне верить не можете: мало ли что я расскажу? Но я много раз хотел прийти к вам с повинной. Подходил даже к горотделу милиции... А потом: «Еще месяц», «До весны», «До зимы» — и оправдание было: арестуют — подведу бригаду!

Кокурин сначала говорил медленно и спокойно, а потом все быстрее и взволнованнее.

— А когда Алька передал слова матери, понял: «Все! Надо идти, хватит!» Написал я письма, — продолжал Кокурин, — одно Василию Васильевичу, другое Ольге... Это его дочь.

— Где сейчас эти письма?

— Их взял сотрудник, который меня арестовал, такой высокий, вежливый, в очках. Он еще перед тем, как закурить, у Ольги разрешения спрашивал...

Где-то здесь, в быстром поверхностном разговоре последственного со следователем, та же опасность — с одной стороны, нельзя было прервать Кокурина грубым напоминанием о преступлении, а с другой стороны, ни из каких понятных человеческих чувств нельзя было умолчать об этом, чтобы у Кокурина не создалось впечатление о том, что в душе Гаршин оправдывает его побег из тюрьмы или находит для него смягчающие мотивы.

— Вы обжаловали последний приговор суда? — спросил Гаршин.

— Приговор был справедлив. Да ведь ясно: новую жизнь с побега не начнешь!

— Да, вам придется начинать сначала.

Гаршин почувствовал себя спокойнее: он не обманывал ни себя, ни Кокурина.

— Понимаю. Я к матери не приходил. Считал, что она меня давно уже похоронила. Ну, а если она и помнила, то что я мог ей сказать? Что меня ищут? Что я скрываюсь? Она и сама это знает. С самого детства я причинял ей только горе...

— Я дам вам свидание с матерью... И с Алькой тоже.

Рассказ Кокурина о жизни в Остромске был сбивчив: он словно радовался освобождению из темницы, в которую сам заключил себя когда-то своим побегом. Решетки этой темницы были невидимыми для окружающих, но для него они не становились от этого менее прочными и тягостными. Кокурин носил их в себе ежедневно и ежечасно все эти годы — на работе и дома, встречаясь с людьми, не радуясь ничему, постоянно ощущая их холодную отрезвляющую сталь.

Гаршин старался осторожно поддержать в Кокурине этот душевный настрой.

— Разрешите, я вас спрошу, — Кокурин помедлил. — Зачем понадобилось впутывать в эту историю Альку, мою мать? Вы ведь могли меня просто арестовать!

Гаршин не сказал надменно: «Здесь вопросы задаю я!», как это иногда позволяют себе некоторые следователи, или: «Здесь вопросы задаем мы!» — что звучит еще внушительнее. Майор серьезно и просто рассказал Кокурину о том, что произошло с того дня, когда Алька на улице случайно познакомился с На-легиным.

Гаршин считал, что именно следователь должен первым подавать на допросах пример искренности, доверия и честности и без нужды не окутывать свои поступки туманом таинственности.

ВСТРЕЧА ОДНОКУРСНИКОВ

глава 15

Посредине невысокого, ярко освещенного зала лежала широкая ковровая дорожка, а по обеим сторонам ее стояли столики. В дальнем углу зала, как на другой стороне площади, сверкал никелем буфет. На низкой эстраде шептались

оркестранты, готовясь к выступлению.

— Сюда, — сказал Мамонов. Он поздоровался с молоденькой официанткой и свернул в боковой кабинет. У Налегина тревожно и зябко дрогнуло сердце.

В комнате было много людей. Едва Мамонов и Налегин показались в дверях, поднялся шум:

— У-у!

— Привет! Салют!

— Славик! Кого я вижу?!

Не менее десятка голосов одновременно спрашивали, отвечали, смеялись.

— Тихо! — едва все уселись, прорвался вдруг сквозь этот шум громкий строгий голос. — Иначе публика будет удалена из зала! Все явились? Стороны в процессе? Представители истцов? Следователи? Уголовный розыск? — Тамада, бывший староста группы, а теперь заместитель председателя областного суда, поднялся, нетерпеливо постукивая ложечкой по фужеру. — Отводы к председательствующему имеются?

— Все здесь, — ответил в наступившей тишине бывший комсорг группы Женька Мамонов, — отводов не имеем.

— На зарубку становись!

Все встали. Когда-то, на целине, они установили торжественный ритуал — в конце каждого дня на шесте в самой большой палатке их лагеря делалась зарубка.

— За дружбу!

Второй тост тоже был за дружбу, за старых друзей. За профессорский состав, за Гаршина, за сту-

денчество, за альма матер — Остромский юридический институт.

В комнате стало жарко, пришлось открыть окна.

— А ты помнишь, как Тырнов принимал у нас экзамены? В носках!

— Где сейчас Вовка Хазан?

— Федя в Сирии! С Нинкой Зайцевой.

Первоначальный порядок, в котором сидели за столом, быстро изменился: расположились, как раньше на лекциях, только долго не собиравшиеся вместе партнеры по «Морскому бою» не подсчитывали потопленные корабли, а рассказывали друг другу об удачных арбитражных схватках, цитировали на память основные условия поставки.

— А я на работу заезжал, — поигрывая пустым бокалом, сказал Налегину Шубин, молча сидевший напротив. Он не принимал участия в воспоминаниях, потому что всегда держался в стороне от своей учебной группы.

Спартак загадочно улыбнулся. Чувствовалось, что ему не терпится поделиться с Налегиним какой-то новостью.

— Что-нибудь случилось?

— Нет. Ничего не случилось, — он снял очки и долго их протирал, — Кокурина задержали.

— Как задержали? Кто?

— Я задержал. Получил о нем данные и задержал.

— А Гаршин в курсе дела? Ведь Кокурина не следовало задерживать до завтрашнего дня.

— Да? А кто об этом знал? — Шубин пьяно засмеялся. — В плане стоит: «активизировать розыск». Я активизировал. А оказывается, этого делать не надо было! — Он шутовски всплеснул руками. — Ну, тогда извините. Не угодил. Я человек такой: мне говорят: «Найди преступницу, сбывавшую драгоценности Ветланиной!» Я нашел. «Разыщи скрывающегося Кокурина!» Я разыскал. Высокие материи меня не интересуют. Я их оставляю другим. Которым больше ничего не остается.

Кто-то дернул Налегина за рукав.

— Кто этот Кокурин? И вообще, Славка, стоит ли его сегодня вспоминать?

— Бывший преступник. Он бежал из тюрьмы, попал под влияние хорошего человека и несколько лет честно работал. Мы хотели дать ему возможность прийти с повинной...

Постепенно Налегин восстановил в памяти события последних часов: приход Юного Друга Шубина, ожидание под дверью, скрип половиц, «Если что-нибудь интересное будет — сразу ко мне!».

— Ты знал, что Кокурина решили не арестовывать! А данные свои ты получил из-под двери кабинета!

Шубин не смутился.

— Вот тут уж ты меня извини, Налегин. Откуда узнал? Я тебя о таких вещах не спрашиваю и тебе отчет давать не буду.

Оба не замечали, как вокруг них умолкли разговоры и уже весь стол прислушивается к спору.

— Зачем ты это сделал?

— Кокурин в первую очередь преступник! К чему сантименты разводить?

— Жить-то ему после отбытия наказания опять в обществе!

— Ты, Шубин, недооцениваешь роль нашей действительности в перевоспитании характеров, — вмешался судья. — Если в повседневной жизни не видеть этой силы, то...

— Мы часто привлекаем целые теории для оправдания таких поступков, которые совершены под влиянием личных и часто довольно низменных мотивов, — язвительно сказал кто-то с другой стороны стола.

— Не бросайся красивыми словами! — Шубин отстранил от себя тарелку. — Не для себя же я это сделал! Может, какие-нибудь другие преступления раскроем!

— Сначала посадить, чтобы потом узнать, не совершал ли он преступлений?!

— Ты для всех нас постарался, для общества! Спасибо, — сказал тамада.

— Тихо! — раздалось почти одновременно несколько голосов. — Играют «Земляки»!

Оркестр играл популярную в их институтские годы песню.

...Одна песня сменяет другую, а трещина в отношениях бывших однокурсников остается. Кое-кто поглядывает на часы: наступает минута прощания.

Бывшие студенты начинают расходиться по домам.

За столом остается всего человек пять, которым спешить некуда. В ресторан уже никого не пускают. Оркестр играет теперь почти без перерыва. В зале обстановка довольно непринужденная: посетители знакомятся, подсаживаются друг к другу за столики — создаются новые компании. Официантки задерживают на окнах шторы, уносят посуду, меняют пельницы.

Шубин тоже на время исчезает и возвращается к столику, словно ничего не произошло. В руках у него маленький графин с вином: первый момент опьянения прошел, и можно себе позволить выпить еще и с аппетитом закусить. Позади Шубина — незнакомый Налегину блондин с круглыми, как у совы, глазами и крючковатым носом. Он несет тарелку с чистыми рюмками.

— Это врач «Скорой помощи», — представляет его Шубин. Похоже, что они только что познакомились и даже не знают друг друга по имени.

— Садитесь, — приглашает Мамонов и пододвигает врачу стул.

Шубин разливает вино по рюмкам и, перегибаясь через стол, ставит рюмки перед Мамоновым и Налегиним: «Что было — все мур. Кто старое помянет — тому глаз вон».

Вечер безнадежно испорчен, но Налегин не уходит: ему кажется, что он не сказал Шубину самого главного.

Даже если бы кражи у Ветланиной и Шатько были последними в мире преступлениями, все равно для

их раскрытия нельзя использовать любые средства. Одна несправедливость порождает другую, и этот замкнутый круг должен быть где-то разбит.

— За что выпьем? — как будто ничего не произошло, спрашивает Шубин.

КТО ЕСТЬ КТО

глава 16

Еще до начала совещания позиции Данилова и Гаршина не были ни для кого секретом.

«Сочневу немедленно задержать, произвести обыск в квартире, найти вещественные доказательства и умелым допросом склонить к признанию» —

такова формулировка Данилова.

В этом решении был он весь, кипучий, нетерпеливый, привыкший сначала делать, а потом находить аргументы в подкрепление своего порыва. Приняв решение, Данилов любыми средствами доводил его до конца и ни при каких обстоятельствах не жалел о том, что уже сделано.

«С задержанием Сочневой не спешить, установить за ней наблюдение и обнаружить соучастников: добыть доказательства, не вызвав у нее ни тени беспокойства» — так излагал свой план Гаршин.

Против Гаршина было время. Арест преступников откладывался на неопределенный срок, значительная часть оперативных сотрудников надолго приковывалась к одному объекту. Зато план Гаршина учитывал возможные неблагоприятные случайности, ведь на квартире у Сочневой могло не оказаться ни краденых вещей, ни других улик, и тогда допрос при умелом запирательстве преступницы не дал бы положительных результатов.

Штурм или осада?.. Оперативники в зависимости от их опыта работы, убеждений, внутреннего склада и темперамента разделяли ту или иную точку зрения. Маленькие, когда-то еле заметные расхождения в приемах работы Данилова и Гаршина становились с каждым днем все глубже, присутствуя теперь по-

чти в каждом мало-мальски серьезном деле; в этом же очень важном вопросе они проявились особенно сильно.

— Ждать да догонять — это не по мне, — сказал Шубин, входя в кабинет.

Он чувствовал, что его сторонятся и разговор в его присутствии ни у кого не клеится. Шубин, однако, заранее знал, что так и будет на первых порах после того, как он, на свой страх и риск, самовольно арестует Кокурина. Он предвидел и гнев Гаршина и, возможно, если так сложатся обстоятельства, выговор Данилова. Но он смотрел дальше, чем многие, и понимал, что первая реакция своих начальников и товарищей — это еще не все, это не самое важное. Шубин давно заметил начавшийся между Даниловым и Гаршиным разлад и был уверен, что ему на руку вся эта история, в которой он показал себя хотя и своевольным, но твердым и убежденным сторонником крутых мер в борьбе с преступностью, таким, каким был в душе и сам Данилов. Выбирая себе союзника, а в будущем, возможно, и заместителя, Данилов не мог не учитывать этого.

— Пока будем ждать да наблюдать, Сочнева нам еще пару преступлений подбросит! — громко добавил Шубин.

— Тебя жизнь особенно торопит, — сказал Кравченко. — Старика-то...

— Шубин замер. Неужели Калистратов рассказал о старике, который приезжал к Сочневой? А что? Мог случайно наболтать...

«А мы к этому дому ездили, проверяли старика с сухарями!» — «Какого старика?» — «Из сто четырнадцатой квартиры». — «Так ведь в сто тринадцатой Сочнева живет! Ну-ка, ну-ка...»

— ...Старика, соседа Ряхина, больного с кровати поднял, по форме хотел допросить!

Шубин усмехнулся.

— В спорах, Кравченко, рождается истина, это еще древние греки говорили.

— Нам спорить нечего, — вмешался Ферчук, — наше дело — приказы выполнять.

Шубин посмотрел на Ферчука доброжелательно. Он знал, что тихий Ферчук обладает великолепной памятью и Данилов любит поговорить с ним по душам.

Ровно в восемь часов Данилов вошел в кабинет.

— Прошу садиться. Константин Николаевич, ведите совещание.

Он сел на стоявший рядом со столом диван, а Гаршин занял место председателя. Пока все усаживались, в кабинет, как всегда неслышно, проскользнул застенчивый лейтенант из отдела кадров и сел на первый свободный стул.

— Прежде чем перейти к обсуждению дальнейших оперативно-розыскных мероприятий, — сказал Гаршин, — я прошу товарища Шубина рассказать об обстоятельствах задержания Кокурина.

— Пожалуйста, — Шубин пожал плечами. — Все знают, что я шефствую над одним подростком. Мальчишка шустрый. Если бы не мое влияние, он давно бы связался со шпаной. Иногда я даю ему кое-какие поручения. Воспитываю. Парнишка он, повторяю, сообразительный, все впитывает в себя, как губка. Вчера прибегает ко мне прямо домой: «Вы разыскиваете Кокурина? Я его адрес узнал!» Я и расспрашивать не стал, что и откуда. Все бросил и... А оказывается, с Кокуриным решили эксперимент поставить.

— Шубин зарвался! — вдруг сказал эксперт Саша, который обычно не вмешивался в отношения между сослуживцами, считая себя в уголовном розыске, как он выражался, «полутехническим персоналом». — Он не брезгует ничем. Честное слово!

— Бедняга Шубин! Он доверился плохому мальчику, и тот его обманул! — громко посочувствовал Кравченко. — Какая молодежь пошла! Кто только научил этого мальчика подслушивать и обманывать?! Вот бы до кого добраться!

Шубин растерялся. В своих прогнозах он предусматривал отрицательную реакцию коллег, но не в такой резкой форме. Даже эксперт! Ему-то какое дело? И Кравченко... Впереди еще Налегин. Краем глаза Шубин увидел его потемневшее скуластое ли-

цо. Разговор приобретал неожиданно опасный характер.

— Разрешите мне всего одну минуту? — попросил кадровик.

Гаршин кивнул головой. Все замолчали: было интересно послушать человека, который, присутствуя почти на всех совещаниях, никогда не выступал. Шубин посмотрел на него с надеждой.

— Как вы знаете, товарищ Шубин переведен к нам из главка. Почему? При расследовании уголовного дела по крупной краже из торгово-закупочной базы товарищ Шубин подверг дактилоскопированию всех грузчиков, работавших там. Только учитывая его чистосердечное признание вины и неопытность, товарищ Шубин был оставлен на работе в органах милиции и отстранен от работы в центре... Не хотелось бы об этом вспоминать, но в связи с настоящим делом... В связи с повторением... Вот!

Лейтенант покраснел и сел.

— Надо поставить о нем вопрос на партбюро, — опять сказал Кравченко с места.

Налегин поднял руку, но Данилов грузно встал с дивана, предоставив слово себе.

— Факт грубого нарушения дисциплины здесь налицо, а кроме того, явная неразборчивость в средствах. Мероприятия в отношении Кокурина были согласованы с руководством управления. Товарищ Шубин их самовольно сорвал. Товарищи здесь очень верно говорили о методах его работы. Как начальник отдела, я принимаю решение отстранить капитана Шубина от дальнейшего участия в раскрытии данного преступления. А к вопросу о взыскании мы еще вернемся. Я доложу о случившемся генералу. Сейчас, товарищ Шубин, идите и напишите объяснение.

Шубин поднялся и, пряча на ходу в карман блокнот и авторучку, пошел к двери. Нет, он не был особенно расстроен и раскаты даниловского голоса его не очень испугали: за небольшими отклонениями все шло так, как он и предполагал.

— Продолжим оперативное совещание? — Гаршин все еще стоял за столом. — Судя по «географии» пре-

ступлений, мы имеем дело с одним или несколькими ворами-«гастролерами», имеющими своих людей в тех городах, где они и совершают кражи. Таким человеком в Остромске является медицинская сестра Сочнева, опознанная вчера как лицо, сбывавшее в Москве вещи, похищенные у Ветланиной. Задерживать Сочневу рано, но я не предлагаю ждать сложа руки. Мое мнение: с помощью оперативной комбинации дать ей возможность обнаружить свою связь с партнерами. Для этого через руководство психоневрологического диспансера следует устроить Сочневой командировку по работе в какой-нибудь большой город. Лучше всего в Москву. Мне кажется, что Сочнева либо захватит с собою вещи из Остромска для продажи, либо получит их в другом городе. Во всяком случае, она наверняка свяжется со своими сообщниками. Я мог бы подробно изложить эту идею, но лучше это сделать в рабочем порядке. Сейчас нам важно наметить общую линию.

Он сел.

— План Гаршина мне нравится, — бодрым голосом, как будто ничего необычного в начале совещания не произошло, начал Данилов, — это хороший план. В нем учтено почти все. Можно даже сказать — все. Кроме одного весьма важного обстоятельства. Мы с вами работаем в областном аппарате и должны оказывать помощь всей области, а не одному только городу Острому...

Он на секунду озабоченно задумался.

— Мы не можем разбазаривать свои силы и время. Я полагаю, надо действовать проще и эффективнее: в десять часов я дам команду вызвать Сочневу к главному врачу диспансера. Два наших работника заедут за ней и привезут на квартиру. Можно еще проще: задержать ее завтра на рассвете. И обыск. Самый тщательный. По всем правилам. Допрос. Телеграммы по месту жительства родственников. Что-нибудь из доказательств на квартире мы найдем... Я предлагаю не тянуть, налечь на это дело, раскрыть и перейти к другим нераскрытым преступлениям.

— А если обыск у Сочневой и ее допрос ничего не дадут? — спросил Гаршин.

Данилов строго посмотрел на своего заместителя. Теперь он уже вовсе не напоминал Гаршину того полного, сознающего свою силу человека, который мог дома с самым непосредственным радушием, гостеприимно встречать гостей, а ночью, где-нибудь в лесу, у костра, не считаясь с положением, званием и комплекцией, охотно отправляться за хворостом и первому братья натягивать палатки.

За последние несколько месяцев Данилов приобрел иные черты: становился суше, злее и сдержаннее. Теперь Гаршин лучше понимал его и немного жалел.

— Я лично против того, чтобы задерживать Сочневу до того, как будут установлены соучастники, — сказал выступивший сразу же после Данилова эксперт. — Мы имеем дело с очень серьезной группой. Никто из этой группы не должен уйти... Пусть мы потеряем время, но зато возьмем всех.

Кравченко предложил включить в оперативную группу, которая должна будет выехать вслед за Сочневой в Москву, кого-нибудь из женщин, например, старшего лейтенанта Заварзину...

Данилов внимательно слушал объяснения, склонив голову так, что массивный подбородок закрыл узел галстука, а плечи круто и мощно поднялись. Он был достаточно опытным оперативным работником, Данилов, и он понял уже, что план Гаршина сулит больше, чем его собственный. Пожалуй, это был даже единственно правильный план. И полковник готов был примириться с тем, что заместитель предложил более верное решение.

Но Данилов еще продолжал некоторое время сопротивляться, потому что план Гаршина оставался чуждым и враждебным ему именно своей выверенной по линейке правильностью, безукоризненным, почти математическим расчетом. Дело, таким образом, было не в авторстве Гаршина, а в принципиальном неприятии Даниловым мер, обещавших успех не сегодня, не завтра, а в отдаленном будущем. И пусть это был гарантированный успех, все равно...

КОМАНДИРОВКА

глава 17

— Алевтина Ивановна! — строго сказала на пятиминутке главный врач диспансера. — Командировка!

В прошлом военврач второго ранга, она привыкла к точным и лаконичным формулировкам: «обследования», «культпоход», «вызов».

— Вы будете сопровождать больную в научно-исследовательский институт, в Москву!

— Да? И когда надо выезжать? — спокойно спросила Сочнева.

— Завтра-послезавтра.

— Везет! — шепнул кто-то за спиной Алевтины Ивановны. — Второй раз в Москву едет!

После пятиминутки Сочнева подошла к главному. Лицо ее было озабоченным.

— Маргарита Михайловна! Если уж я все равно еду, то нельзя ли мне взять в счет отпуска дней десять? А то я и в прошлом году отдыхала осенью и нынче. В майские праздники, как вы знаете, дежурила: хотела подработать. Я бы из Москвы к родне в Тулу заехала.

— Надо посоветоваться. Ведь на кого-то надо возложить ваши обязанности, — главврач с треском раскрыла новую пачку сигарет. — Я дам вам ответ позже.

К концу рабочего дня она сама позвонила Сочневой:

— Пишите заявление на семь дней.

— Спасибо, Маргарита Михайловна! Что вам из Москвы привезти? Может, ананасы?

— Вряд ли они будут...

— Обязательно будут! Это уж вы не волнуйтесь. И сигареты болгарские — «БТ» и «Трезор»? Я знаю ваш вкус.

— Можно и немецкие с фильтром...

— Ни к чему бы мне в Москву ехать. Там давка, все спешат, толкаются... Да что делать...

Однако домой в этот день Сочнева не шла, как

обычно, а буквально летела по воздуху, и люди Гаршина, которые уже несколько дней незаметно провожали Сочневу из дома на работу и обратно, не замедлили сообщить своему начальнику о новом способе передвижения Сочневой по улицам.

— Очень хорошо! — ответил майор.

И все-таки, даже узнав о своем скором отъезде из Остромска, Сочнева не поспешила с кем-нибудь встретиться, не отправила никуда ни писем, ни телеграмм, не заказала междугородного разговора — словом, не совершила ни одного поступка, «запланированного» Гаршиным.

— Как бы ананасы да сигареты не оказались всей нашей московской поживой, — заметил Данилов, выслушав отчет заместителя, — соучастников пока что-то не густо.

Он сказал это без всякого злорадства: как человек увлекающийся, Данилов уже успел войти в предложенную Гаршиным «Большую игру» и теперь переживал за ее исход так же, как недавно переживал за то, чей план будет принят.

За полтора часа до отхода поезда Налегин, Кравченко и Заварзина сидели в кабинете майора возбужденные и лихорадочно веселые. С минуты на минуту должен был прийти Гаршин. Любая шутка, замечание, даже просто слово вызывали у них неудержимые приступы смеха. Даже обычно сдержанный Налегин хохотал почти до слез.

Наконец появился Гаршин. Он сразу понял, что происходит с тремя его подчиненными, собравшимися на первую в их жизни крупную, очень сложную и по-настоящему опасную операцию.

— Выпейте воды, — посоветовал он.

Они послушно пили из графина невкусную теплую воду и опять смеялись. Особенно Зина.

Старший лейтенант милиции Зинаида Ивановна Заварзина, по современным понятиям о красоте, могла считаться весьма красивой — хрупкая, стройная,

с длинными и тонкими ногами. Над головой у нее возвышался высокий тюрбан золотистых волос. Глаза были карие, узкие и приподнятые к вискам: мать Зины приехала в Остромск из-под Казани. В уголовном розыске Заварзина работала оперативным уполномоченным по делам несовершеннолетних.

— Ну, хватит. Внимание! — сказал Гаршин. — Итак, работники Московского уголовного розыска будут встречать вас в Москве на перроне у пятого вагона. Их связной — мужчина лет сорока, с желтым портфелем и развернутой газетой «Сельская жизнь». Ему даны ваши подробные приметы. Я сам с ним разговаривал. По дороге на глаза Сочневой ни в коем случае не показываться. Так... Ну-ка, старший группы, проверьте, что у вас находится с собой. Называйте мне.

— Санкция прокурора на арест Сочневой, на выемку почтово-телеграфной корреспонденции, деньги, — перечислил Налегин, — требования на проездные документы.

— Оружие получили?

— Получили.

— Личные вещи взяты по списку? Ничего лишнего нет?

— Нет.

— А ты с транзистором? — спросил майор у Кравченко.

— Ага. Кажется, я и в самом деле к нему пристрастился.

— Ладно. Часть документов получите в Москве, а теперь еще раз о деле... — Гаршин повернулся к Заварзиной. — Кто вы такая?

— Хрусталева Инга Леонидовна, — ответила Заварзина, склонив в его сторону золотистый тюрбан, — работаю в магазине товароведом... Закончила техникум советской торговли, два года отбухала товароведом на оптовой базе. Там, между нами говоря, обстановка была такая, что... Я ушла оттуда.

— Понимаю...

— Теперь коллектив у нас в магазине подобрался ничего. Но скукота-скуотища! Директор — старик.

Все разговоры только о болезнях, ест одно паровое...
В отделе готового платья — две старые девы...

— Все, все, — поспешил Гаршин, — я вас понял.

— Кассирша наша думает, что мы все «с приветом» и не видим, как она...

— Разговор закончен, Хрусталева. Вы свободны. Сейчас, друзья, принесут ваши билеты на поезд. Я очень жалею, — никогда еще Гаршин не делился с ними своими переживаниями, — что не могу поехать с вами. Мне было бы в тысячу раз спокойнее. Но я верю в ваш опыт, в ваше хладнокровие, интуицию. Задание очень трудное. Надо быть особенно осторожным: противники опасные, они понимают, что в случае поимки их ждет суровое наказание. Это убийцы. Они могут пойти на все!

— Понимаем, — улыбнулся Налегин.

— Ты не улыбайся! Здесь смешного ничего нет.

— Разрешите? — Дверь в кабинет открылась.

— Вот и билеты принесли, — сказал Гаршин. — Что ж... Помолчим, чтоб была удача?

Помолчали. За окном, выходящим в сторону автобазы, сварливый женский голос, усиленный динамиком, повторял скороговоркой:

— Пронякин, Пронякин, получи талоны на дизельное топливо... Пронякин, куда ты подевался?

Зина не выдержала и прыснула в ладонь.

— Пора. — После короткой паузы Гаршин встал. За ним поднялись остальные. — До встречи!

Передав Сочневу сотрудникам МУРа на Ярославском вокзале в Москве, группа из Остромска перешла в комфортабельную радиофицированную машину, которую предоставили своим коллегам москвичи.

— Столица! — сказала Зина, утонув в мягком похрустывающем сиденье.

Машина двигалась на значительном расстоянии от Сочневой, и Налегин и его товарищи лишь изредка получали информацию от сотрудников МУРа.

Тихая медсестра из Остромска, как выяснилось, не только отлично знала Москву, но и умела обходить-

я с москвичами. За полтора часа она полностью правилась со своим заданием в научно-исследовательском институте, сумев за это время побывать на приеме у директора института и еще трех официальных лиц. Она нашла общий язык и с секретаршей, осклабавшей по вязаным шерстяным детским носочкам для внука, которые Сочнева пообещала ей выдать незамедлительно, сразу же после своего возвращения в Остромск. Так общими усилиями руководителей института и канцелярии больная, приехавшая Сочневой, была госпитализирована, а ответ в Остромск был тут же, в присутствии Сочневой, составлен, отпечатан и вложен в конверт для отправки — ообразительная медсестра рассудила, что почтой и попадет в Остромск намного раньше, чем с наочным.

Закончив свои дела, она вышла из института на два часа раньше, чем ее ожидали увидеть спокойно расположившиеся в открытом кафе напротив главного входа сотрудники МУРа.

— Огромной пробивной силы особа! — прокомментировал этот факт по радио неизвестный остромичам старший лейтенант. — Еще немного, и мы бы ее прооронили...

Затем Сочнева столь же энергично ринулась в московские магазины, в которых и провела почти целый день, не выказывая ни малейших признаков усталости и повергая в уныние трех молодых людей, сидевших в серой «Волге».

Зина Заварзина, которая прожила в Москве несколько лет и закончила юридический факультет Московского университета, пыталась отвлечь своих товарищей от невеселых мыслей, показывая им Москву.

— Крестьянская застава, — вслух узнавала она знакомые улицы, — Абельмановская... Налево будет портивный магазин, а направо Птичий рынок...

— Как это — Птичий? — спросил Кравченко. Он знал в Москве только Кремль, ВДНХ и два вокзала — Ярославский и Киевский.

— Здесь продают птиц, рыбок, собак. Вообще животных...

— Так здесь и кенара можно купить? — Кравченко чуть уменьшил звук транзистора, лежавшего у него на коленях. С этим транзистором он всю дорогу не расставался и выключал его только перед тем, как лечь спать.

— На обратном пути, — Налегин нервничал.

— Ну ладно...

В Москве было тепло, даже душно. На раннюю свежую зелень уже легла городская пыль.

Они томились в этой роскошной, плавно идущей «Волге» и, хоть и смотрели по сторонам и обменивались репликами, думали только об одном...

Кравченко настроил приемник на «Маяк». Передавали очерк об участниках художественной самодеятельности сельского Дома культуры, потом выступал профессор, рассказавший о болезнях суставов. Через каждые полчаса звучала мелодия «Подмосковных вечеров».

Сочнева стремительно передвигалась по городу: шашлычная у Никитских ворот, елисеевский магазин, «Ванда», ЦУМ, ни одного частного визита, ни одной встречи... Проспект Маркса.

— Самый центр, — негромко сказала Зина. — В такой толчее и самого себя потерять недолго.

— Может, пора им помочь? — спросил Кравченко. — Ездим тут...

— Вот сейчас закупит всего и поедет домой!

Внезапно раздались короткие позывные и уже знакомый спокойный голос:

— Объект вошел в Центральное экспедиционное агентство Аэрофлота на проспекте Маркса, покупает билеты на самолет.

А вслед за этим новое сообщение:

— Летит во Львов, рейс № 904, вылет сегодня в 17 часов 10 минут.

В каком-то порыве они протянули руки друг другу, и пальцы на секунду переплелись в радостном судорожном пожатии: «Началось». Тем временем молчаливый московский шофер уже взял курс на аэропорт «Внуково».

— Ленинский проспект, — только и сказал он, ког-

да они оказались на широченной автостраде, по которой неслись машины.

Дома по обе стороны улицы были огромными, увенчанными сверху во всю длину многометровыми надписями — «Изотопы», «Дом одежды», «Синтетика».

— Мальчишки, посадите меня у этого ювелирного магазина, — сказала Инга Хрусталева, незаметно сменившая в «Волге» Зину Заварзину, — нет ли в нем чего-либо пикантненького...

Ленинский проспект опрокинул их провинциальное представление о величине улиц. Они ехали уже долгое время, а вокруг все так же один за другим по обе стороны машины вставляли массивные, должно быть, очень уютные внутри здания, сверкали витрины магазинов, цветочных и газетных киосков. Неожиданно ровная нить домов прервалась. Начинался район застройки. Десятки корпусов по обе стороны дороги одновременно вставляли под краны и казались издалика громадными белыми грибами, росшими в удивительной гигантской теплице.

— А мы, собственно говоря, Москвы так и не увидели! — сокрушенно сказал Налегин.

Справа по шоссе скользили назад обгоняемые машины. Они словно двигались в обратном направлении, багажниками вперед. Скорость была велика, и обычно впереди сначала появлялся багажник новой машины, потом он какую-то долю минуты рос и приближался, а затем рядом уже мелькало, убегая назад, лицо очередного шофера, склоненного над баранкой.

— Здорово, — восхищенно сказала Инга Хрусталева, — у меня даже уши закладывает! Я страшно как обожаю езду на автомобилях.

Вскоре показалась стеклянная коробка нового аэропорта. Шофер сбросил газ и резко затормозил. Через минуту подошел связной.

— Привет! Отправление в 17.10. Прилет во Львов в 19.35. Вот ваши билеты. Регистрация уже произведена... Ну, что еще? Ваши места в хвосте, Сочнева впереди, так что вы выйдете из самолета раньше ее. Во Львов уже позвонили и передали приметы Сочне-

вой и ваши. Теперь, кажется, все... Да! Ребята, которые сегодня с вами работали, желают успеха и благополучного возвращения. Они сейчас знают, что я это передаю, и смотрят сюда. Но, к сожалению, вы их не видите. Теперь все.

— Спасибо. Приезжайте к нам в Остромск.

Они вышли из машины, попрощавшись с шофером. Всюду сновали пассажиры. Беззвучно раскрывались и закрывались многочисленные стеклянные двери, и с улицы сквозь прозрачные стены здания было видно множество людей, ходивших по этажам, сидевших в мягких креслах, толпившихся у витрин киосков. И найти среди этих тысяч людей тех, кто в течение дня неотступно следовал за Сочневой и вел за ней наблюдение и кто сейчас глядел на них и мысленно желал успеха и благополучного возвращения, было невозможно. «Волга», в которой они приехали, отошла от тротуара, проехала метров сто вперед, и Налегин видел, как кто-то в сером на долю секунды показался из толпы и сел в машину. Потом она проехала еще метров двадцать, снова остановилась, но больше Налегину уже ничего не удалось увидеть.

Во Львовском аэропорту их самолет уже ждали. Было тепло, пахло дождем, в стороне темнели округлые южные кроны деревьев. Невысокий рыжеватый человек с золотым кольцом на руке и золотыми зубами, похожий больше на преуспевающего фарцовщика, чем на оперативного работника, подошел к Налегину, на ходу разворачивая «Радянську правду», подмигнул и весело поздоровался:

— Сервус! Здравствуйте! Вирко Андрей, майор милиции.

Он показал им на машину со львовским номером, а сам остался со своим помощником, чтобы принять Сочневу «в натуре». Она спустилась по трапу одной из последних.

Минут через пять на широкой платформе электрокары подали багаж, и Сочнева с купленным в Москве польским баулом вышла на площадь. Маршрут-

ое такси быстро доставило ее к железнодорожному вокзалу.

— Куда же она поедет? — рассуждал вслух Вирко. — Тернополь? Самбор? Дрогобыч?

Пока он гадал, Сочнева и вместе с ней еще двое пассажиров, оказавшихся, видимо, попутчиками, пересели из маршрутного в «Волгу».

— Ну, кто с нами? Требуется четвертый! — крикнул шофер. — Жду еще минуту!

Львовский оперативник, приехавший с Андреем Вирко, подошел к шоферу.

— Нет, — отказался водитель, — это в сторону. Не по той дороге. Я еду в... — он назвал известный урортный городок.

Вирко подождал, пока таксист развернется, сделал необходимые распоряжения оставшемуся во Львове помощнику, и они поехали.

Старший оперуполномоченный Андрей Вирко оказался человеком не только деятельным, но и галантным. Он передал Зине букет флоксов, которые, как и выразился, полчаса назад росли еще на клумбе бластного управления, под окном генерала. Только риметы девушки, полученные из Москвы, заставили его пойти на святотатство.

Прежде чем выехать на тракт, Вирко рассказал шоферу, как проехать по городу.

— Ее повез городской таксист, — объяснил он легину, — поэтому ему придется в гараже оформить выезд за город. Считайте, что мы его уже перепегнали. Внимание! — он оглянулся в окно. — Это аш кафедральный собор, его строили подряд пять-от лет, с нарушением всех сроков сдачи. Сбоку аплика Боимов. Усыпальница, иначе. Когда мы ворьем покончим, я пойду в экскурсоводы. Имею ольшой практический опыт... Армянский собор. Вы-ающийся памятник армянской архитектуры на 'краине XIV века.

— Обязательно съезжу в Армению, — сказала ина.

— Посмотреть памятник украинской архитектуры?

Налегин слушал рассказ майора и смотрел на стороны, но, как и в Москве, думал только о Сочневой. Наконец в открытые окна машины ударила вечерняя прохлада полей. Они выехали за город.

— Значит, так, — сказал Вирко. — В том городке две гостиницы. В первой для Сочневой мест не окажется. Собственно, в это время года их нет ни в одной гостинице, но во второй, в дальней, для нее будет одно в двухместном номере, рядом с Зиной. И приедем мы туда на час раньше этой Сочневой. Так, Микола?

Он повернулся к шоферу. Микола, такой же молчаливый, как и его московский коллега, кивнул в знак согласия.

— Но она может поехать к знакомым? Или остановиться на частной квартире?

— По курорту проезд машин воспрещен, а на автостанции ее будет ждать наш человек.

Дежурной по этажу, показывавшей ей номер, Сочнева почти насильно сунула в карман плитку шоколада.

— Ничего, ничего, погрызете... Ночь длинная.

Номер ей понравился — чистенький, светлый, две широкие кровати под желтыми верблюжьими одеялами, пружинящий под ногами ковер.

Сочнева уже хотела пройти к шкафу, как дверь ванной позади нее открылась, и на пороге показалось красное, разомлевшее от жары хрупкое существо, закутанное в банную простынь.

— Господи, — ахнуло оно, увидев баул, — какая прелестная сумка! Как товаровед, могу точно сказать — работа польских мастеров. Артикул 617.

Сочнева засмеялась, у нее была широкая, открытая улыбка, которая как бы скрадывала на короткое время постоянно плутоватое выражение лица.

— Не ошиблись!

Только теперь она увидела висевший за дверью ярко-красный дамский плащ с косынкой, высывавшейся из кармана.

— Вы случайно не в «Ванде» ее покупали?

— В «Ванде». Сегодня утром. Вы, наверное, молочка?

— Да. А вы?

— Я из Ленинграда. — Вдали от Остромскаичева не считала для себя обязательным строго придерживаться истины.

— Меня зовут Ингой. А вас?

— Алла. Курортная поликлиника все там же? почкой у меня не все ладно.

— Там же... Одна больная тоже пошла к специалисту, но спутала при этом этажи. Не слышали?

Еще через несколько минут из их номера доносился громкий смех.

— А я голову-то не промыла, — сказала Инга, перебирая длинные потемневшие от купания волосы. — Я сейчас.

Когда из ванной раздался мерный гул заработка крана, Сочнева нашла в шкафу сумочку своей соседки и открыла ее. Там оказался целый набор маленьких бутылочек коньяка, бланк почтового перевода на весьма приличную сумму и паспорт Хрусталева. Инга значилась по нему уроженкой Москвы, проживавшей на Арбате, недавно расторгшей брак с гражданином Хрусталевым. В главе «особые отметки» стоял небольшой фиолетовый штамп «Комиссионный магазин № 58».

— Чудесно! — вырвалось у Сочневой. — Вот поздравлю!

В просторном холле на первом этаже было темно. Свет горел только на лестничной клетке. Налегин сидел в мягком кресле у окна и смотрел вниз. Неподалеку, в комнатке кастелянши, дверь которой была приоткрыта, на мягком диване дремала дежурная по этажу. Она лежала вниз лицом, у нее болел глаз. Кравченко с неизменным транзистором в руках занял позицию на поро-

лоновых подушках второго дивана против дежурной и не спускал глаз с освещенной лестничной клетки.

За большим, во всю стену, распахнутым окном была видна освещенная неяркими лампами дневного света узкая серебристо-зеленоватая улица. По другую сторону ее чернело трехэтажное здание санатория деревянными балконами с затейливой анфиладой террас, веранд, переходов, нешироких стрельчатых окон и оконцев. Под самой крышей там всю ночь светило круглое, словно иллюминатор, окно.

До самого утра мимо гостиницы вверх и вниз по крутой улице подымались люди. Они шли поодиночке по двое и большими компаниями. Налегину казалось, что их шутки и смех раздаются почти рядом, у самого кресла.

«Зимой здесь, наверное, остаются одни больные, подумал Налегин, еще глубже забираясь в кресло. А что, если Сочнева приехала сюда только затем, чтобы попить знаменитой целебной воды?»

Дежурная спала, Кравченко все еще крутил колесико своего крохотного радиоприемника.

Они прожили на этом курорте уже два дня, и Сочнева все это время вела образ жизни, обычный для временных жителей города: три раза в день пила воду, спала в номере после обеда, а вечером ходила с Зиной — Ингой — на танцы в санаторий горняков, который был неподалеку. Правда, сегодня днем Сочнева подвела Зину к небольшому домику, стоявшему неподалеку от пожарной каланчи, и сказала: «Здесь я снимала раньше комнату. Подожди меня, я пойду с хозяйкой поздороваться!» Отсутствовала она минут десять.

Проверка дома ничего существенного не дала: дом принадлежал Марии Билык, вдове. Она действительно сдавала комнаты отдыхающим. И сейчас во флигеле снимал комнату один из них — пожилой инженер с севера, который перед приездом Налегина и его товарищей выехал на несколько дней во Львов.

«Неужели только попить воды?..»

Да нет, Сочнева не стала бы тратить на это деньги.

Не могла она приехать и как связанная, потому что с того момента, как узнала о командировке, ни с кем не виделась. Очевидно, она должна получить что-то здесь и увезти в Остромск для сбыта. Налегин принимал таблетки от сна и ходил по городу достаточно бодрый, удивляясь своей стойкости. Кравченко тоже крепился.

...Они видели бювет у источника, где было гулко илюдно, как на вокзале, и много людей — кто не спеша, а кто залпом пил знаменитую воду из стаканов, кружек и специальных плоских фарфоровых кувшинчиков. Видели и детский бювет. Там резвились маленькие посетители, рассуждавшие о куклах, цветах под названием «Лялины слезки» и о зондировании. Они морщились, но пили целебную воду.

Хотя приезжих из разных мест было очень много, эти люди не могли изменить сугубо украинский склад города, его тихие, прочно сложившиеся привычки. «Когда-нибудь обязательно снова приеду сюда», — в который раз повторял Налегин, занимая свой наблюдательный пост в душном гостиничном холле.

Ему нравилась и здешняя напевная речь и то, что парикмахер на углу, под открытым небом, стриг клиентов как-то особенно спокойно, почтительно и не подобоострастно, медленно и с достоинством пуская дым из длинного тонкого мундштука. Швейцар из гостиницы, молодой безусый парень с простым деревенским лицом и ленивыми движениями, выполнял разные мелкие поручения отдыхающих и по утрам приносил в вестибюль воду в сверкающих прозрачных хлорвиниловых мешочках. Но это, как узнал Налегин, была не та вода, которую пили в бювете, а другая — из находящегося в парке Источника красоты, обещавшего всем умывающимся этой водой нежную и мягкую прелесть кожи до глубокой старости.

В пятом часу утра легкий прозрачный воздух хлынул откуда-то с гор и проник в город, мягко осветил он серые и бурые стены домов и красные веселые черепицы крыш, отделил деревья от заборов и развесил по невысоким холмам, окружавшим город, тонкие пау-

тины зеленых улиц. Сразу потускнели освещенные изнутри ярким электрическим светом стеклянные аквариумы, в которых днем торговали сувенирами и галантереей. Швейцар гостиницы открыл дверь и вышел на влажные от росы гладкие белые и желтые плитки вниз.

Налегин видел из окна, как швейцар сложил на груди руки и застыл, словно окаменевший хозяин этого огромного заколдованного куба из разноцветной керамики, стекла и серого камня.

Это было странное утро, и Налегина не покидала мысль о том, что, кроме него и Кравченко, в гостинице бодрствует множество людей. Трудно было поверить, что можно спать в такую минуту ожидания, на восходе солнца. Но ни один звук не доносился из номеров. Дежурная по-прежнему неподвижно лежала на диване вниз лицом, и кусок теплого верблюжьего одеяла прикрывал ей затылок.

Метрах в пятидесяти от гостиницы, на ступеньках маленькой церкви, неожиданно появились люди — мальчики в короткополых шляпах и женщины — и за пели тихо и жалобно, словно что-то выпрашивали у бога для себя взамен утреннего сна. Тут же на мостовой оказалось несколько зевак из отдыхающих, они с интересом наблюдали за молящимися.

Где-то в конце коридора, в одном из номеров, неожиданно раздался телефонный звонок и тут же смолк. Налегин бросил тревожный взгляд на товарища, но звонок больше не повторился. Прошел по коридору с теннисными ракетками в руках высокий поджарый старик спортсмен, снимавший одиночный угловой номер.

Неожиданно скользнула в холл Зина. Налегину было приятно увидеть ее смешливые раскосые глаза услышать быстрый заговорщицкий шепот.

— Сейчас нам позвонили. Сочнева куда-то собирается.

— О чем они говорили?

— Сочнева только говорила «да» и «нет», Мне кажется, что разговор шел обо мне...

— О тебе?!

— Да. Она как-то странно на меня посмотрела, потом сказала «нет». И еще раз «нет».

— Будь осторожнее. Ничего, кроме чисто женского любопытства...

— Бегу. Ни пуха ни пера, мальчики, — Зина беззаботно зашлепала по коридору дальше, в комнату горничной за утюгом. Большая модница, она спозаранку принималась за утюжку либо усаживалась перед зеркалом.

Теперь они оба, Налегин и Кравченко, стояли у окна настороженные, прислушивались к гостиничной тишине.

— Смотри! — тихо сказал Налегин и за рукав увлек товарища в глубь холла, подальше от окна.

Напротив гостиницы стоял невысокий пожилой человек в коричневом несколько старомодном, но добротном костюме и шляпе. В одной руке у него была сетка с яблоками, в другой кожаная папка, с какими ходят командированные.

Подняв голову, человек смотрел на окна гостиницы. Лицо его было сухим и смуглым.

— Постой, — сказал Налегин, — этого человека я мельком видел вчера вечером в гостинице у газетного киоска, а теперь он с папкой, как будто сейчас приехал! По-моему, это был он... Сначала прошла Сочнева с Зиной, а потом... Может, я стал чересчур подозрительным? Он подходил еще к швейцару, о чем-то спрашивал...

— Ты путаешь, — сказал Кравченко, — это еще один неудачный соискатель на место в гостинице. Не больше.

Взгляд Удава внимательно скользнул по окнам, но ничего подозрительного не нашел.

Это был, наверное, единственный город, находясь в котором Удав чувствовал себя в относительной безопасности. Хозяйка дома, где он останавливался, была старшей сестрой одного украинца, которого Удав, не без тайного умысла, спас однажды от мести лагерных заправил. Из чувства благодарности Иван — так

звали того украинца — написал сестре письмо и просил принять «его благодетеля и кума» как родного брата. Сам Иван после освобождения женился, устроился работать в Иркутской области и бывал в Прикарпатье редко. Зато Удав был принят в доме Марии Билык как член семьи.

Мария жила одна с двумя почти взрослыми сыновьями в большом доме недалеко от леса. Деньгами и твердостью характера приучил Удав Марию к повиновению, и уже не она, а он, приезжая, чувствовал себя хозяином этого большого дома. Младший сын Марии исполнял при Удаве роль адъютанта.

В доме постоянно жили отдыхающие, в основном женщины. Весь день до поздней ночи они проводили в центре города, у источника, в водолечебнице, в курортном зале. Иногда они видели во дворе приезжающего каждый год с далекого севера инженера, пожилого, благообразного, неразговорчивого.

Об этом доме знали только близкие, самые проверенные сообщники Удава. Для других местом его пребывания был Львов, потому что он пользовался в качестве почтового ящика Львовским главпочтамтом.

В больших далеких городах доверенные люди Удава подыскивали для него объекты будущих квартирных краж. Они совершали преступления и сами, но особенно дерзкие и крупные кражи оставляли ему. Он появлялся обычно на неделю, на две то под видом колхозника, то в форме отставного капитана-речника, в потрепанной форменке и суконной фуражке с якорем, с маленьким фибровым чемоданчиком в руках. После серии удачных краж Удав исчезал, а вещи, которые нужно было сбыть, проверенными тайными каналами перековывали с Украины куда-нибудь в Сибирь, на север или же, наоборот, с севера на толкучку в Ужгород.

Удав уже не нуждался в деньгах. Денег хватало. Преступления, которые он совершал, были скорее мутью обществу, которое, как он считал, только делало вид, что земные блага для него ничто по сравнению с такими непреходящими ценностями, как работа, любовь, порядочность, честность... Уж он-то, Удав, лучше

их всех знал, чем живы люди, и его приводила в ярость мысль о том, что, сколько бы он ни воровал, ни богател, ему всегда придется на людях вести жизнь честного работника, носить с собой сумку с черствыми батонами или авоську с яблоками и по пятам за ним до последнего дня будет ходить страх перед неминуемым.

Но, приезжая на курорт, Удав ненадолго успокаивался.

Каждый день, если не было дождя и «дела» не призывали его в другие места, он уходил в лес, но не очень далеко. Брал с собой в дорогу острый перочинный нож. Загорал, сидя на пне, вырезал палки или слушал пение птиц.

Нельзя сказать, что он любил природу или не мог обходиться без птичьего пения, — просто он хорошо знал, что остальные люди, презренные фраера, лишены возможности проводить в лесу все дни недели, кроме воскресенья и дней отпуска, поэтому его образ жизни должен был еще раз подтвердить ему самому преимущества выбранного пути. Еще бы: он не работал, не нуждался в деньгах и в любой момент, если была подходящая погода, мог прийти сюда, вырезать себе палку и слушать пение птиц.

На обратном пути из леса он подходил к бювету, вынимал складной стаканчик и делал несколько глотков воды сначала из главного источника, у которого всегда толпилось больше всего больных, а потом еще из двух, носивших мудреные женские имена, — из того, что помогал при повышенной кислотности желудка, из другого, помогавшего при пониженной, а также из вмурованного в стену крана — обычной воды, которой следовало бы лишь прополоскать стакан.

Оставаясь иногда один в комнате, он щупал свой живот, стучал себя несильно сзади на уровне поясницы, стараясь с помощью этих нехитрых виденных им приемов обнаружить в себе признаки тех болезней, о которых говорили на курорте, у источника, даже в курортном зале. Сдавив пальцами горло, долго глотал слюну, прислушиваясь к своим ощущениям.

Как абсолютное большинство преступников, кото-

рые по общему укоренившемуся заблуждению не следят за своим здоровьем, поскольку якобы готовы им рисковать ежедневно и ежечасно, Удав по первому же тревожному симптому ходил к врачам, как в лагере, так и здесь, на курорте, а так как жил он у Марии без прописки, то ходил в платную поликлинику по протекции знакомой Марии, работавшей там санитаркой.

Врач уже хорошо знал этого больного, но каждый раз внимательно выслушивал его сердце и легкие, долго пальпировал живот и направлял на анализы. Анализы оказывались вообще-то благополучными, но врач выписывал ему на всякий случай таблетки, которые Удав покупал, но не принимал. Ему достаточно было убежденности в том, что его болезни излечимы, излечимы в любое время, что он здоровее большинства своих сверстников и может прожить еще лет сорок и пятьдесят, и ему не хотелось отравлять себя раньше времени лекарствами.

Так и жил он последние несколько лет, словно опасное хищное животное, прячущееся днем в норе и выходящее по ночам на охоту.

Удав еще раз огляделся по сторонам и вошел в гостиницу.

Налегин и Кравченко слышали в холле, как кто-то медленно поднимался по лестнице, шаркая по ступенькам и нарочито тяжело отдуваясь на площадках, чтобы постоять и прислушаться. С лестничной клетки их этажа увидеть его было невозможно, а идти ему навстречу казалось рискованным. Шаг за шагом невидимый «кто-то» подступал все ближе и ближе, и тяжесть ожидания давила их.

На третьем этаже человек остановился.

«Может, он спутал этаж? — мелькнуло в голове у Налегина, и в то же время единственно правильная мысль вдруг осенила его: таинственный гость решил не входить в номер, какое-то шестое чувство предупредило о подстерегающей его в номере опасности. Встреча произойдет здесь, на лестничной площадке третьего этажа, без свидетелей.

Найдя отправную точку, мысли Налегина потекли быстро и целеустремленно, времени на раздумья и советы теперь не оставалось.

«Осторожный сообщник Сочневой не поднялся бы в гостиницу, если бы намеревался отправиться куда-нибудь вместе с нею в город... Если он принес с собою какие-нибудь ценности, то передаст тоже здесь. Задержать обоих и не дать выбросить ценности будет трудно... Но почему так? Что-то подозревает или просто спешит?»

Налегин не мог знать, что во внутреннем боковом кармане пиджака Удава лежат купленные заранее билеты на самолет, отлетающий днем на Сочи: опытный преступник собирался надолго сменить свою старую явку.

Приняв решение, Налегин быстро пошел по ковру, устилавшему коридор. За дверью номера, где жили Сочнева и Зина, коротко щелкнул металлический замок сумочки — «ленинградка» заканчивала свои короткие сборы. Недолго думая, Налегин повернул торчащий в дверях ключ с привязанной к нему тяжелой деревянной грушей, вынул его из замочной скважины и положил к себе в карман. Потом — уже спокойно — вернулся в холл.

Было слышно, как человек поскрипывал ботинками там, на третьем этаже, очевидно нервничал, не зная, чем объяснить отсутствие своей сообщницы.

Налегин показал Кравченко ключ и кивнул головой в сторону комнатки кастелянши, сделав вид, будто берет в руку телефонную трубку.

Через минуту его помощник уже звонил от кастелянши, осторожно прикрыв за собой дверь:

— Девушки! Извините! Мы у вас ключ взяли — нам нечем было свой номер закрыть! Мы вам занесем! — Он говорил голосом человека, который к утру еще не вполне протрезвел.

— Откройте сейчас же! — вне себя от возмущения крикнула в трубку Сочнева. — Вы за это ответите! Иначе больше вы в гостинице жить не будете! Это я вам говорю!

— Зачем же так нервничать? Я за вами вчера весь

вечер наблюдал на танцах — хотел подойти. Восхищался. Вы мне так понравились.

— Откройте сейчас же!

Трубку взяла Зина.

— Я прошу вас, мальчики, откройте! Так не шутят! Давайте потом встретимся, поговорим, а сейчас откройте! Прошу...

— «Я несу тебе цветы, как единственной на свете, королеве красоты», — пропел Кравченко негромко и щелкнул над микрофоном пальцами.

Потом он положил трубку.

Теперь Зина знала, что они начали комбинацию в новом варианте, без нее. Вариант 1, продуманный во всех деталях и казавшийся таким неуязвимым, провалился...

Удав тоже позвонил от дежурной по третьему этажу. Ответ был невразумительный. Оперативники слышали, как Сочнева несколько раз нерешительно начала стучать в дверь, но было еще рано, и она боялась привлечь всеобщее внимание.

Чувствуя неладное, Удав быстро пошел вниз.

Налегин подхватил Кравченко под руку. Заговорил громко:

— Я люблю вставать рано, чтобы еще до восхода солнца быть на реке. Со мною жил на Волге один парень, его звали Феликс. Он был врачом. И вот его большая мечта была — иметь мотоцикл, «Яву», — это был набор слов, но только так, разыгрывая двух беспечных парней, они могли идти вниз за невидимым им человеком, чтобы не возбудить его подозрений. Все складывалось не так, как было намечено сначала, и в действие вступал еще не до конца продуманный, тут же на месте дополнявшийся новыми деталями оперативный план задержания.

Выйдя из гостиницы, Налегин и Кравченко не увидели никого, кроме давешнего пожилого мужчины в старомодном костюме. Он стоял у дерева, прислонив папку к ноге, и вытирал платком вспотевший лоб. Было начало шестого. Дисциплинированные верующие продолжали свои песнопения, и еще одна запоздавшая пара спешила через улицу к церкви. Женщина тащила

мужа за руку, а он шел, смущенный и растерянный, заранее сняв свою серую гуцульскую шляпу. Очевидно, ему предстояло замаливать какое-то прегрешение...

Мужчина с папкой и его преследователи стояли друг от друга метрах в десяти на площадке из желтых и черных плиток перед входом в гостиницу. Кравченко все еще не верил, что это и есть тот самый человек, из-за которого они проделали весь длинный и трудный путь от Остромска до предгорья Карпат. Но Налегин, присмотревшись на этот раз к нему повнимательнее, узнал его, хотя на той фотографии, в деле Кокурина, он был молодой, с челкой, в блатной кепке-восьмиклиночке... Да, Удав! И это он накануне вечером, чтобы убедиться в отсутствии всякой опасности, тайно провожал Сочневу и Заварзину до гостиницы и навел справки у швейцара.

— Не поворачивайся к нему! — тихо сказал Налегин. — Я сам буду смотреть. — И продолжал уже громко: — Так вот, «Яву» он купил потом, но рыбак Феликс был настоящий. — Налегин снова перешел на шепот. — Он не знает, что ему делать. Оставить папку не может, а идти с ней боится. Пистолет у тебя наготове? Может, мы перехитрим его?

— Наготове. Но это не тот человек.

— Молчи. Это Удав. Потом скажу. Ты действительно любишь ловить рыбу? Ловил когда-нибудь?

— Ловил. Только во флоте. Камбалу — дротиками.

— Большая камбала?

— Килограмма на три. Он все еще стоит? Зря мы не посмотрели за гостиницей. Этот старик — не он!

— А где вы брали дротики? Говори громче!

— Их у нас было много. Можно даже самим из проволоки делать.

Вокруг них стояла тишина, нарушаемая лишь тихим песнопением. Удав придвинулся к ним поближе, прислушиваясь.

— Концы проволоки оббить молотком и заточить напильником — чтоб как крючок.

— Я тоже ловил мало. На турбазе в основном. Маленькую форель.

— Форель?! — по-настоящему удивился Кравченко.

— Да, форель! А что особенного?

— Ну, как он? Это же царская рыба!

— Все в порядке. Мы жарили форель на костре. Он ждет кого-то. Может быть, даже не Сочневу. А еще ловил в море, но у меня удилище было маленькое. Ничего не ловилось.

— А на что вы ловили в море?

— Сначала ловил маленькую рыбешку, ну, всяких там бычков, а потом на нее — крупную рыбу.

— Очень хитро.

— Да. А вот теперь приготовься. Он предусмотрел подстраховку. Вот черт...

Высокий, здоровый парень, похожий на цыгана, в мятых парусиновых штанах и тенниске подошел к Удаву, что-то сказал ему и протянул руку к папке.

— Стой! — вдруг громко крикнул ему Налегин и в несколько прыжков пересек отделявшее их друг от друга расстояние.

Ни пожилой мужчина, ни похожий на цыгана парень не двинулись с места, потому что у Кравченко в руке был пистолет.

— Беги! Что стоишь? — крикнул Удав, придя в себя.

Сверху, с горы, в это время шла вниз большая белая машина, дежурившая у санатория горняков.

Сын Марии Билык схватил папку и отпрыгнул в сторону, но Налегин успел схватить его за руку и рывком свалить на тротуар. Противник оказался сильным, кроме того, в каком-то кармане у него был нож. Это Налегин понял по его рывку и профессиональным захватом прижал парня к тротуару. Теперь он был уже не опасен: вся правая сторона тела, от щеки до голени, была плотно прижата к асфальту.

Кравченко и Удав одновременно бросились к папке, схватили ее. От рывка металлическая кнопка запора отскочила в сторону, и несколько тяжелых блестящих монет покатались по тротуару. Одна из них закрутилась и мягко легла у лица парня.

— Золото, — прохрипел он, скосив глаза к переносице.

Удав вяло, как во сне, провел рукой по лицу, словно бы признавая бесполезность сопротивления, и вдруг бросился между Налегиным и Кравченко. В руке у него что-то было.

— Стреляю! — крикнул Кравченко, выронив папку.

Но Удав уже не мог остановиться. Он чуть-чуть изогнулся и, как будто совсем несильно, еле-еле, как в детской игре, коснулся рукой пиджака Славы Налегина и побежал дальше.

Налегин сразу ничего не почувствовал, еще сильнее прижал противника к тротуару и оглянулся: Удав мелкими шагами, пригнувшись, мчался вниз, к углу гостиницы.

И вдруг Налегин почувствовал странную неодолимую слабость в коленях, в груди, в каждом мускуле, голова его закружилась. Успел понять, что падает.

Он не слышал, как выстрелил Кравченко...

Сознание вернулось к Налегину только через несколько дней, неожиданно, легким, чуть слышным толчком. Он приоткрыл глаза и увидел перед собой лицо незнакомого человека, очень худого, с жидкой шевелюрой на голове. Человек серьезно подмигнул Налегину, потом приложил ладони дощечкой к своей небритой щеке и прикрыл глаза: «Спи!» И Налегин послушно заснул. Таким — усталым и серьезным — он навсегда запомнил молодого львовского хирурга, спасшего ему жизнь.

А за несколькими стенами от него в той же больнице в это время умирал Удав. И хотя каждое его дыхание отзывалось страшной болью в задетом пулей позвоночнике, он умирал корчась и извиваясь, умирал тяжело, по-змеиному, оправдав свою кличку и последними днями жизни.

Налегин возвращался с задания через полгода.

Медно-красное солнце медленно вставало из-за горизонта, позади самолета. Иллюминатор был чист, и от солнца к прозрачному стеклу, к холодным металли-

ческим доспехам машины тянулись разноцветные пунктирные линии.

Из коротких писем друзей, из рассказов Андрея Вирко Налегин уже знал, что дело Удава прекращено за смертью обвиняемого, что Сочнева в ожидании суда находилась в Усть-Покровске, куда этапирован и сын Марии Билык вместе с другими соучастниками. Да, другими соучастниками... Услышав выстрел и поняв, что арест неминуем, Сочнева в номере гостиницы передала Инге Хрусталевой, бывалой девице из комиссионного магазина, несколько адресов с просьбой известить о внезапной тяжелой болезни «старика». Так милиции стали известны имена сообщников Удава в Харькове, Донецке и Улан-Удэ. «Сколько веревочке ни виться, все равно конец будет...»

Гаршин, который и в письмах, как всегда, был строг и пунктуален, сообщал Налегину, что областной суд, рассмотрев дело Кокурина по второй инстанции, учел его искреннее раскаяние и исключительное трудолюбие: наказание ему было снижено до фактически отбытого срока, и он дважды уже вместе с Вереничем приходил в управление. Почти ежедневно справлялась о здоровье Налегина Ветланина. «Абонемент на весь театральный сезон тебе обеспечен», — иронизировал Гаршин.

— Наш самолет совершил посадку в аэропорту Остромска, — внезапно объявила стюардесса. — Температура за бортом плюс один градус...

Налегин вышел на трап.

На летном поле было тихо. словно огромные сонные рыбы в садке, дремали, подняв серебристые плавники, самолеты.

От маленького синего «газика», застрывшего на краю поля, шли к самолету несколько человек. В первом, высоком, в велюровой шляпе, Налегин узнал Данилова. За ним шел Шубин, у него в руке были цветы. Налегин различил Кравченко, Зину Заварзину; за ними шел еще кто-то, небольшой, в кепке и плаще.

Бессвязные, отрывочные воспоминания о ночах, проведенных в маленькой, на одного человека, боль-

ничной палате, разом нахлынули на него, но тут же смешались с другими, такими же отрывочными и бес-связными, — об ориентировках, которые вручает тебе под расписку секретарь и которые ты начинаешь тут же, у барьера, перелистывать; о тревоге, охватывающей тебя, когда начальство начинает чересчур придиристо копаться в закрепленном за тобой пистолете; о черством бутерброде, честно разломанном перед рассветом на равные части... о тысячах простых и крепких нитей, связывающих тебя с товарищами.

...Позади всех, в кепке и плаще, мелкими шажками, не спуская с Налегина своих все понимающих внимательных глаз, шел по летному полю Гаршин.

СОДЕРЖАНИЕ

ТАКАЯ РАБОТА. Повесть	5
Дежурство в пятницу. Глава 1	6
Дорогой поиска. Глава 2	72
 «ЗАДЕРЖАТЬ НА РАССВЕТЕ». Повесть	 155
«Хранить вечно!»	156
Гаршин. Глава 1	167
За Монахом! Глава 2	186
Налегин. Глава 3	191
Бумаги, бумаги... Глава 4	198
Улица полна неожиданностей. Глава 5	206
Как опровергаются версии. Глава 6	211
Стреляная птица. Глава 7	217
Издержки следствия. Глава 8	225
Гости из Шедшемы. Глава 9	241
«Стиль — это человек». Глава 10	249
«...пиши просто!» Глава 11	263

Закон парных случаев. Глава 12	269
Пропущенная глава. Глава 13	280
Кокурин. Глава 14	290
Встреча однокурсников. Глава 15	295
Кто есть кто. Глава 16	299
Командировка. Глава 17	305
На рассвете. Глава 18	315

Словин Леонид Семенович

«ЗАДЕРЖАТЬ НА РАССВЕТЕ». Повести. М.,
«Молодая гвардия», 1969.
336 с., с илл. Р2

Редактор **А. Строев**

Оформление художников **И. Пчелко, В. Терещенко**

Художественный редактор **Г. Позин**

Технический редактор **Р. Грачева**

Сдано в набор 26/II 1969 г. Подписано к печати
30/V 1969 г. А01121. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага
№ 3. Печ. л. 10,5 (усл. 17,64). Уч.-изд. л. 16. Ти-
раж 100 000 экз. Заказ 315. Цена 48 коп.
Т. П. 1969 г., № 255.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Сущевская, 21.

КНИГИ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОЙ СЕРИИ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

- В. Смирнов — Тринадцатый рейс.**
О. Шмелев, В. Востоков — С открытыми картами.
В. Ардаматский — Возмездие.
А. Имерманис — Самолеты падают в океан.
М. Хейфец — Секретарь тайной полиции.
Г. Садовников, Н. Леонов — Мастер.
«Приключения. 1969» — сборник приключенческих рассказов и повестей.
М. Прудников — Особое задание.
Р. Самбук — Ювелир с улицы Капуцинов.
Г. Голубев — Следствие сквозь века.
Р. Ким — Тайна ультиматума.